

Современная гуманистическая
литература

Джойс МакДугалл

Тысячеликий
Эрос

Библиотека
психоаналитической
литературы

СОВРЕМЕННАЯ ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

**Библиотека психоаналитической литературы
под общей редакцией профессора М. М. Решетникова**

Joyce McDougall

**THE MANY FACES
OF EROS**

A PSYCHOANALYTIC EXPLORATION
OF HUMAN SEXUALITY

Джойс МакДугалл

ТЫСЯЧЕЛИКИЙ ЭРОС

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СЕКСУАЛЬНОСТИ

Б&К

Восточно-Европейский институт психоанализа
Санкт-Петербург
1999

ББК 88
М15

*Перевод с английского Е.И.Замфир
Научная и литературная редакция профессора М.М.Решетникова*

МакДугалл Джойс

М15 Тысячеликий эрос. Перевод с английского Е. И. Замфир под редакцией проф. М. М. Решетникова. СПб.: совместное издание Восточно-Европейского института психоанализа и Б&К, 1999.— 278 с.

Работа одного из самых известных современных французских психиатров и психоаналитиков посвящена проблеме человеческой сексуальности и различным формам ее проявлений в норме («неосексуальности») и патологии, а также — терапии нарушений в этой глубоко интимной сфере отношений. Книга написана в прекрасном афористическом стиле и, безусловно, представляет огромный интерес как для специалистов, так и для широкого круга читателей.

ISBN 5-93414-002-7

© Joyce McDougall, 1995.
© Восточно-Европейский институт психоанализа, 1999.
© Перевод с английского Е. И. Замфир, 1999.
© Б&К, 1999.

*Памяти Роберта Столлера,
выдающегося писателя и исследователя
тайн человеческой сексуальности
с постоянной благодарностью за его
плодотворные мысли и драгоценную
дружбу в течение долгих лет*

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Я познакомился с Джойс МакДугалл на 40-м Конгрессе Международной Психоаналитической Ассоциации (ИПА) в Барселоне в августе 1997 года. Один из немецких коллег, упомянув ее имя в разговоре, был несказанно удивлен: «Как, ты ее не знаешь?! Это один из самых интересных авторов современности!» После этих слов у меня, собственно, уже не было выхода: наши издательские программы были очень бедны, и особенно — на современников.

Я попросил представить меня, и если бы я не знал, что передо мной признанный во всем мире психиатр и психоаналитик, почти с 40-летним стажем, мне бы никогда не догадаться ни о возрасте, ни о глубине опыта этой необыкновенно приятной и прекрасно сложенной женщины с сияющим взглядом и очаровательной улыбкой, которой, скорее, хотелось просто понравиться, чем вести переговоры об издании ее книги. Тем не менее, предварительные переговоры состоялись, и затем началась переписка с ней и ее секретарем миссис Донателлой Д'Ормессон. Очарованный и первой, и второй, я в конечном итоге согласился приобрести авторские права на издание книги за 1000 долларов, чего никогда до этого не делал.

Вероятно, ни с каким другим изданием не было столько хлопот. Вначале возникли проблемы — как передать вышеупомянутую сумму в агентство «Бенисти» в Париж? Здесь мне помог мой большой друг и очаровательный человек — французский психоаналитик, русский по происхождению (но родившийся уже во Франции), Саша Непомящи, который по первой же просьбе внес эту сумму за меня в Париже, а я вернул ему долг уже здесь, в Петербурге, во время его очередного визита для проведения лекций и супервизий (и приезды, и лекции, и супервизии он уже на протяжении нескольких лет осуществляет за свой счет).

Я попросил сделать перевод выпускницу нашего Института Елену Замфир, с которой мне уже приходилось работать над книгами

Карен Хорни («Женская психология», 1993) и Диноры Пайнз («Бессознательное использование своего тела женщиной», 1997). Договор с агентством по срокам издания был достаточно жестким, и это меня очень волновало. Сразу хотел бы отметить, что переводить книгу было чрезвычайно сложно. И, возможно, в ней еще остались некоторые неточности и шероховатости. Я почти уверен, что на французском эта работа звучит более искрометно. Такого же эффекта можно было бы добиться и в русском варианте, но это потребовало бы слишком сильной интервенции в авторский текст, что ни по этическим, ни по законным основаниям невозможно.

Потом на нас свалился августовский кризис, что, естественно, ставило под сомнение возможность финансового обеспечения этого издания в определенные договором сроки. Наши французские друзья порекомендовали нам обратиться за поддержкой во французский издательский «Фонд «Пушкин», действующий при посольстве Франции в Москве. Там нас вначале попросили доказать, что Джойс МакДугалл действительно французский автор и пишет свои книги на французском; а когда мы это сделали и даже экспресс-почтой с помощью уже упомянутого агентства «Бенисти» доставили в посольство французский вариант книги, нам все-таки отказали, выразив, как и положено дипломатам, глубокое сожаление.

Затем я попросил доктора Джойс МакДугалл написать предисловие к этой книге, специально для российского читателя, и дать хотя бы краткую информацию о себе. Но как раз в это время умер ее муж, и, по понятным причинам, она не была расположена к такой работе. По ее просьбе подготовить такое предисловие собирался доктор Джеймс Гаммил — известный французский психоаналитик, сейчас живущий в США, который перед этим провел недельный лекционный курс в нашем Институте. Но сроки поджимали, и этот замысел также оказался невыполнимым.

Мне ничего не оставалось, как написать только это краткое вступление, так как, с одной стороны, мне хотелось выразить свою благодарность автору и всем, кто был причастен к изданию этой книги в России, а с другой — я и не мог написать больше, так как не люблю препарировать работу автора и отмечать достоинства или недостатки тех или иных глав. Тем более что, перечитывая книгу, я обнаруживал в ней все больше достоинств и замечал все меньше недостатков. Когда она будет опубликована, я обязательно прочту ее еще раз, уже просто как читатель, а не как редактор.

Конечно же, эта книга для специалистов. Может быть, даже более, чем те, что мы издавали ранее. Тот, кто не имеет психоаналитической подготовки и практики, и именно — психоаналитической практики, скорее всего многого в ней не поймет. Я вряд ли ошибусь, если скажу, что автор и не ставил такой задачи — писать для широкого читателя или даже для психиатра или психолога общей практики. Вся книга рассчитана на тех, кто знает, о чем идет речь, хорошо владеет терминологией и умеет улавливать недосказанное. Если еще точнее — она рассчитана на психоаналитический склад ума и аналогичный стиль мышления.

Я знаю, что эту книгу прочтут многие из наших пациентов, и некоторым своим я буду даже рекомендовать ознакомиться с ней. И хотя я знаю, что значительная часть текста останется им недоступной, то немногое, что они сумеют уловить, безусловно, поможет в их аналитическом процессе.

Я уверен, что появление этой книги будет событием и позволит существенно прибавить в нашем понимании как психоаналитического процесса в целом, так и в ряде частных вопросов терапии.

Проф. Мих. РЕШЕТНИКОВ

Пролог

Загадка сексуальности: вечный поиск разгадки

*В сердце человека есть другая вселенная
О которой мы ничего не знаем,
которую не осмеливаемся исследовать.
Неизвестная серая даль все еще отделяет
Наш бледный разум от пульсирующего континента
Человеческого сердца.
Первооткрыватели едва лишь высадились на его берег,
И ни один мужчина, ни одна женщина не знает
Тайн его глубин,
Где, темнее Конго и Амазонки,
Текут в сердце реки обилия, страсти и горя.*

Д. Г. Лоуренс

Человеческая сексуальность неотъемлемо травматична. С наших первых чувственных отношений начинаются (возникая в результате столкновения между внутренним миром первичных инстинктивных влечений и сдерживающими силами внешнего мира) многие психические конфликты, с которыми мы встречаемся в поиске любви и удовлетворения. Когда младенец открывает «грудь-вселенную», начинается период правления «каннибальской любви», в которой эротические и садистские стремления слиты. Постепенно приобретаемое знание о «другом» (объекте, отдельном от Собственного Я) рождается из фрустрации, ярости и первичной формы депрессии, которые каждый ребенок переживает по отношению к изначальному объекту любви и желания. Блаженство лежит в уничтожении, отмене разницы между Собственным Я и другим.

Поэтому неудивительно, что в ходе аналитического путешествия мы открываем следы того, что вполне можно было бы назвать «архаичной сексуальностью», несущей неразделимый отпечаток либидо и мортидо, — любовь в ней неотличима от ненависти. Напряжение, исходящее из этой дихотомии с ее депрессивным потенциалом, вынуждает к вечному поиску своего разрешения и, действительно, представляет витальный, вездесущий субстрат для всех форм взрослой любви и сексуальности.

За признанием разницы между Собственным Я и другим следует равно травматичное открытие разницы между полами. Сегодня мы знаем,

что впервые оно происходит не во время (имеющего свою специфику у каждого пола) эдипального конфликта, как считал Фрейд, а задолго до этой, так называемой классической, фазы. Руаф и Галенсон (1981) провели многолетние исследования, посвященные этому вопросу. Их наблюдения продемонстрировали, что *сам по себе факт разницы* уже возбуждает тревогу задолго до начала борьбы ребенка с тревожными конфликтами, окружающими эдипальный кризис. Однако считается, что открытие половых различий ведет (по-своему — у каждого пола) к взрослению, как только тревогу удастся несколько смягчить.

И в своем гомосексуальном, и в гетеросексуальном измерении эдипальный кризис заставляет ребенка примириться с невозможностью воплотить оба пола и обладать обоими родителями. Вдобавок к этому, принимая свою неизбежную однополость, новый человек должен каким-то способом компенсировать свой отказ от бисексуальных стремлений. (Эти способы мы исследуем в главах, посвященных творчеству и сексуальным отклонениям (девиациям).) Открытие половых различий вносит вклад в постепенное приобретение интрапсихического представительства «сердцевины рода»¹, в том смысле, в каком этот термин определил Столлер (1968). На этой основе ребенок будет формировать свою самоидентичность как «мужскую» или «женскую» через психические представительства, создающиеся не из биологической данности, а из указаний бессознательного своих родителей и из понятий их культурной и социальной среды.

В той степени, в какой сексуальная ориентация формируется опытом раннего детства, психоанализ должен вносить особый вклад в изучение

¹ Термин «gender» трудно перевести однозначно. Столлер противопоставил его биологическому полу (sex), вынеся в заголовок своего знаменитого труда «Sex and Gender», который трудно понять иначе, чем «Пол и род».

Gender означает, в первую очередь, грамматический род существительных и прилагательных (по-русски — мужской, женский и средний), который придан словам достаточно произвольно, но все же в соответствии с некими качествами предмета, напоминающими о мужских или женских половых отличиях, или об отсутствии таковых (скрипка — неодушевленное существительное женского рода, видимо, в силу своих очертаний), по-английски gender бывает masculine, feminine, neuter, common). Слово gender можно употребить в смысле «sex» только в шутку (как и сказать, что скрипка — женщина). А вот sex бывает только male и female (самцовый и самочный), так как male — это самец, особь мужского пола, а female — самка, особь женского пола. По-русски мужским (женским) может быть и пол, и род.

Беда для переводчика в употреблении прилагательных masculine/feminine то в смысле «мужской/женский», то в смысле мужественный/женственный, что далеко не одно и то же. (Прим. перев.)

как аббераций сердцевины родовой идентичности, так и психических конфликтов, касающихся сексуальной (половой)² ролевой идентичности. Хотя не вызывает сомнений, что у мальчика иные анатомические ощущения, чем у девочки, эта «данность» не подразумевает, что психическое представительство сердцевины родовой идентичности — врожденное. Фрейд подчеркивал, что объекты сексуального желания не врожденные, а должны быть «найжены» (1905); он также предполагал, что ощущение Собственного Я и своей сексуальной ориентации, хотя и устанавливается в раннем детстве, в полную силу «открывается вновь» вскоре после наступления пубертата.

Как заметил Лихтенштейн (1961), развитие нашего ощущения личной идентичности подобно Янусу: с одной стороны, наша идентичность включает «то, что так, как у меня», а с другой — «то, что не так, как у меня». Говоря словами Лихтенштейна, «идентичность животного «фиксирована», а человеку всегда приходится бороться с потребностью определить себя, сотворить идентичность не присущую ему изначально, в силу врожденных автоматизмов».

Очевидно, что приобретение прочного чувства как личной, так и сексуальной идентичности требует ряда последовательных ситуаций разочарования, чтобы произошел отказ от желания иметь «то, что не так, как у меня». Эти шаги взросления не сделать без боли и жертв. Некоторые дети получают от родителей больше помощи, чем другие, в завершении этой работы по разочарованию, что на этой стадии психического развития действительно необходимо.

² Еще одна беда, что sex — это, по-русски, 1) пол, 2) секс (половая жизнь); sexual — половой и сексуальный; sexuality — сексуальность, и только сексуальность. «Половистости» пока в русском языке нет, видимо потому, что любая часть речи с корнем «пол» невольно наводит на мысль о дихотомии, о выборе «или — или». Термин «половая жизнь», вообще говоря, тоже предполагает выбор из двух возможностей. А их, как минимум, четыре. Поэтому прижилась «сексуальная жизнь»: полов — два, а сексуальностей много, столько, сколько ее носителей. За «полом» осталась анатомия, за «сексом» — чувства, переживания, фантазии и прочая психика. «Сексуальная жизнь» начинается с рождения и даже до него. «Половая жизнь» — это теперь синоним коитуса.

Встает вопрос о том, как быть с идентичностью, считать ее половой или сексуальной? Мне кажется, что термин «половая идентичность» — более узкий, так как сводится к двум возможностям: «я — человек женского пола» и «я — человек мужского пола». Так никто о себе не думает. Даже самоопределение «я — девушка» уже подразумевает нечто большее, чем отличие женских половых органов от мужских. Пол и, следовательно, идентичность своему полу даны с момента зачатия и не могут меняться, в отличие от сексуальности, которая формируется и развивается на протяжении всей жизни человека: «я — мальчик» и «я — старик» — две совершенно разные сексуальные идентичности одного и того же лица мужского пола (*Прим. перев.*).

Постоянным мотивом в последующих главах прозвучат две центральные концепции, относящиеся к истокам сексуального Собственного Я: 1) особое значение *психической бисексуальности* и 2) глубокая важность *фантазий вокруг темы первичной сцены* в психосексуальной структуре человека.

Психическая бисексуальность

Несмотря на сомнения по поводу роли генетических факторов в бисексуальности, Фрейд придавал ей большое значение как специфической *психологической структуре* и заявлял об универсальности присутствия в детстве бисексуальных желаний (З.Фрейд, 1905, 1919, 1930). Поскольку большинство детей имеют двух родителей, следует ожидать, что ребенок к ним обоим почувствует либидинозную привязанность, из которой и возникает желание достичь любви каждого родителя, направленной исключительно на него. Фактически каждый ребенок хочет обладать таинственными половыми органами и воображаемой властью и матери и отца, и женщины, и мужчины. Необходимость смириться со своей судьбой быть однополым³ наносит одну из самых жестоких нарциссических ран детства.

Как же мы интегрируем эти бисексуальные требования в нашу психическую структуру, принимая одновременно предуготованную нам анатомическую идентичность? Почти тридцать лет размышлений

³ В оригинале — «monosexual destiny». Такая уж судьба у человека — быть однополым (хотя и бисексуальным). А может быть, рок его такой, а может быть — предназначение. Между тем, есть разница, и дальше, в Главе 7, пойдет разговор о ней в разделе «Соматизация: рок или предназначение?» («Somatization: Fate or Destiny?»). Судьба случайна, человек ее не контролирует. Она неумолима и бесповоротна. Ее можно предсказать. Так что fate — это фатум, рок, доля, «русская долюшка женская, вряд ли труднее сыскать...» И та судьба, от которой не уйдешь, а не та, которую пожнешь в результате собственных поступков.

Destiny — подразумевает потенциал, зависит от действий самого человека, а не навязывается извне. Это предназначение.

По-английски, знаменитый слоган Фрейда звучит: «Anatomy is destiny», что принято переводить: «Анатомия — это судьба». На немецком было отсылающее нас к «Ветхому Завету» «предопределение». Идеи индивидуальности, личной свободы, в общем, появляются только в «Новом Завете».

Фрейд считал анатомию — роковой, а свободу личности почти призрачной. Поэтому и не спорил с «судьбой» в английском переводе.

Джойс МакДугалл, современный автор, видит в судьбе богатство возможностей. (Прим. перев.)

и клинических наблюдений привели меня к убеждению, что *путаница, порождаемая бисексуальными желаниями, принадлежащими ранней организации психосексуальной структуры, в значительной степени влияет на многие области жизни взрослого*. Хотя интеграция этих желаний становится источником обогащения психики, *отсутствие их интеграции* часто порождает симптомы и затруднения у взрослых. Следовательно, те многочисленные способы, которыми мы пытаемся избежать невозможных желаний *быть и обладать* обоими полами, заслуживают клинического и теоретического рассмотрения.

Либиго: гомосексуальное или гетеросексуальное?

Необходимо определить такие понятия, как «гомосексуальное либиго» и «гетеросексуальное либиго». Фрейд выбрал слово *либиго* для описания всех граней сексуальной энергии инстинктов человека. Он также подчеркивал, что энергия либиго может быть направлена на разных людей, на оба пола и на себя самого. Таким образом, термин «гомосексуальное либиго» был призван обозначать ту часть импульсов либиго, которые в детстве направляются на родителя того же пола.

Тот факт, что гомосексуальные стремления детей обоих полов преследуют двойную цель, в последующем не получил достаточного развития. Во-первых, это желание *обладать сексуально родителем того же пола* единолично; во-вторых, это столь же сильное желание *быть родителем противоположного пола* и тем самым инкорпорировать все привилегии и prerogatives, которыми, по мнению ребенка, этот родитель наделен. Важно проводить различие между этими двумя комплиментарными и в чем-то противоречащими друг другу гомосексуальными целями, поскольку они сосуществуют в любом маленьком ребенке — и всегда присутствуют у любого взрослого! Более того, принимая в расчет эти первичные желания, мы можем продвинуться далее в нашем понимании различных способов, которыми эти два гомосексуальные течения могут найти выражение у гомосексуальных и гетеросексуальных взрослых.

Первичная гомосексуальность

Первичная гомосексуальность девочки заставляет ее желать сексуально обладать матерью, проникнуть в ее вагину, «забраться внутрь нее», «съесть ее» в качестве способа инкорпорировать свою мать полностью,

вместе с ее волшебной властью. Ребенок-девочка также желает, чтобы мать проникла в нее, создала с нею детей и тем самым она стала бы уникальным объектом любви матери, исключаящим отца. Одновременно она столь же страстно желает быть мужчиной, как ее отец (иметь те же гениталии, власть и другие качества, которые ему приписывает мать), и, таким путем, играть такую же важную роль в жизни матери, какую играет отец. (Эта конstellация исследуется в главе о женской сексуальности, Часть I.)

С другой стороны, у мальчика развивается своя форма первичной гомосексуальности, при которой он воображает себя любовным партнером своего отца, инкорпорирует пенис отца орально или анально, и, таким образом, «становится» своим отцом, обладая его гениталиями и его мужскими привилегиями.* Дополнительные фантазии, обычные для мальчиков, включают в себя проникновение Отца, в соответствии с представлением сына, как происходит проникновение в его Мать (фантазия, подразумевающая разрушение отцовского пениса). Они сосуществуют с желанием занять место Матери в надежде, что Отец сделает так, что ребенок начнет расти в его собственном воображаемом внутреннем пространстве.

Это последнее замечание напомнило мне оживленный разговор между моим четырехлетним внуком Даниэлем и его матерью, бывшей в это время на седьмом месяце беременности. Даниэль гладил живот матери и спрашивал, в сотый раз, как туда попал ребеночек. Она терпеливо объясняла, что это папа посадил семячко нового ребенка у нее в животике и что у Даниэля скоро будет братик или сестричка. В тот вечер, когда отец пришел домой, Даниэль нетерпеливо закричал ему: «Папа, я хочу тебя попросить о кой-чем особенном! А у меня в животике ты посадишь ребеночка?» Отец объяснил, что папы только в мамины животики сажают деток, но добавил, что в один прекрасный день у Даниэля появится жена, и тогда он сможет посадить ребеночка в ее животик. С выражением решимости в глазах Даниэль побежал к матери и, погладив ее живот, попросил: «Мама, пожалуйста, когда ты закончишь, ты мне одолжишь животик?»

На следующий день у происшествия было забавное продолжение. Провожая в садик Даниэля и его друга Джона, я услышала, как Даниэль

* Фантазии об инкорпорации у маленьких детей обоих полов напоминают верования первобытных племен в то, что, съев, например, сердце льва (или львицы), приобретешь его силу, власть и непобедимость.

говорит ему: «Эй, Джон, а знаешь, что у моей мамы в животике?» — «Нет, а что у нее там?» — «Ребенок!» Отвращение появилось на лице Джона, и он ответил: «Фу, она съела его?» — «Да нет, глупый! Папа его туда посадил». Джон, чьи родители разошлись еще до его рождения, настаивал, что Даниэль говорит чушь. Его мать говорила, что только Бог кладет детей в материнское тело. «Хорошо, но *этого* ребенка положил не он» — ответил Даниэль с твердостью. (Я подумала про себя, насколько это верно, что «реальность» не существует как абсолюта, а действительно конструируется почти полностью из сообщений родителей о ней.)

Амбивалентность невыполненных желаний

Бисексуальные желания детства обречены остаться невыполнимыми, поскольку девочка не станет мужчиной, никогда не будет обладать сексуально своей матерью, никогда не родит с ней детей и никогда не получит ребенка от отца. И точно так же, мальчик не станет женщиной, не родит с отцом детей и не будет его сексуальным партнером, как когда-то воображал. Поскольку эта воображаемая форма обладания, общая для всех детей, подразумевает разрушение «другого», она при своем возникновении приносит смешанные чувства вины и депрессии. Неизбежно, что на эти ранние невыполнимые желания наслаиваются другие сложные переживания и эмоции, так как неуспех в удовлетворении первичных гомосексуальных желаний связывается с чувствами нарциссической травмы, агрессии и зависти. Таким образом, *глубокая амбивалентность осложняет чувство привязанности к обоим родителям*. Гомосексуальные компоненты человеческой сексуальности пропитаны аффектами высоко позитивной и резко негативной природы.

Хотя идентичное утверждение можно приложить и к гетеросексуальным компонентам, все же первичным гетеросексуальным желаниям, никоим образом не свободным от зависти и ненависти, уготован менее презрительный прием, чем желаниям, связанным с ранними гомосексуальными влечениями, и на пути их последующего выполнения стоят менее непреодолимые препятствия. (Один мой пациент, шестидесятилетний профессор психиатрии, все еще живо помнит унижение, которое он испытал перед всей семьей, когда в три года умолял об «игрушечном ребенке» на Рождество.) Возможно, что первичные гетеросексуальные желания несут в себе меньший потенциал для создания конфликтных или исполненных зависти форм сексуальной страсти.

В конце концов, все дети должны принять тот факт, что они никогда не будут одновременно и мужчиной, и женщиной и навсегда останутся лишь половиной сексуальной констелляции. Это позорное поражение инфантильной мегаломании еще более осложняется необходимостью пройти эдипальный кризис в его гомосексуальном и гетеросексуальном измерении и смириться с невозможностью сексуального обладания ни тем ни другим родителем.

Изучение многосложных процессов, в ходе которых дети выполняют эти монументальные психологические задачи, может продвинуть наше понимание явной гомосексуальности и бессознательных гомосексуальных стремлений гетеросексуалов. Следует также подчеркнуть, что было бы неадекватно понимать гомосексуальную ориентацию во взрослой жизни как всего лишь фиксацию универсальных инфантильных гомосексуальных желаний. Другие бесчисленные составляющие вносят свой вклад в сложное развитие как гомосексуальной, так и гетеросексуальной идентичности и выбора объекта.

Важно изучать различные способы, которыми двойные версии первичных гомосексуальных влечений трансформируются и интегрируются в жизнь взрослого человека, как способ сохранения некой гармонии в сексе и любви. Конфликты вокруг бисексуальных стремлений, хотя и могут создавать невротическое страдание, точно также могут и обогатить личность. Существует много каналов, доступных для направления по ним этого существенного либидинозного течения во взрослых устремлениях. Например, их бисексуальная часть может служить основой для стимуляции творческих способностей. Однако, в случае бессознательных конфликтов, в этой области могут возникнуть и резкие затруднения. Более того, хотя и может показаться, что конфликтующие аспекты бисексуальных желаний успешно отработаны вытеснением или сублимационной активностью, всегда возможен срыв, порождающий невротические симптомы или творческий паралич. (Эти аспекты будут проиллюстрированы в Части I и Части II.)

Открытие ребенком разницы полов усугубляется травматичностью более раннего открытия [существования] другого и более поздним пониманием неизбежности смерти. Некоторые так никогда и не справляются с этими универсальными травмами, и все до некоторой степени отрицают их в глубине души, где мы благословенно свободны быть всемогущими, двуполыми и бессмертными!

Первичная сцена и первичная сексуальность

Концепция первичной сцены включает в себя весь запас бессознательного знания ребенка и его личной мифологии о сексуальных отношениях людей, в особенности родителей. Помимо генитальных аспектов первичной сцены и связанных с ней фаллически-эдипальных конфликтов (описанных Фрейдом как типичных для неврозов, когда они тормозят какие-либо или все формы либидинозной экспрессии), эта сцена может быть также описана в доэдипальных терминах, таких как орально-эротические и орально-пожирательные фантазии, анально-эротические и анально-садистские обмены, бисексуальная путаница, архаические фантазии о сосании крови, страх утраты чувства своей идентичности или представления о границах своего тела. Когда такие фантазии играют ведущую роль в психической реальности личности, сексуальные и любовные отношения легко уравниваются с кастрацией, уничтожением или смертью.

Углубление понимания бессознательного значения фантазий о первичной сцене привело меня к открытию, что влияние этих фантазий при пограничных состояниях очень существенно, и — что было даже более поразительно — они могут быть причиной даже психосоматических приступов. Обращаясь к соматическим «сообщениям» моих полисоматизированных пациентов, я узнала, что ужас перед растворением, утратой телесных границ или чувства Собственного Я, ужас уничтожения в другом или поглощении им и часто встречается, и обнажает скрытые связи с архаическими сексуальными и любовными чувствами, происхождение которых скрыто в самом раннем младенчестве. Эти детские страхи, связанные с первыми опытами взаимодействия между матерью и младенцем и не имеющие вербального интрапсихического представительства, хранятся в памяти *тела*.

Часто эти анализанты приходят к пониманию того, что за их необъяснимой тенденцией постоянно покушаться на свое собственное соматическое функционирование стоит (соединившись со страхом телесного или психического разрушения в сексуальных отношениях, равно страшная для них и отрицаемая ими) их склонность к деструктивным отношениям в сексуальном партнерстве. Подобные тревоги повторяют гнев младенца, его желание сосать кровь и желание причинить смерть, проецируемые им на родительские фигуры. В психическом мире младенца,

где ненависть и любовь сливаются в динамическом потоке либидинозных вложений, эти воображаемые обмены с родительскими объектами вносят свой вклад в формирование образа пусть и страшной, но зачаровывающей первичной сцены.

Вербализация этих первичных желаний и архаический ужас, который они возбуждают, играют кардинальную роль в психических изменениях, которые происходят по мере продолжения анализа восстановленных фантазий. Некоторые анализанты находят, что их отношения со значимыми другими углубляются и, в частности, что их любовная жизнь и сексуальные отношения значительно обогащаются. Некоторые достигают освобождения от психосоматических симптомов, мучавших их всю жизнь, таких как аллергия, язва желудка, существенное повышение кровяного давления, респираторные и сердечные дисфункции. У других появляются силы преодолеть серьезные творческие затруднения или развить художественные и интеллектуальные способности, которые прежде лишь смутно ощущались или казались отсутствующими. Из обширного клинического материала я отобрала несколько примеров для иллюстрации фантазий о первичной сцене и их связи с сексуальностью.

Клинические иллюстрации

Любовь, которая душит

Говорит Жан-Поль: «Однажды я посадил уховертку в паутину. Она сражалась с пауком насмерть. Это было отвратительно! А еще я любил смотреть, как пауки опутывают мух своими шелковистыми нитями. Они такие жутко агрессивные и ядовитые».

Мой пациент продолжал вспоминать другие энтомологические драмы, где он был режиссером, часы детских игр, в которых осы, пчелы, муравьи, улитки и червяки бесконечно повторяли первичную сцену, в уменьшенном размере и специфических вариантах. Смертельные удары жалом, схватки, где они давили и душили друг друга, неизменно присутствовали и вспоминались со вкусом. За ассоциациями Жана-Поля я могла почувствовать возбужденного и страдающего маленького мальчика, пытающегося через игру вымещать и справляться с мучительными сексуальными фантазиями о половых отношениях родителей, в которых они душили друг друга до смерти. Жан-Поль вспомнил, что во время подростковой мастурбации он туго обматывал свой пенис веревками;

однако глубоко беспокоившие его сексуальные фантазии, находившие разрядку в мастурбации, исчезли из сознания взрослого.

По мере того как Жан-Поль вырослел, ужас перед «удушающей вагиной» уступил место фобии пауков, наряду с выработкой других способов защиты. В то же время, он не испытывал выраженных затруднений в том, чтобы заниматься любовью. Тем не менее, мы, по мере продвижения анализа, открыли, что его, внешне свободная от симптомов, сексуальная жизнь была тесно связана со взрывами психосоматических симптомов. Его детское сексуальное желание к матери осталось в сознании, но фантазийное желание задушить и поглотить свою мать в эротическом и смерти подобном экстазе было полностью стерто из сознания, наряду с похожими и столь же первичными мечтами (сознательными фантазиями). В то же время эти глубоко погребенные фантазии защищали Жана-Поля от осознания еще более регрессивного желания — полностью слиться с матерью, фактически *стать ею*. Тем не менее, бессознательная фантазия о первичной сцене в ее наиболее архаичной форме (эротически наполненная, но смертельная борьба) нашла выражение в его аллергических кожных реакциях и жестоких приступах язвы желудка. (Другие измерения анализа Жана-Поля использованы для иллюстраций по теме Главы 9.)

Каннибальская любовь

Жоржетта всю жизнь страдала от аллергических реакций на рыбу, моллюсков и фрукты (клубнику и малину), которые находила очень соблазнительными и аппетитными. Но любое нарушение этих соматических табу вызывало тяжелый отек или пугающее дерматологическое обострение. Сны Жоржетты, ее свободные ассоциации и чувства, принадлежащие переносу, обнажали, наряду с другими элементами, скрытую связь между определенными запахами (в особенности запахами моллюсков и блюд из них) и ее фантазиями о любовной жизни родителей. На одной из сессий она рассказала сновидение, в котором она была младенцем, искала грудь, но вместо соска там была ягода малины. В другом сне она видела тело женщины, усыпанное ягодами клубники, которые превращались в клей, когда она пыталась их схватить. В этом сне она поняла, что должна содрать с себя кожу, чтобы избежать смерти, и проснулась в ужасе. В другой раз она припомнила, что когда ей было около четырех лет, отец угостил ее устрицей. «Я видела, как он раскрывает две ее маленькие створки, как губы, и капает туда несколько капель лимона.

Я проглотила ее моментом. Это было восхитительно». Ее жестокие аллергические реакции на морепродукты развились примерно в это время. С оживлением этого воспоминания, 35 лет спустя, Жоржетта смогла реконструировать эротическое значение запахов и вкуса «первичной сцены», где Отец капал свой «сок» в «устрицу» Матери; и по мере того как прорабатывался этот материал, ее бесчисленные аллергии на «запретные плоды» постепенно исчезали. (Эта часть анализа Жоржетты более подробно изложена в Главе 8.)

Другие тревоги, связанные с фантазиями о первичной сцене, заставляли маленькую Жоржетту постоянно бояться «провалиться куда-то в бездну или рассыпаться». В детстве она приучила себя «волшебным» задерживать дыхание, чтобы предотвратить эти воображаемые катастрофы. Мы поняли, что, помимо воображаемого достижения других целей, эти действия также временно прекращали сексуальные отношения родителей и давали ей безусловные права в качестве единственного сексуального партнера матери. Наша работа продолжалась, и через фантазию, принадлежащую переносу, когда Жоржетта открыла, что желание проглотить мать в страстном слиянии также позволяло ей заменить мать в глазах отца, тем самым став *и его* единственным сексуальным партнером.

Другой анализант, цитированный в моей предыдущей книге (Мак-Дугалл, 1992), вспоминал сходные оральные фантазии, в которых нашли место сексуальные желания и тревога, ими возбуждаемая. «Исаак» боялся, что его «проглотят» или «покалечат» неодушевленные предметы; эта фобия в конце концов привела к раскрытию фантазии, в которой он оказывался в опасности быть «съеденным» своей матерью. Его отцу, в фантазии Исаака, также грозила опасность той же участи. «Наверное, то, что мать поедом ела отца, и было причиной его сердечных приступов», — задумывался Исаак. В нашем аналитическом путешествии драматическим моментом стало раскрытие детского убеждения Исаака, что его родители поедают друг друга в своем сексуальном соединении. Столь же драматичным было открытие, что и он сам таил в глубине души *желание быть съеденным* матерью.

Респираторная любовь

В начале своего анализа Луиза (с которой мы вновь встретимся в Главе 7) описала свою «проблему» с матерью. «Мать живет в Страсбурге, где я и родилась. Я часто езжу навестить ее, но как только я начинаю

готовиться к поездке, у меня появляется астматическое дыхание, и мне становится все хуже, чем ближе я к родным местам.» По мере продвижения анализа мы смогли соединить в одно целое глубокую и неожиданную привязанность к матери, которую она, на сознательном уровне, ненавидела.

Мы постепенно поняли, что во взрослых попытках Луизы поддерживать отношения со своей «нежно душащей матерью», как она иронично о ней отзывалась, она чувствовала себя «раздавленной» близким контактом с любим, кто напоминал мать. Это позднее привело к раскрытию ее детского убеждения, что при своих сексуальных контактах родители «раздавливали» друг друга и выпускали ядовитые вещества один в другого. По мере продолжения аналитического путешествия респираторную патологию Луизы удалось связать с другими формами догенитального эротического возбуждения, что вызвало появление совершенно новой версии родительской сексуальной жизни. В результате произошли важные изменения в отношениях Луизы с мужем и заметно уменьшилась ее психосоматическая патология.

Урофаллическая любовь

Когда Нэнси было 18 месяцев, шла Вторая Мировая война, и ее отца призвали на службу. Нэнси заняла его место в постели матери. Она рассказала, что «затопляла» каждую ночь мать потоками мочи, на что «мама, казалось, не возражала». Потребовалось несколько лет анализа, чтобы обнаружить, что так Нэнси виделись родительские отношения и способ делать детей. Ее брат родился 9 лет спустя, и почувствовав, что ее мочева любовь была тем самым предана, Нэнси резко прекратила писать в постель. (История Нэнси обсуждается в Части III.)

Союз вампиров

У Марион, страдавшей от жестоких астматических приступов в детстве и заразившейся туберкулезом в подростковом возрасте, в анализе обнаружился особый ужас, который она испытывала ребенком, когда слышала, как в ванной или на кухне бежит вода. Она верила, что должна бороться с опасностью, что ее засосет в канализационную трубу. За этими открытиями последовали сны и фантазии, пронизанные сексуальными сценами, в которых родителям грозила опасность быть всосанными

в бесконечную пустоту и лишиться телесных границ, если не самой жизни. В курсе анализа эта пугающая фантазия трансформировалась в возбуждающую, в которой взаимное слияние вело к безграничному возбуждению и невыразимому наслаждению.

Общий обзор

Эти клинические фрагменты в основном иллюстрируют психосоматические выражения фантазии о первичной сцене. Мне потребовалось много лет, чтобы понять глубокий протосимволический смысл, лежащий в основе психосоматических феноменов, и распознать ранние формы сексуальности, стоящие за телесным фасадом. Главы Части III данной книги были написаны в результате трудностей, с которыми я столкнулась в попытках концептуализировать мои клинические наблюдения относительно психосоматических проблем моих анализантов. Эти главы продолжают исследование, начатое в книге «Театр тела» (МакДугалл, 1989). Инцестуозное желание ребенка обладать обоими родителями и инкарнировать воображаемую власть, которой он наделяет каждого из них, а также фантазии о первичной сцене, сопутствующие этому желанию, могут, кроме того, найти выражение множеством несоматических путей, таких как сублимационная активность, невротическая симптоматика и отклоняющаяся (девиантная) сексуальность.

В Части II исследуются вдохновение и торможение творческого процесса. В Части IV изучается сложный узел проблем, окружающих развитие человека как личности, а также вопрос, в какой степени отклоняющиеся и наркотические (аддитивные) формы сексуальности могут использоваться для укрепления непрочного чувства личной или сексуальной идентичности.

В этой книге я исследую бисексуальные фантазии и фантазии о первичной сцене в их прегенитальной и архаичной форме, динамическое отражение этих фантазий в сексуальных отклонениях, психосоматических симптомах и расстройствах характера, а также их сублимированное выражение во всех областях творчества. В ходе психоаналитического путешествия, когда фантазии о первичной сцене распознаются за своими личинами и затем оглашаются, интернализированные в памяти пациента родительские объекты в первый раз освобождаются от застарелых догенитальных и архаических проекций ребенка. Инфантильное

видение первичной сцены теперь может быть переработано и пересмотрено как взаимно удовлетворяющий опыт, и может, наконец, быть принято и детской и взрослой частью личности. Ужас перед насильственным разрушением себя самого или родителей исчезает, наряду с мучительным страхом лишиться телесных границ или личной идентичности в сексуальных или любовных отношениях. По мере того как эротическое воображение выходит из-под тени смерти, сексуальные отношения, какой угодно ориентации, вновь соединяются с силами влечения к жизни.

Когда любовь больше не уравнивается с катастрофой, кастрацией или смертью; когда родители признаются в своей индивидуальности, отдельной сексуальной идентичности и генитальной комплиментарности, тогда интернализированная первичная сцена в трансформированном виде становится психическим приобретением, дающим взрослому ребенку право на *его* место в семейной конstellляции, право на *его* тело и *его* сексуальность.

Часть I

ЖЕНСТВЕННОСТЬ И СЕКСУАЛЬНОСТЬ

Глава 1

Гомосексуальные компоненты женской сексуальности

Потребность примирения двух частей женской натуры — древняя проблема... Это, скорее, вопрос того, как женщина сумеет приспособиться к мужскому и женскому началам, изнутри управляющим ее бытием.

Эстер Хардинг

Прежде чем рассматривать вопрос интеграции первичных гомосексуальных желаний у гетеросексуальной женщины, давайте сперва обратимся к понятиям Фрейда о том, как девочка становится женщиной и матерью.

Революционным открытиям Фрейда, касающимся важности человеческой сексуальности и в детской, и во взрослой жизни, теперь почти сто лет. Они стали настолько прочной частью Западной мысли, что мы принимаем их как данность. Однако современные аналитики остаются весьма критичны к концептуальной ограниченности Фрейда — прежде всего, в его теории женской сексуальности. Это, по общему мнению, область, где Фрейд особенно уязвим. Интересно вспомнить, что именно благодаря женщинам Фрейд испытал те исходные инсайты, которые и привели его к пониманию бессознательного. Анна О, Люси Р, Ирма, Эмми фон Н, Дора, Катарина и многие другие были источником его вдохновения. Столь же примечательно, что он, в его времена и в его возрасте, действительно *слушал* женщин и считал все ими сказанное значительным и важным. В фаллоцентрическую эпоху Фрейда такая восприимчивость сама по себе была революционной. Из всех тех, кто углублялся в исследования функционирования человеческого сознания, он был первым, кто проявил серьезный и научный интерес к женской сексуальности. Очевидно, что он был зачарован загадкой женственности

и самого женского пола (черта, которую он, по его словам, делил с мужчинами всех столетий).

Но Фрейд и побаивался предмета своей зачарованности. Его метафоры вновь и вновь обнажают интрапсихическое представительство женских гениталий как угрожающей пустоты, отсутствия, покрытого мраком и беспокойного континента, где нельзя увидеть происходящего. Он настаивал также, что продвижением в проведении своей исследовательской линии он обязан своему знанию мужской сексуальности. При такой «рефракции прибора» неудивительно, что он «убедился» в том, что, как ему казалось, должно быть реакцией девочки: крайняя зависть к видимому и интересному органу мальчика и страстное желание самой обладать им. Насколько нам известно, представление о том, что мальчик тоже будет завидовать влагалищу девочки и ее способности вынашивать детей, и о том, что она будет привлекать мужчин именно потому, что у нее *нет* пениса, даже не приходило в голову Фрейду.

Но именно Фрейд, с типичной для него честностью, первым выразил чувство глубокой неудовлетворенности и неуверенности по поводу своих теорий о женщинах и природе их психосексуального развития. Фактически он ждал до 1931 года, чтобы опубликовать «Женскую сексуальность», свою первую статью по этому вопросу. Ему было тогда семьдесят пять лет. Возможно, он считал, что на этой ступени жизни уже меньше причин для страха перед женщиной, ее сексуальной загадкой и обнародованием своих теорий о ней.

В своей второй прославленной и обильно критикуемой статье «Женственность», опубликованной два года спустя, Фрейд писал: «...психология... неспособна разрешить загадку женственности», замечая далее, что «...развитие девочки в нормальную женщину более сложное и более трудное, так как включает две особые задачи, которым нет соответствия в развитии мужчины». «Задачи» относятся к двум главным концепциям Фрейда, касающимся трудностей развития женщины: девочка должна примириться со своим анатомическим устройством и, следовательно, сменить орган возбуждения с клитора на влагалище; во-вторых, она должна сменить объект. «Когда и почему она оставляет свою фиксацию на матери ради отца?» — задумывался Фрейд.

Хотя я согласна, что эти два измерения развития действительно бросают вызов достижению взрослой женственности и сексуального удовольствия, они все же далеки от того, чтобы ими все исчерпывалось и объяснялось. Но давайте рассмотрим их подробнее.

Анатомия как судьба?

Сегодня большинство аналитиков, мужчин и женщин, согласны в том, что зависть к отцовскому пенису — разве что частичное объяснение трудностей, с которыми встречается девочка на пути к зрелой женственности. На самом деле многие признают, что «зависть к пенису» — неспецифична для маленькой женщины. Мальчики тоже страдают от специфической формы зависти к пенису, вечно считая свой пенис слишком маленьким по сравнению с отцовским. Если во взрослой жизни у мужчины сохраняется убеждение, что его пенис меньше, чем он должен быть, убеждение, основанное на бессознательной фантазии, что единственно адекватным своему полу является его родитель, невротические симптомы и тревоги мучают его так же часто, как и молодую женщину, бессознательно вцепившуюся в страшную фантазию, что она — кастрированный мальчик. Клинический опыт также подтверждает зависть мальчика и его восхищение материнским телом и сексуальностью, аналогичные зависти и восхищению девочки пенисом отца и его сексуальной доблестью. Дети обоего пола осознают, что Мать воплощает магическую власть привлекать пенис Отца и создавать детей, которых оба родителя очень хотят.

В этом контексте уместно вспомнить, что *фаллос* (как неизменно называют эрегированный пенис в древнегреческих ритуалах) является, этимологически, символом не мужского полового органа, а плодородия, нарциссической завершенности и сексуального желания. С этой точки зрения, фаллос может рассматриваться как основное обозначение желания для обоих полов. (Мы многим обязаны Лакану за его уточнение данной терминологии, хотя многие аналитики и несогласны с его взглядами на женскую сексуальность.) Слово *символ* происходит от греческого *симболон*, предмет, который разделялся надвое, чтобы служить знаком для взаимного узнавания тех двоих, у каждого из которых была половинка симболон. Мы могли бы сказать, что каждый пол обладает половиной того, что требуется для целого символа. В терминах сексуальных отношений, эрегированный пенис тесно связан с принимающим влагищем, и с точки зрения партнера женского пола (при том, что привлекательность для нее партнера-мужчины свободна от конфликтов и тревоги), ответом на эрекцию пениса является вагинальное возбуждение, таким образом каждая половина (символа) может быть интерпретирована как знак взаимного желания.

Это отступление необходимо, потому что слово *фаллос* часто неразборчиво используется в английском языке в смысле *пенис*. Авторы-феминисты, выявляющие и осуждающие пренебрежительное отношение к женщинам, резко выступают против использования слова *фаллос*. То, что они уравнивают *пенис* и *фаллос*, парадоксальным образом предполагает их собственную неявную фаллоцентрическую установку. Смешение символа (фаллоса) с частичным объектом (пенисом) делает исходно менее точными любые исследования кардинальных вопросов сексуальной идентичности, маскулинности и феминности.

Как уже отмечалось, и для мужчин, и для женщин однополость остается одной из главных человеческих нарциссических ран. Интернализация символического интрапсихического представительства взаимодополнительности полов требует отказа от детского желания *быть* и *обладать* и тем и другим одновременно. Последующие осложнения, вытекающие из нашей психической двуполости и первичных гомосексуальных устремлений, обсуждаются далее.

Давайте вернемся к вопросу о биологическом «предназначении» («судьбе») девочки. Многие аналитики согласятся, что анатомическое строение девочки создаст особые превратности в ее психосексуальном развитии и что зависть к видимому органу мальчика — всего лишь один аспект ее озабоченности. Психоаналитической теории пришлось дожидаться работ аналитиков-женщин, в частности плодотворных исследований Карен Хорни (1924, 1926) и Мелани Кляйн (1945), которые осветили другие сложности, выпадающие на долю женщины в детстве. В 1926 году Карен Хорни указала, что с точки зрения вагинальных ощущений девочка «...должна с самого начала иметь живое понимание специфического характера собственной сексуальной роли, и, таким образом, первичная зависть к пенису, с силой, постулированной Фрейдом, вряд ли может объяснить это понимание».

Годы спустя, Кляйн (1945) сформулировала понятие о том, что обладание пенисом нарциссически успокаивает мальчика, в силу его видимости и легкости мыслительных представлений о нем. Напротив, девочка не может видеть свое влагалище, и с трудом визуализирует свой клитор. В результате, хотя ей интимнейшим образом известны клиторальные и вагинальные ощущения, она воспринимает свои гениталии как недостающие, по сравнению с видимыми органами мальчика (и отца). Ей приходится ждать пубертата, чтобы получить видимое подтверждение идентичности своему полу через рост молочных желез

и начало менструаций. С этими внешними изменениями приходит нарциссическая уверенность, что ее женское тело и гениталии устроены так, чтобы возбуждать желание и сдерживать обещание о сотворении детей.

Другая веха психоаналитических исследований женской сексуальности — оригинальная работа Джудит Кестенберг (1968) о важности различия «внутренней» и «внешней» анатомической конфигурации и разнообразных страхов и фантазий, которым они дают почву. Эта точка зрения, детально изложенная в ее статье, привлекает внимание к важности интрапсихического представительства у девочки ее гениталий, влияющего на ее общее переживание себя как женщины и своих сексуальных отношений.

Другие трудности, неотъемлемые от развития у ребенка-девочки ее чувства родовой идентичности, также имеют корни в ее анатомической доле. Поскольку ее половой орган — в сущности, вход в ее тело, судьба влагалища — быть бессознательно уравненным с *анусом*, *ртом* и *уретрой* и, следовательно, разделить с этими зонами мазохистские и садистские либидинозные вложения и относящиеся к ним фантазии. Из-за этого смешения зон, в дополнение к анатомическому факту, что у нее нет видимого органа, который можно было бы контролировать и проверять, маленькая девочка (и часто — будущая женщина) более вероятно, чем мальчик и мужчина, будет бояться, что к ее телу отнесутся, как к грязному или опасному.

Даже взрослые женщины часто воспринимают свое тело, как неведомую землю, где таятся анальные и оральные чудовища. Конечно, многое из интрапсихического представительства своего тела и своих гениталий у женщины будет отражать как либидинозное и нарциссическое значение, которое мать придавала физическому и психологическому Собственному Я дочери, так и ту степень, в которой мать передала ей свои бессознательные страхи, касавшиеся ее собственных телесных и сексуальных функций. Невербально чувственное (и, позднее, вербальное) общение между матерью и дочерью в значительной степени определяет, победит ли оральный эротизм оральную агрессию и станут ли эротические импульсы более важными, чем анально-садистские, или будут гармонично сочетаться с ними. Третья грань женской анатомической судьбы — это аутоэротические переживания. Так как девочка не может визуально проверить свои гениталии, а потому склонна создавать неточные или зонально сгущенные их интрапсихические представления, ей трудно локализовать сексуальные ощущения, известные

ей с раннего детства. Клиторальные, вагинальные, уретральные и другие внутренние ощущения склонны путаться. Это смешивание внутренних ощущений имеет важный отклик в женских сексуальных фантазиях, касающихся мастурбации.

Мастурбация и женственность

Хотя мастурбация — нормальное выражение детской сексуальности, она обычно тормозится родительскими ограничениями. Все дети узнают, что нельзя прилюдно испражняться, мочиться и мастурбировать. Даже когда эти запреты вводятся с добротой и пониманием, они оставляют отпечаток в бессознательных фантазиях. Когда же они грубо навязываются, вследствие собственного внутреннего беспокойства родителей и вытекающей из него потребности уменьшить свою тревогу через контроль над телом *ребенка*, риск последующих невротических проблем заметно возрастает.

Когда мальчику велят прекратить прилюдную мастурбацию, он, возможно, вообразит, что если он этого не сделает, отец нападет на его пенис, поскольку догадывается о сексуальных желаниях сына по отношению к Матери и об амбивалентных чувствах по отношению к нему самому. На этой же стадии эдипальной реорганизации девочка, более вероятно, будет фантазировать, что ее мать нападет и разрушит *всю внутренность ее тела* в качестве наказания за желание занять материнское место, участвовать в эротических играх с отцом и создать с ним ребенка. Таким образом, наказание, которого мальчик боится за мастурбацию, это кастрация, а вот девочка часто уравнивает воздаяние за мастурбацию и эротические мечты со смертью.

Смерть от мастурбации

Психиатр, молодая, очень умная и хорошо осведомленная о психоаналитической теории, заявляла, что она никогда не мастурбировала ребенком, ни даже взрослой. Она также выражала сильные сомнения в том, что мастурбация — неизбежный опыт детства. Мысль об аутоэротической активности была для нее такой грязной и унижительной, что прошло два года аналитической работы, прежде чем она позволила себе хотя бы выговорить слово «мастурбация». Хотя у нее не было видимых

трудностей в сексуальных отношениях, она страдала от массы соматических проявлений, которые представлялись связанными с состояниями сексуального напряжения и тревоги. (Она никоим образом не была алекситимичной или находящейся под властью операторного способа мышления.) Изящная и привлекательная молодая женщина, она переживала свое тело, как бесформенное, огромное и грязное. Когда у нее были месячные, она плакала от огорчения, боясь, что мне будет противно ее присутствие.

На четвертый год анализа она рассказала сон: «Я собирала цветы в саду за домом, где я жила ребенком. Я танцевала от радости, когда неожиданно в дверях дома показался мой кузен Пьер, и я проснулась с криком». Так как кузен Пьер в первый раз показался на психоаналитической сцене, я попросила ее рассказать мне о нем побольше. Она вздохнула и сказала: «Я считала, мне никогда не захочется думать о нем. Он был на много лет старше, и один раз сексуально играл со мной, когда я была маленькой. А потом, когда ему было двадцать один, а мне двенадцать, его убило током в ванной. По крайней мере, так нам сказали».

Поскольку она, казалось, сомневается в таком изложении фактов, я спросила: «А что *вы* думаете о его смерти?» С огромным трудом она признала, что была уверена в том, что его убило током, потому что он играл в ванной со своим пенисом. Да и вообще, она с детства знала, что он был плохим «сексуальным» мальчиком. Тут она заплакала. Я попросила ее сказать мне, что она чувствует, и она ответила: «Вы хорошо знаете, что мой муж в отъезде уже три недели, и я так боюсь, что вы можете подумать, будто я мастурбировала. Но я клянусь, что это не так... Я уверена, что вы мне не верите!» Я ответила: «Конечно верю — иначе вы были бы мертвы!»

В первый раз за время нашего аналитического путешествия моя пациентка смогла рассмеяться над своими сексуальными страхами и фантазиями, но нам все равно потребовалось несколько месяцев, чтобы реконструировать, что за такими значимыми элементами, как «ток», «собирать цветы» и «танцевать», скрываются долго вытесняемые воспоминания маленькой девочки о спонтанных сексуальных ощущениях и мастурбационных фантазиях. Как и следовало ожидать, вслед за этой фазой анализа любовная жизнь моей пациентки с мужем стала эротически полнее и значительно удовлетворительнее. Однако другой интересный факт, для которого я не могу предложить окончательного теоретического объяснения, состоит в том, что у нее исчезли два соматических

симптома. Много лет она страдала от повторяющихся болей в суставах и приступов бронхиальной астмы. Ни один симптом не вернулся в остальные три года анализа.

Как съесть мать и сберечь ее

Вторая область проблем, специфичных для женской сексуальности — интеграция глубокой гомоэротической привязанности к матери. С самого рождения у детей обоих полов начинается выработка сильной либидинозной и чувственной привязанности к обоим родителям, при том что родители проявляют к ним нежность, чуткость и любовь. На руках у матери любой ребенок запечатлевает самый ранний психический образец (а возможно, и телесный оттиск) предстоящих сексуальных и любовных отношений. Установка отца равно жизненно важна в этой передаче раннего либидинозного вложения. Отсутствующий или незаинтересованный в своем крошечном отпрыске отец, который считает, что мать одна ответственна за благополучие ребенка (или принимает взгляд жены на себя, как на пустое место по отношению к ребенку), подвергает своих детей риску, что они будут выполнять роль, которая вытекает единственно из либидинозных потребностей матери и ее бессознательных проблем. Мать, которая считает своего ребенка собственным нарциссическим продолжением или делает из него объект любви вместо мужа, закладывает, вероятно, основу для конфликтных отношений в будущем. Следует заметить, что мать, воспитывающая детей одна, вовсе не обязательно подвергает их такому риску, если не рассматривает отношения с ними как замену взрослым любовным отношениям.

Если дети, начиная с младенчества, видят, что родители ведут себя, как любящая пара, уважая и сексуально желая друг друга, если они также замечают, что даже ужасные ссоры между родителями не приносят длительного вреда (другими словами, узнают, что агрессия не опасна, когда любовь сильнее ненависти), тогда дети склонны следовать родительской модели в своей взрослой жизни. Девочка захочет идентифицироваться со своей матерью, не только в ее материнстве, но и в ее сексуальных и любовных отношениях, часто мечтая о мужчине (обычно создаваемом по образу отца), который когда-то станет ее любовником, мужем и отцом ее детей.

В этих первичных потребностях либидинозный поиск тесно переплетен с желанием жить, и задача матери — побуждать ребенка хотеть жить. (Сила жизни не так крепка, как мы склонны представлять; нежеланные дети склонны болеть и даже умирать.) Эти самые существенные отношения, которые ребенок в норме делит с матерью в течение первых месяцев жизни, создают у девочки, в отличие от мальчика, двойную идентификацию. Соматопсихические образы, предназначенные стать сознательными представительствами ее женского тела и его эрогенных зон, уже находятся в процессе формирования. Именно на этой ранней стадии рот и вагина связываются в их эрогенном значении и, наряду с другими эрогенными органами и внутренними ощущениями, интегрируются в соматопсихические внутренние представительства.

К ним должны добавиться клиторальные ощущения, стимулированные материнским уходом за ребенком. Эти особые ощущения были единственными эрогенными телесными связями, которым Фрейд придавал большое значение в своей теории развития женского эротизма. По внутренним соображениям Фрейд приравнял женский клитор к мужскому пенису. Он не осознавал того факта, что клитор — чрезвычайно сложный орган, а с точки зрения его значительной протяженности в женском теле — достаточно крупная структура. Интересно отметить, что до сравнительно недавнего времени для полного клиторального органа, с его внутренними отростками, не было анатомических схем, и он даже не имел собственного названия (см. примечательный сборник «Новый взгляд на тело женщины», 1981, составленный Федерацией феминистских женских центров здоровья).

Психосексуальная структура, описанная выше, предоставляет первичную основу для будущей любовной жизни девочки. В самых благоприятных обстоятельствах к ней будут привиты элементы ранее упомянутой гетеросексуальной модели: отношения с каждым родителем, физически и психически любовные и чувственные, а также модель родителей, которые любят друг друга, наслаждаются своими сексуальными отношениями и не делают ребенка своим избранным объектом для эротического или нарциссического завершения.

Кроме того, девочке необходимо слышать, как отец выражает одобрение, ценит ее женственность и женственность ее матери, своей жены. Точно так же девочке необходимо слышать, как ее мать ценит и уважает отца, а также сексуальную идентичность собственной дочери, и даже то, как она дорожит своей женской сексуальной и социальной жизнью.

Девочке, которой говорят, что мужчины — эгоистичные свиньи, так и готовые соблазнить женщину, попользоваться ею, подчинить ее, будет трудно полюбить или поверить любому мужчине, и так же трудно ей будет отделиться от матери. Если же она «узнает» от отца, что девочки — слабые, неспособные, неумные и менее заслуживают уважения и внимания, чем мальчики, то у нее может развиться нарциссически ущербный образ себя и своего пола, и она будет чувствовать страх, подозрение или ненависть ко всему мужскому роду.

Вопрос Фрейда (1931) о сильной либидинозной связи девочки с матерью остается, тем не менее, уместным: как же она отсоединяется от матери и интегрирует их взаимные глубокие эротические узы? Где этот витальный гомосексуальный компонент размещается в ее взрослой жизни?

Теория Фрейда в этом плане (1931, 1933) может быть подытожена так: сперва девочка хочет обладать матерью сексуально; затем она смещает фокус на желание обладать пенисом; затем — на желание иметь ребенка от отца; и наконец — желает иметь собственного ребенка, мальчика. В этой, вроде бы неумолимой логической цепочке означающих содержится предположение, что желаемый ребенок — только замена желаемого пениса, которым она не обладает, и что любовь к отцу — только последствие зависти к пенису. Хотя фантазии, на которых Фрейд строил свою теорию, часто присутствуют в психическом мире женщины, они далеки от того, чтобы быть единственным или хотя бы доминирующим фактором среди прочих сложностей, накладывающих отпечаток на формирование у женщины образа женственности и материнства. Более того, понятие Фрейда об этих объектных заменах подразумевает, что зависть к пенису просто перечеркивает гомосексуальные узы девочки. Но Фрейд (1905) все же подчеркивал и теорию универсальных бисексуальных желаний в раннем детстве — концепцию, которую важно рассмотреть с женской точки зрения.

Первичная гомосексуальность

Девочка хочет обладать матерью сексуально, создать с ней детей и быть ее единственной любовью в мире, из которого мужчины исключены. Но также она хочет быть мужчиной, как ее отец, иметь его гени- талии и все идеализированные качества, которые она приписывает ему. Неисполнимые, эти влечения связываются с нарциссической травмой.

Хотя биполярность гомосексуально ориентированного либидо в раннем детстве равно сильна у обоих полов, проблемы девочки, в плане ее желания обладать матерью сексуально, более запутанные, чем у ее брата, поскольку она не обладает половой комплементарностью по отношению к ней. Не в пример брату, с его совершенно иной половой конфигурацией, она не может проверить, что ее собственная половая конфигурация имеет ценность в глазах матери, именно потому, что она — женская. Как же маленькая женщина выбирается из этой вдвойне сложной ситуации со своей матерью?

Еще более осложняет эту задачу развития ее сильная эротическая привязанность к отцу, которая заставляет девочку интроецировать многие аспекты образа матери. Они, в свою очередь, прирастут к формирующейся основной фигуре идентификации, влияющей на все будущее женское развитие.

В этой точке в женском психическом мире сосуществует ряд различных «внутренних матерей». Один материнский интроект — *восхитительный*, другой — *желанный*, третий — *отвергаемый*, четвертый — *страшный* и т. д. Девочка должна вырвать у матери право *быть* ею, идентифицируясь с ней в своем собственном внутреннем психическом мире, но ей еще много лет будет нужна и внешняя мать как руководительница, утешительница и помощница. После подростковой бури, когда для дочери типично всячески отвергать мать, она вернется к ней обратно, с новой силой привязанности, когда сама станет матерью. В это время многие молодые женщины наконец прощают своим матерям все инфантильные обиды, которые таили от них, и обе женщины становятся близкими взрослыми друзьями. Как и каждый ребенок, взрослая дочь в своих бессознательных фантазиях носит ребенка, зачатого от отца (поэтому она часто считает всех своих детей подарком для матери), а, на самом деле, в еще более глубоких слоях бессознательного, — ребенка, волшебным образом зачатого от матери. Любой из этих факторов может быть причиной психической боли и конфликта, но он же может принести еще большую радость при рождении каждого нового ребенка.

Некоторые женщины могут идентифицироваться со своей матерью, как со взрослым, имеющим пол и сексуальность, но сами не желают иметь детей. В этом случае они склонны переживать свою профессиональную, интеллектуальную или художественную деятельность как рождение символических детей. Ничто не запрещает взрослым женщинам

наслаждаться материнством, равно как получать удовольствие от личного творчества, но здесь снова встают особые женские проблемы. Многие женщины в анализе обнаруживают страх, что им придется *выбирать* между материнством и профессией; другие выражают сходное ощущение дихотомии между их жизнью в качестве любовницы и в качестве матери. Осуществление этих трех разных женских желаний (сексуальность, материнство и профессия) требует тонкого баланса, если женщине суждено избежать убеждения, что она вынуждена пожертвовать своими нарциссическими и либидинозными потребностями в одной из этих сфер.

Вклад гомосексуальных влечений

Эти рассуждения о любви, общественной жизни, работе женщин и их материнстве приводят нас к вопросу о бисексуальных желаниях и гомосексуальном либидо взрослой женщины. Как и где они размещены? Каким образом комплементарные желания *обладать* матерью и *быть* отцом трансформируются и интегрируются в жизни женщины, ориентированной как гомосексуально, так и гетеросексуально? В какой степени неудача интеграции этой жизненно важной либидинозной энергии создает невротические проблемы, когда непризнаваемые гомосексуальные желания создают почву для психического конфликта?

Мои размышления над собственным процессом и над тридцатипятилетним опытом работы с пациентками привели меня к вычленению пяти путей интеграции гомосексуальной эдипальной констелляции. Несмотря на глубокие различия женщин и мужчин, описанные ниже пути интеграции гомосексуальных желаний принадлежат и мужской, и женской половине человеческого рода.

1. *Стабилизация образа Собственного Я.* Женское гомосексуальное либидо служит обогащению и стабилизации нарциссического образа Собственного Я. Каждой девочке необходимо дать себе самой немного той ранней любви и признательности, которые она испытывает к матери и материнскому телу, чтобы быть в дружбе с собой и ценить свое женское Собственное Я и половые органы. Другими словами, девушка оставляет желание *обладать* женщиной, ради того, чтобы *быть* ею. То же самое психическое продвижение трансформирует ее зависть к пенису в желание.

2. *Усиление эротического удовольствия.* Когда происходит отказ от глубокого желания быть человеком другого пола (если происходит), то оно оставляет важный вклад в любовной жизни женщины, в частности, в ее сексуальных отношениях, в которых идентификация с удовольствием и желанием партнера усиливает ее собственное эротическое удовольствие. Именно занимаясь любовью, мы воссоздаем иллюзию своей двуполости и утрачиваем, хоть на миг, нарциссические ограничения, навязанные человечеству его однополостью.

3. *Усиление материнских чувств.* Отношение женщины к детям — тоже сокровище из ряда гомосексуальных ценностей. Я все еще помню переполняющую меня радость от рождения сына и чувство гордости его пенисом, как если бы он был моим. После рождения дочери я помню свою гордость ее совершенно женским телом, восхищение тем, что казалось уже совсем женскими движениями, и нарциссическое желание, чтобы она в своей жизни достигла всего, что я считала неудавшимся мне. Эти воспоминания не оставляют у меня сомнений во вкладе гомосексуального измерения в мои материнские чувства.

4. *Творческое использование гомосексуальной идентификации.* Мне всегда казалось, что удовольствие, переживаемое от интеллектуальных и художественных достижений, оплодотворено во многом нарциссической и гомосексуальной фантазией. Здесь каждый — и мужчина, и женщина сразу. В этом смысле наше художественное и интеллектуальное творчество — наши партеногенетические отпрыски. Клинические наблюдения убедили меня, что конфликт вокруг одного из двух полюсов женских гомосексуальных целей (а именно, бессознательное желание обладать творческой силой матери и потенцией отцовского пениса) может вызывать серьезные затруднения в рождении «символических детей» и даже полную бесплодность.

5. *Обогащение дружбы с людьми своего пола.* И наконец, гомосексуальный вклад, обычно лишенный его сознательной сексуальной цели, обогащает и делает теплее серьезную дружбу женщин. Хотя у женщин-лесбиянок происходит другое развитие их первичных гомосексуальных влечений, они также способны к теплым несексуальным отношениям с женщинами.

Эти пять направлений дают несколько идеализированное описание пути, каким нарциссические и гомосексуальные желания могут быть гармонично вплетены в сексуальную, семейную, общественную жизнь и профессиональную деятельность. При аналитической работе

с женщинами, идентифицирующими себя гетеросексуально, видны бесчисленные знаки глубоко *бессознательного* гомосексуального конфликта, потенциально грозящего неожиданным срывом в любой из вышеупомянутых областей вложения и создающего симптомы и затруднения в связи с обсуждаемыми вложениями. В случае бесконечных домашних ссор, сексуальных проблем, трудностей с детьми, коллегами, сотрудниками и друзьями и творческих проблем в аналитическом процессе открывается их конфликтный гомосексуальный дубликат.

А что же сказать о самих терапевтических отношениях? Как часто мы проходим мимо важнейшей области гомосексуальных страхов, желаний и проекций? Когда мы заходим в тупик в разработке одного из вышеупомянутых пяти направлений в психосексуальной структуре, чья бессознательная гомосексуальность тормозит аналитический процесс? Нераспознанная гомосексуальность анализанта? Или же аналитика? С помощью клинических иллюстраций мы попробуем ответить на эти вопросы в следующей главе.

Глава 2

Две женщины: аналитик и пациентка

...Каждый в своем бессознательном обладает инструментом, позволяющим интерпретировать сообщения бессознательного других людей.

Зигмунд Фрейд

Чтобы исследовать бессознательную гомосексуальность как одно из измерений аналитической ситуации, я кратко изложу случай одной моей пациентки. Катализатором для важного поворота в ее аналитическом приключении послужило сновидение, которое она рассказала на второй год нашей совместной работы. В ночь после нашей сессии мне тоже приснился сон, говорящий о том, что сновидением пациентки и ее ассоциациями к нему были активизированы мои собственные определенные бессознательные фантазии.

Первая встреча

Мари-Жозе, тридцати пяти лет, обратилась ко мне по причине мучающих ее фобий, причем страдала она и клаустрофобией и агорафобией одновременно. Она не могла летать на самолете (в особенности, если полет проходил над водным пространством) без того, чтобы не наглотаться сильных лекарств за несколько часов до полета. Поклонница оперы и театра, она мучилась несколько дней перед каждым спектаклем, на который собиралась, потому что боялась, что не сумеет выйти из дому, если с ней неожиданно случится приступ тревоги. Приближение встречи с незнакомым человеком наполняло ее паническими предчувствиями.

Во всех угрожающих обстоятельствах она регулярно прибегала к психотропным препаратам. У нее не было детей, и она считала, что у нее слишком серьезное расстройство, чтобы планировать материнство. По ее рассказу я пришла к выводу, что она тратит много времени на культурные мероприятия и с особым талантом хозяйки умеет встречать деловых знакомых мужа и их жен.

Во время нашей первой встречи Мари-Жозе рассказала еще об одной своей фобии, которая причиняла ей величайшие страдания, — когда она была вынуждена проводить ночь одна из-за частых деловых поездок мужа. В это время ее переполняло чувство ужаса вследствие непреодолимого убеждения в неминуемой опасности. Ложась в постель, она или не могла уснуть, или всю ночь просыпалась. В борьбе с бессонницей она принимала снотворное или, в качестве последнего средства, шла ночевать к родителям, до возвращения мужа. Когда муж, к которому она была сильно привязана, был дома, у нее не было проблем со сном.

Мари-Жозе была единственным ребенком, и всегда говорила об отце с любовью и восхищением. Но он, как и ее муж, чаще отсутствовал, чем присутствовал. Мать она описывала как «классический пример удушения любовью» и выражала раздражение ее гиперопекой. Она жаловалась, что приходит к ним во время длительных отлучек мужа в основном по настоянию матери. Мари-Жозе намекнула, что, как она думает, мать извлекает какую-то выгоду из ее подверженности фобиям.

Появление новой темы

Во время второй пробной встречи Мари-Жозе мимоходом упомянула об еще одном симптоме, подчеркнув, что это как раз наименьшая из ее проблем. Ей приходится мочиться по многу раз в день. Два выдающихся уролога подтвердили, что для этого нет физиологических причин. Ее постоянно заботит мысль, что ей может внезапно захотеться в туалет, причем в самое неподходящее время — на званом обеде или во время спектакля в опере. Я спросила, что она считает причиной тому, и она ответила: «О, это не психологическая проблема, просто у меня мочевого пузыря меньше, чем у других женщин».

После встречи я сделала запись о том, что этот симптом, значимость которого она, казалось, занижает, может указывать как раз на центральный психологический конфликт, который ей, возможно, трудно принять.

Размышляя о ее уверенности в том, что «ее мочевого пузыря меньше, чем у других женщин», я записала: «Не думает ли она, что у нее мочевого пузыря маленькой девочки, а не взрослой женщины?»

На этом этапе карьеры я была еще молодым, сравнительно неопытным аналитиком и была очень довольна, что ко мне направили эту пациентку. У Мари-Жозе, казалось, была классическая невротическая симптоматика (тогда как другие мои пациенты страдали более глубокими расстройствами). Кроме того, мы были одного возраста, и я находила ее очаровательной и умной. Так что начало нашего аналитического приключения ознаменовалось благоприятными обстоятельствами. После некоторой отсрочки мы начали работу по четыре раза в неделю.

Фобийный страх оставаться одной ночью и симптом частого мочеиспускания в анализе Мари-Жозе были существенными элементами для открытия ее инфантильных желаний и первичных эротических фантазий, относящихся к теме бессознательной гомосексуальности.

Путешествие начинается

В первый год нашей совместной работы моя анализантка провела много сессий, описывая ужас, который она испытывала, когда оставалась ночью дома одна. Через некоторое время мы узнали, что ее тревога становилась неконтролируемой только в тот момент, когда она уже готовилась лечь в постель. При моей поддержке она постаралась более точно сформулировать мысли, которые могли бы вызывать столь сильные эмоции.

Мари-Жозе: Ну, я думаю, я *знаю*, чего я боюсь — кто-то попытается влезть в окно спальни.

Дж.М.: Вы можете рассказать об этом человеке, кто это?

Мари-Жозе: Мужчина, конечно.

Дж.М.: Зачем он это делает?

Мари-Жозе: Да понятно зачем! Он хочет меня изнасиловать. Я этого, конечно не позволю, и он, наверно, убьет меня.

Понадобилось время, чтобы Мари-Жозе приняла интерпретацию, что это она *автор* сценария ночного кошмара, и персонаж насильника-убийцы — тоже ее *личное творение*. Стараясь доказать мне обратное, она пристально изучала ежедневные газеты, собирая доказательства

того, что женщины находятся в постоянной опасности сексуального нападения неизвестных мужчин, и приносила на сессии плоды своей исследовательской работы. Однако ей так и не удалось найти происшествие, где насильник влезал бы к женщине в окно. Но она продолжала утверждать, что ее страх совершенно рациональный. Она так настаивала, что я решила рассказать ей анекдот о женщине, которой снится, что интересный мужчина со странным блеском в глазах приближается к ее постели. «Что вы собираетесь делать?» — кричит она, а этот тип отвечает: «Простите, леди, не знаю. Сон-то *ваш*».

В первый раз Мари-Жозе рассмеялась над своим насильником-убийцей и смогла поверить, что он и правда актер ее внутреннего театра. Шло время, и нам открылось, что эта фантазия уже не пугает — она стала возбуждать! К ней добавились эротические элементы, которые Мари-Жозе не хотела разглашать — до тех пор, пока не оказалась готова сделать это по собственной инициативе. Ее ужас перед одиночеством по ночам постепенно снижался, но тут у нее обнаружилась неудержимая потребность мастурбировать в такие ночи. Только при таком условии она могла спокойно уснуть без лекарств. Ее вновь открытая аутоэротическая активность стала такой же наркотической, как раньше снотворное; она призналась, что, на самом деле, «вынуждена мастурбировать», хочет она того, или нет.

В этот же период анализа другие важные ассоциации пациентки сосредоточились на ощущении, что мать преследует ее своей всепоглощающей заботой. Мне стала очень и очень не нравиться эта мать. Я заподозрила, что это, возможно, *настоящая мать-людоедка, извращенка! Жалуется всем друзьям, что у дочери 30 лет подряд невроз, а сама делает все, чтобы дочь так и продолжала болеть!* Хотя я напоминала себе, что этот портрет — лишь одно из возможных внутренних представлений Мари-Жозе о матери и что ей *нужно* выставить мать в таком свете, мне, тем не менее, представлялся некий угрожающий объект, который не дает своей дочери, моей пациентке, поправиться!

Сон-разоблачение

Следующий фрагмент сессии относится к концу второго года нашей работы.

Мари-Жозе: Мне снился страшный сон прошлой ночью. Я плыла в бурном море и боялась, что могу утонуть, хотя заметила, что вода и все

вокруг довольно красивое. У меня было чувство, что я тут уже была. Волны становились выше, и я сказала себе: «Я должна найти, за что уцепиться, иначе я умру в этой воде». И в этот момент я заметила один из этих — забыла, как они называются — вроде коновязи, куда лодки привязывают. Я схватилась за это. Оно было из камня. И я проснулась в панике.

Пока я слушала, мои свободные ассоциации сперва вызвали у меня внутренний вопрос, связаны ли ее чувства с тем, что мать душит ее своим вниманием, топит в нем (по-французски мать — *mère* и море — *mer* — омонимы). Но далее я заинтересовалась забытым словом, «вроде коновязи». «Коновязь» была сделана из камня (*pierre*), что заставило меня вспомнить об имени отца пациентки, Пьер-Жозе (Pierre-José), и о том, что имя пациентки, Мари-Жозе (Marie-Josée), «сделано» отчасти из отцовского. Мари-Жозе немного помолчала.

Мари-Жозе: Мне кажется, ничего нового нет в этом сне. Это паника, которую я всегда чувствую перед тем, как идти куда-то, и все это связано с моей матерью. Она везде, угрожая захватить меня.

Дж.М.: А что вы скажете о «коновязи», как она по-настоящему называется?

Мари-Жозе: Ой, я вспомнила! Это *une bitte d'amarrage* (швартовы), или *une bitte de mouillage*? (биттенг). Не помню, какая между ними разница.

Забытое слово, видимо, «причал». Первое французское название относится к тому, что находится в лодке, а второе — к тому, что на пристани. Но тут есть еще и неявная игра слов. *Bite* (хотя и пишется иначе, чем *bitte*) — это популярное жаргонное название мужского полового органа, а *mouiller* относится к женским гениталиям в состоянии возбуждения. *Amarrer* означает «крепить тросами, пришвартовать лодку». Слово «коновязь», с другой стороны, употребляется для обозначения врытого в землю вертикального столба, к которому привязывают лошадей. Казалось, что Мари-Жозе хотела вытеснить смысл этих слов, путая или забывая их. Однако, она сама увидела связь *bitte* и *bite* («петушок»).

Мари-Жозе: О, это как-то связано с моим отцом и воспоминанием, как я в четыре года увидела его пенис в ванной. Я боялась, что мать рассердится за то, что я подглядываю за ним с таким возбуждением. Может быть, поэтому я проснулась в панике?

Затем она снова стала настаивать, что сон неинтересный, что это все та же старая проблема. Столкнувшись с ее сопротивлением, я не знала, подталкивать ее к ассоциациям на *bitte de mouillage* или же искать связь ее продолжающейся потребности часто мочиться с сердитым морем (матерью), во сне угрожающим поглотить ее. Слушая рассказ о сновидении, я подумала, что одним из скрытых смыслов ее симптома могло быть желание утопить мать в своей моче, но у меня не было ассоциативного материала от Мари-Жозе, который позволил бы такого рода интерпретацию.

В русле моей гипотезы я решила, что Мари-Жозе, возможно, переворачивает во сне ситуацию, боясь, что это мать утопит *ее* в мстительном море мочи. Единственное спасение — схватиться за отца, *bitte d'amtagage*, каменный фаллос, как за то, что может, в принципе, спасти жизнь. Отцовский символ спасет ее от гибели в море, то есть от поглощения матерью, а также от ее желания сохранить досаждающую ей инфантильную привязанность к матери.

Убегая от сновидения, Мари-Жозе обратила внимание на то, что она считала отсутствием прогресса в нашей работе. Очевидно, что я стала плохой матерью, которая не помогает ей выбраться из путаницы пугающих фантазий, не учит ее плавать в бурных морях и не объясняет, как же ей обратиться к отцу за защитой в ее эротической фантазии-желании.

Мари-Жозе: Очень хорошо, что исчез мой страх оставаться одной, но дневные ужасы сильны, как всегда, и мне все больше стыдно за них. Я никуда не двигаюсь в анализе. Дайте, я расскажу, что случилось вчера.

Я обещала попить чаю со старой Сюзанной, подругой матери, которую я очень люблю. Но, как обычно, я не нашла места для парковки нигде поблизости от ее дома. Она живет на улице с односторонним движением, и единственная парковка — на другой стороне Бульвара Османн. Не было видно ни души, и от мысли о том, чтобы пересечь пустой бульвар, у меня сердце чуть не остановилось. Я просто не могла этого сделать. Я подумала, что *должен же* быть какой-то выход из положения. Неожиданно у меня возникла блестящая идея поехать *задним ходом* по односторонней улице, хотя я по-настоящему боялась, что меня поймает полицейский. Когда я пришла, на полтора часа позже, Сюзанна сказала: «О, дорогая, я уж думала, ты не придешь. Поздновато ты, знаешь ли».

И Мари-Жозе продолжила бесчисленные ассоциации на свою дневную панику, притягивая все, что мы открыли вместе за прошедший год.

Выражаемые ею чувства переноса, а также определенные личные отношения привели нас к заключению, что ее многочисленные фобии были способом проецировать на внешний мир внутреннюю драму, в которой она постоянно пыталась избежать любой ситуации или отношений, в которых мог бы быть представлен архаический образ ее матери, всемогущей и вездесущей, готовой поглотить ее. В частности, она жаловалась на то, что вынуждена избегать пустых пространств, высоты, балконов и открытых окон. (Я почувствовала уверенность, что, в своей бессознательной фантазии и очень по-детски, она все еще ждет любовной встречи с отцом, скрытым под маской насильника-убийцы из ее прошлой фантазии.) Узы инфантильных сексуальных желаний казались мне одним из возможных активных факторов, поддерживающих ее сильнейшие фобийные тревоги. На этот раз Мари-Жозе сама предположила, что ее бессознательное желание особой отцовской любви и защиты от поглощающей матери вновь подтолкнуло ее разыграть сцену агорафобийного ужаса.

Опираясь на то, что мы уже выстроили, Мари-Жозе повторила, что она продолжает наделять мать способностью быть везде; способностью, которую она характеризует, как желание матери «захватить мою душу и тело» и, возможно, «не позволить мне более близких отношений с отцом». В ответ на мой вопрос, она признала, что раз она сама сценарист своего сновидения, нет сомнения, что у нее сохранилась скрытая потребность поддерживать жизнь этой inferнальной драмы.

В конце сессии у меня возникло чувство неудовлетворения. Мы торопили знакомые тропы; у многих сессий уже было сходное содержание. Я была убеждена, что существует определенная связь между ее ужасающим ночным кошмаром и дневным ужасом (проявившаяся в возвращении агорафобийного симптома по дороге к подруге матери). Однако я не могла разглядеть эту связь, хотя и подозревала, что оба элемента связаны с пугающим образом матери. А между тем я совершенно упустила из виду, что Сюзанна была материнской фигурой, по отношению к которой Мари-Жозе выражала чувства любви, а не возмущения, и что при затруднении с парковкой смогла добраться до старшей подруги только *по улице с односторонним движением*. Также осталось в стороне мое знание о том, что часть Мари-Жозе *хотела* быть поглощенной бурным материнским морем. Размышляя над игрой слов в сновидении Мари-Жозе, где она хваталась за объект, восходящий к имени отца и к «мужской» части ее собственного имени, я снова спросила себя, какой конфликт мог

мотивировать ее к выдвиганию на сцену символического образа отца, чтобы не дать ей утонуть в ею же созданном море.

Эти мысли и сессия стали дневным остатком, который вошел в мое собственное сновидение, поразившее меня своим явным содержанием настолько, что я проснулась среди ночи, а оставившее странное впечатление я не забыла до нынешнего дня. Еще одна важная деталь состояла в том, что я спала этой ночью одна, поскольку мой спутник жизни временно отсутствовал. Более того, мы накануне поссорились: я настаивала на том, что мне нужно обсудить статью с другой женщиной, моей коллегой, а он хотел, чтобы я провела этот вечер с ним.

Контрпереносное сновидение

Я должна с кем-то встретиться в одном из *quartier*¹ Парижа (мало мне известном), имеющим дурную репутацию опасного в позднее время, особенно в метро. Я переполнена ощущением чего-то жуткого и в то же время смутно знакомого мне. По пути мне попадаются какие-то люди, но в спешке я расталкиваю их. Неожиданно я — в каком-то доме, и там же оказывается красивая женщина, азиатка, одетая в провоцирующем, сексуальном стиле. Она смотрит на часы и замечает: «*Поздновато ты, знаешь ли*». Я бормочу какие-то извинения и тянусь погладить шелковую ткань ее платья, словно прошу прощения этим соблазняющим жестом. Тут становится ясно, что я должна вступить в сексуальный контакт с загадочной незнакомкой. Я в растерянности, потому что не уверена, чего именно от меня ждут. Я решаю, что у меня нет выбора: я должна отбросить всю свою волю и пассивно подчиниться тому, чего хочет экзотическое создание. От тревоги, смешанной, видимо, с возбуждением от волнующей эротической сцены, я проснулась, как от толчка, с убеждением, что моя жизнь в опасности.

Не в силах снова заснуть, я получила возможность поразмыслить о вероятном смысле этого явно гомосексуального сновидения. Насколько я могла вспомнить, таких снов у меня еще не было. Это привело меня к воспоминаниям о двух моих аналитиках, мужчинах, которые за все годы моего анализа никогда не интерпретировали никакой откровенно

¹ Quartier (фр.) — квартал, четверть, часть, квартира.— *Прим. перев.*

гомосексуальный материал (возможно потому, что я не давала необходимых ассоциаций, которые могли бы это позволить!). Так что, во мраке ночи, мне было предоставлено одной измерять глубину этой сложной проблемы — моей собственной.

Первой ассоциацией, пришедшей в голову через словесную связь «опоздания» на встречу, была моя сессия с Мари-Жозе. Почему же я пошла по стопам моей пациентки? Но моя встреча была не с пожилой заместительницей матери, а с томной и эротичной азиаткой! Что это она делала в моем сне? Постепенно я вспомнила о пациентке-китайке, которая приходила ко мне на консультацию несколько лет тому назад. Мы, должно быть, встречались пять-шесть раз, и какой у нее был терапевтический запрос, я начисто забыла. Я помнила только, что у ее отца было три законных жены, и третьей была ее мать. Я вспомнила, как она говорила о своей матери: «С ней в семье не считались, и она мне была скорее старшей сестрой, чем матерью. Мы вместе играли, и у нас были общие секреты — что мы думаем об остальных домашних». Я вспомнила и свое сочувствие пациентке в ее разочаровании от «матери-сестры» вместо «настоящей матери». Настоящей матерью, объяснила она, была первая жена, которая и заправляла всем домом.

И вот теперь я удивлялась, почему же мне раньше не пришлось в голову, что даже если девочка ревновала отца к первой жене и хотела быть ее ребенком или занять ее место, разве не было бы все же очень здорово иметь мать-сестру, всегда готовую поиграть или поделиться секретами? По какой-то неясной причине я почувствовала, что должна вспомнить *имя* этой пациентки. После долгих поисков это имя вдруг высветилось — ее звали *Лили*. Я больше не могла отпираться от того, кого бессознательно представляло собой великолепное создание из моего сна. Мою мать, несколько напоминающую экзотическую восточную женщину, звали *Лилиан*! Но разве не была она, в моих детских представлениях, красивой и великолепной? А разве у нас не было общих секретов от Матушки — матери отца, которая, по словам моей матери, «командовала курятником и ждала, что сыновья будут ей кланяться до земли»? Не была ли Матушка эквивалентом «настоящей» матери из дискурса моей пациентки и не были ли мы с матерью «сестрами» в нашем общем бунте против нее?

Отталкиваясь от этого, я стала искать доказательства того, что я *отрицала* свои детские эротические чувства к матери. Я вспомнила один вечер, когда мне было восемь-девять лет. Она зашла пожелать нам

с сестрой спокойной ночи, потому что они с отцом собирались на званый ужин. На ней было платье из переливающегося материала абрикосового цвета, оно так и мерцало при ходьбе. Я спросила, из чего сшито платье, и она сказала: «Это переливчатый шелк». Я подумала, что никогда не видела ничего красивее!

Моей первой реакцией на это воспоминание была мысль, что я, должно быть, ревновала, потому что отец брал с собой *ее*, а не меня. Но это предположение вовсе не исключало другое возможное желание: чтобы *моя мать взяла меня*, а не отца, на ужин и чтобы на мне тоже был абрикосовый переливчатый шелк. Была ли это мать-сестра, которой я никогда не знала? По которой я, возможно, тосковала? Я продолжала исследование, постепенно понимая другие неясные места сновидения, которые, в свою очередь, приводили к другим скрытым мыслям, стоящим за его явным содержанием. У меня появилась ностальгическая тяга к прошедшему, так ясно воскресшему и благоухающему первичными эротически окрашенными чувствами любви и ненависти. Вернулись и давно забытые фантазии о страхе смерти, моей и матери. Что касается отца, то маленькая девочка во мне считала его бессмертным. Только он мог спасти мою мать и меня от эротической смерти-слияния!

Затем я заинтересовалась, как мой сон связан с анализом Мари-Жозе. В первый раз я позволила себе увидеть, что моя мать, по своему характеру, была, во многих отношениях, полной противоположностью матери, описанной Мари-Жозе. Моя все дни напролет была занята общественной деятельностью. Она преданно работала для церкви, к которой мы принадлежали; она была энтузиастом игры в крокет и гольф; она брала уроки пения и играла на скрипке в свободные минуты, когда не готовила для семьи или не шила нарядные платья нам с сестрой. Фактически, мы с сестрой (в отличие от некоторых наших школьных друзей) могли наслаждаться нашей свободой от материнских запретов. Короче говоря, моя мать была совершенно непохожа на портрет, написанный Мари-Жозе: требовательная мать, ни на минуту не отходящая от ребенка.

Пытаясь найти связи между сессией пациентки и моим сновидением, я пришла к удивительному заключению, что я *завидую* Мари-Жозе — ее мать-собственница всегда звонит, всегда предлагает культурные и прочие развлечения, все время приглашает дочку прийти домой, как только ее мужа нет дома. (Уж конечно, эта мать дала бы Мари-Жозе померить свое абрикосовое платье и взяла бы с собой в оперу!) Ну почему у меня не было такой матери? Я тщательно анализировала враждебные чувства,

связанные с внутренними образами матерей в себе самой и в Мари-Жозе. Но не проглядела ли я, насколько важны были положительные чувства моей пациентки и *отрицаемая ею гомозротическая привязанность к матери*? Если это так, не замешана ли тут потребность сохранить вытесненным *мое собственное инфантильное желание быть избранницей матери в ее любовной жизни!* Прождав столько лет сновидения, выполняющего совершенно бессознательное желание, я «поздно» признала важность гомосексуальных желаний из прошлого. Но еще больше меня обеспокоило, что я могла не разглядеть скрытое удовольствие от наличия гомосексуально ориентированной матери, удовольствие, от которого Мари-Жозе последовательно отрекалась. Я не смогла заметить неустанность ее демонстраций негативных аспектов их отношений с матерью. Другими словами, я приняла ее жалобы за чистую монету!

На следующей сессии Мари-Жозе продолжала негативно отзываться о матери, что дало мне возможность спросить ее, нет ли, за всем ее открытым неудовольствием от того, что у ее матери столько требований, также и желания доказать мне и себе, как сильно мать ее *любит*? Может быть, ей даже доставляет тайное удовольствие жаловаться на материнскую требовательность? Ответом на мое вмешательство было напряженное молчание, а за ним последовала смущенная исповедь.

Мари-Жозе: Ну, может быть, я более требовательна, чем я думала. Недавно, когда я позвонила, чтобы спросить, могу ли я провести конец недели с родителями, мать ясно дала понять, что они с отцом немного устали, что им приходится «сидеть с ребенком», то есть со мной, каждый раз, когда мой муж уезжает за рубеж. Я просто ушам не поверила!

[*Она тихо заплакала и через некоторое время продолжала сквозь слезы.*] Она... ну... она даже сказала, что они опять планировали одни уехать на несколько дней и не хотели бы постоянно беспокоиться о том, как я там, в Париже!

Слезы не дали Мари-Жозе закончить, она только пробормотала: «...и мать действительно сказала, что они в такое время просто боятся моих телефонных звонков».

Я молчала, потрясенная таким разоблачением. Хотя я не сомневалась в соучастии матери в создании отношений взаимной зависимости, *моим собственным* бессознательным соучастием прежде всего было то, что я мешала Мари-Жозе осознать ее желание быть исключительным объектом материнской любви и заменять матерью мужа, как только

предоставляется случай. Проработав свой контрперенос, я смогла обратиться к другой области конфликта Мари-Жозе с ее матерью, с пониманием которой я «запоздала»: к ее ночной аутоэротической активности и сопровождающим ее фантазиям. По ее словам, мастурбация теперь была главным условием засыпания. В некотором смысле, она заняла место фантазии о насильнике-убийце. Меня занимал вопрос: не будет ли вскрыта тайная связь с матерью в ее аутоэротических фантазиях?

Моя вновь обретенная восприимчивость дала немедленные плоды — раскрылся фундаментальный элемент, лежавший в основе симптома частотного мочеиспускания. На одной из сессий 2—3 недели спустя, когда моя пациентка вновь упомянула о своем прошлом ночном страхе, я указала, что она, кажется, избегает говорить о том, чем он заменился — о своей навязчивой мастурбации.

Мари-Жозе: Да, мне очень трудно об этом говорить.

Дж.М.: Вы помните, когда вы так боялись быть по ночам одна, мы выяснили, что ваш страх связан с образами сексуального насилия и скрытой фантазией о вашем отце, как о том человеке, который вторгается, о насильнике-убийце?

Я напомнила пациентке, как трудно ей было признать привязанность к матери, и спросила, не будет ли для нее также трудно исследовать свои эротические фантазии, если они окажутся как-то связаны с детскими фантазиями о родителях.

Мари-Жозе: Вовсе нет. Мне не трудно рассказать, что я воображаю. В этих фантазиях есть и мужчины, и женщины. Но мне действительно неприятно говорить вам ... о том... э, ... как я это делаю. Хорошо, я должна это сказать. Я стимулирую себя водно-струйным аппаратом для чистки зубов.

Дж.М.: Вы можете рассказать мне побольше об этом аппарате?

Мари-Жозе: Мне его подарила мать, но я так и не пользовалась им по назначению!

Дж.М.: Так, может быть, это способ заниматься любовью с матерью?

Мари-Жозе: [*Засмеявшись, с видимым облегчением*] Да, я уверена, что это так. Это маленькая девочка, которая все еще хочет быть эротическим сокровищем матери. И может быть, как вы говорили, это моя потребность идентифицироваться с матерью как с сексуальной женщиной, чтобы маленькая девочка во мне могла вырасти во взрослую.

Вслед за этой сессией мы смогли высветить многочисленные фантазии, связанные с «аппаратом» и его эротической струей воды. Мы вернулись к ее сновидению о бурном море, которое выявляло обычные детские сексуальные фантазии, в частности, уринарные фантазии о родительском коитусе. Теперь их можно было исследовать и в эротическом, и в садистском аспекте. Мы смогли выяснить, что человек, вторгающийся через окно, был совершенно *двуполой* фигурой. Мари-Жозе вспомнила, что заботы своей матери о приучении ее к туалету она воспринимала, как то, что мать вторгается, «лезет» внутрь нее. Она припомнила и другие эротизированные травматические события прошлого, и прежде всего, из всех этих тревожных воспоминаний, свой детский страх намочить постель.

Моя контрпереносная глухота, наряду с вытесненными фантазиями действовала, как непрозрачный экран, не позволяя аналитическому «свету» осветить не только неудовлетворительную взрослую сексуальную жизнь Мари-Жозе, но и главный фантазийный элемент ее частичной фригидности, а именно, ее нераспознанные гомосексуальные желания. Теперь они могли быть вербализованы и, следовательно, позволяли инсайт относительно ранее непризнаваемых Мари-Жозе зависти к матери и ее половой жизни, и детского желания обладать матерью, чтобы самой стать женщиной и матерью. Эти новые инсайты постепенно позволили получить доступ к значению того, что она отвергала желание иметь собственного ребенка. Она сама все еще была ребенком, с гениталиями и мочевым пузырем маленькой девочки. И наконец, Мари-Жозе смогла рассказать мне о чувстве ненависти к своему телу, которое она воспринимала не только как недоделанное и нечистое, но и как опасное, если бы оно стало сексуально отзывчиво мужчине. Аппарат для чистки зубов позволял ей держать свои гениталии на расстоянии от себя и в то же время отыгрывать свое инфантильное желание воображаемого эротического контакта с матерью, с тем чтобы впитать идеализируемые качества, которые Мари-Жозе ей приписывала. Этот инсайт стал важным шагом к более полной женской идентификации. Но предстояло еще много аналитической работы, прежде чем «переходный» эротический объект уступил место истинной идентификации с имеющей гениталии женщиной и матерью, кем считала Мари-Жозе свою мать. При этих новых инсайтах повышенная частота мочеиспусканий снизилась и, за исключением случайных стрессовых ситуаций, наконец исчезла.

К концу своего анализа Мари-Жозе начала чаще путешествовать с мужем, ее любовь к нему углубилась, так как она доросла до того, чтобы ценить себя как взрослую женщину. Стало появляться и желание стать матерью, родить мужу ребенка. Бурное море ее сновидения постепенно превращалось в океан внутренней мудрости и мира.

Как видно из этого фрагмента аналитического путешествия Мари-Жозе (и моего), дорога от девочки к взрослой женщине извилиста и полна ловушек. Из корней женского эротизма, закладываемых в раннем детстве, может произрасти множество зональных путаниц. Идет постоянная борьба за интеграцию конфликта вокруг самых ранних любовных отношений, даже когда ориентация на гетеросексуальность представляется успешно достигнутой. Этот фрагмент анализа также иллюстрирует ту степень, в которой сновидения как аналитика, так и анализанта постоянно ищут решения давно погребенных проблем. Поднимая на поверхность глубоко затопленные эротические желания детства, сновидения позволяют их сознательную вербализацию и открывают путь к их интеграции в более гармоничное взрослое Собственное Я.

Глава 3

Сексуальность женщин: темы и вариации

Пусть роза — универсальный символ любви. Но мы можем взглянуть и на то, что предшествует цветку и подготавливает его — не только на стебель и листья, но и на корни, вросшие в почву матери-земли, богатой питающими соками, кишящей червями и улитками и изобилующей возможностями. Мы должны смотреть на весь розовый куст.

Х. Врай и Дж. Уэллс

Важнее всего нам определиться с понятием *женственности* (*феминности*)¹, поскольку то, на что ссылаются как на «образец женственности» (или «мужественности»), никоим образом не абсолютно, а меняется от культуры к культуре, от эпохи к эпохе и даже в рамках одной культуры. Поэтому я ограничу свои замечания Западной цивилизацией; в других культурах место женщины и то, что считается свойственным ей, женским и женственным поведением, в значительной степени отличается от привычного Западному миру.

Когда семейное окружение облегчает знакомство дочери с женской сексуальной идентичностью, учит находить удовольствие в ней, тогда процесс разочарования, входящий в интеграцию бисексуальных и эдипальных желаний, возможно будет иметь завершение. Многие теоретики анализа утверждают, что эта интеграция усиливает нарциссические и либидинозные вложения в телесное и женское Собственное Я и способствует глубокому влечению к лицам противоположного пола. Общественный дискурс добавляет, что эта ориентация должна сочетаться с желанием найти приносящие удовлетворение любовные отношения и,

¹ В оригинале — *femininity*, что может означать, в зависимости от контекста, и феминность, и женственность, и «женскость». Р. Столлер, употребляя это слово, оговаривался: «чтобы под этим ни понималось». — *Прим. перев.*

в конце концов, иметь детей с самостоятельно избранным мужчиной. Интеграция гомосексуальных эдипальных стремлений*, как и гетеросексуальных желаний, возбуждает страстную потребность иметь любовника противоположного пола и стать матерью, что согласуется с принятым определением того, что почитается женственным (феминным) в Западном обществе. Три варианта женской сексуальности, не находящиеся в согласии с общественными концепциями,— это *женская гомосексуальность, женский транссексуализм и женские «извращения»*.

Лесбиянка в анализе

Отличаются ли установки лесбиянки относительно своих гомосексуальных желаний к обоим родителям от установок женщины, сохраняющей, начиная с детства, убеждение в своей гетеросексуальной идентичности? Клинические наблюдения заставляют меня предположить, что анализируемые лесбиянки иногда все еще по-детски ожидают «завладеть» материнскими прерогативами, как это было описано выше. Хотя желание сексуального обладания матерью и/или желание стать отцом обычно вытесняются в бессознательные слои психики, отказа от них так и не происходит, по трудно определимым причинам. Иногда представляется, что лесбиянка вновь проигрывает эти желания в жизни, пытаясь *дать* другой женщине то, чего она так страстно желала в детстве; иногда она хочет *получить* от своей любовницы (играющей роль матери *или* отца) нарциссическое подтверждение того, что и она как человек, и ее тело, и эротическое наслаждение от него, очень ценны для партнерши и радостно ею принимаются.

В целях обсуждения особых клинических открытий при работе с лесбиянками я отвечу на вопрос, который мне часто задают в разных странах слушатели моих лекций: чем отличаются друг от друга аналитические процессы гетеросексуальных и гомосексуальных женщин?

Клинические темы лесбиянок весьма незначительно отличаются от тех, которые возникают в аналитической работе с гетеросексуальными пациентками. Если гомосексуальная женщина, желающая пройти анализ, не находится в конфликте со своей сексуальной ориентацией, ее запрос

* В них входит, в частности, желание инкорпорировать материнское психическое содержимое, которое часто воображается как имеющее в себе отцовский пенис, потенциальных детей и секреты женственности.

обычно вращается вокруг помощи в тех же самых проблемах, которые подвигают и других женщин пуститься в аналитическое путешествие. Многие женщины, гетеро- или гомосексуальные, ищут аналитической помощи, испытывая затруднения или срыв в своей профессиональной деятельности, обычно интеллектуальной или художественной.

Классическое невротическое страдание, возникающее вследствие фобийной или обсессивной симптоматики, никак не отличается, независимо от того, гомо- или гетеросексуален пациент.

*Сексуальные проблемы в любовных отношениях*⁴ — следующие по важности и у гетеросексуальных, и у гомосексуальных женщин. Трудности в получении или предоставлении сексуального удовлетворения — известная причина обращения за лечением. Однако, помимо общего сходства, здесь есть различие между пациентками разных сексуальных ориентаций. Гетеросексуальные женщины жалуются на неудачу в достижении оргазма с партнером и часто добавляют, что главный их источник удовольствия — мастурбация. По контрасту с ними, лесбиянки часто жалуются на *отсутствие интереса* к получению сексуального удовольствия. Некоторые анализантки заявляли, что их сексуальное удовлетворение исходит в основном из того, что они доставляют эротическое удовольствие своим любовницам, а требование любовницы, чтобы и они тоже наслаждались переживанием оргазма, вызывает у них страх, или они его отвергают. Три мои пациентки говорили, что они не хотят, чтобы их трогали, а одна боялась, что старая фобия рвоты может вернуться, если она допустит сексуальную стимуляцию со стороны партнерши. Для каждой из этих женщин сознаваемый мотивирующий фактор обращения за помощью можно было бы суммировать так: «Почему я не в состоянии получать сексуальное удовольствие? И с какой стати я обязана его получать? Моя любовница говорит, что больше не в силах выносить моего отказа. Если я не решу эту проблему, боюсь, что наши отношения развалятся». Другие две жаловались на обратную сторону той же трудности — их разочаровывало отсутствие сексуальной отзывчивости их партнерш.

Потеря или угроза разрыва длительных любовных отношений — обычная причина психических страданий, которая может быть связана с сексуальными затруднениями, а может и не быть. Здесь тоже нет выраженных отличий гетеросексуальных женщин и лесбиянок.

Широкая распространенность отрицательного отношения людей к представителям меньшинства — дополнительный мотивирующий

фактор обращения к анализу, специфичный для гомосексуальных женщин. (Чаще всего, мужчины и женщины, которые ядовито критикуют гомосексуальных женщин или издеваются над ними, разряжают так свой собственный страх перед своими неосознаваемыми гомосексуальными тенденциями.) Семья пациентки тоже может быть источником данных негативных установок, которые только усиливают ее человеческое психологическое страдание и питают Эго-дистоничную гомосексуальность.

Мои клинические находки, в общем, согласуются с заключениями Хукера (1972) о том, что единственная очевидная разница между гомосексуалами и гетеросексуалами — это их психосексуальный выбор объекта. Наиболее опытные клиницисты и исследователи сообщают о том, что разнообразие личностей среди гомосексуалов гораздо выше, чем их сходство (Саймон и Ганьон, 1967; Ричардсон, 1984). Поскольку самая поразительная черта людей — *единственность* каждого человека, неудивительно, что это качество приложимо как к гомосексуальным, так и к гетеросексуальным людям. Более того, с клинической точки зрения, на которой мы стоим, мы достигнем большего инсайта в понимании человеческой сексуальности через изучение ее отклонений от так называемой нормы, чем через усиленное изучение якобы беспроблемной гетеросексуальности.

Определение гомосексуальности

Теперь важно определить, что понимается под термином *гомосексуальность*. Я согласна с Айси (1989), что гомосексуальная ориентация не должна определяться только по активной гомосексуальной практике, но в расчет следует принимать страсти, желания, фантазии и вложения либидо, с детства до зрелости, независимо от того, получают ли они воплощение в действии.

Исследование Бурха (1989) (книга, посвященная теме комплиментарности в лесбийских отношениях) предполагает, что лесбиянки делятся на две категории: те, кто вполне осознавал свою сексуальную ориентацию с детства, и те, у кого был значительный гетеросексуальный опыт, а самоопределение в качестве лесбиянки состоялось уже во взрослой жизни. Бурх предлагает термины «первичный лесбианизм» и «избирательный или бисексуальный лесбианизм» для описания этих двух категорий, предупреждая, что их нельзя считать исчерпывающими.

Давайте напомним себе, что «гомосексуальность» не существует в единственном числе, и существенно важно говорить о «гомосексуальностях», поскольку существует много разновидностей данного объекта, действий и структур личности, как и при «гетеросексуальностях». Что касается специфически клинических аспектов анализа женщин-лесбиянок, важно (как и с любым пациентом) внимательно слушать «теорию» каждой пациентки о себе самой, своих проблемах и своем прошлом. Делалось множество попыток выявить этиологические факторы, которые «объясняли» бы ощущение гомосексуальной идентичности и объектный выбор. Помимо прочих привходящих сложностей, такие исследования часто упускали из виду тот факт, что в рамках клинической обстановки мы слышим личную теорию пациентки о своей истории и о ее особых интрапсихических представлениях родительских образов. Хотя и важно ухватить травматические последствия реальных событий, о которых рассказывает пациентка, но они очень мало могут говорить о «настоящих» родителях, поскольку личные исторические отчеты о драматических событиях, «вспоминаемых», начиная с детских лет, меняются со временем (как и история вообще). Более того, обстоятельства, которые вспоминают лесбиянки, рассказывая историю своего детства, так же часто открывают нам и пациентки с иной ориентацией и иным ощущением сексуальной идентичности.

Как я упоминала, мои клинические наблюдения указывают, что нет особой разницы между лесбиянками и гетеросексуальными женщинами в том, что касается профессиональных и социальных конфликтов и страданий, причиняемых затруднениями в этой области. Однако определенная разница между гомосексуальной и гетеросексуальной ориентацией заметна при сравнении и противопоставлении источников сексуальных затруднений и причин разрыва любовных отношений в ранее стабильной паре.

Лесбийская пара

Дистресс в лесбийской паре часто возникает, когда одна из партнерш хочет сексуальных отношений, а у другой это не встречает равного интереса. Я уже отмечала, что три мои гомосексуальные пациентки назвали отсутствие интереса к получению сексуального удовольствия главной причиной обращения к анализу. Здесь нельзя не увидеть обычную проблему, предъявляемую огромным числом гетеросексуальных

пациенток,— их мужья или любовники жалуются на то, что они не проявляют интереса к сексуальным отношениям или не получают удовольствия от них. В обоих случаях мы можем найти сходный набор бессознательных фантазий, в которых сексуальное удовольствие предстает запретным или опасным. Эти фантазии привязаны к классическим запретам и предупреждениям родителей растущему ребенку, так что любое их нарушение грозит потерей любви интернализованных родителей.

Но по ту сторону этой всеобщей родительско-эдипальной грани гомосексуалы часто испытывают глубокие страхи, исходящие из фантазий о телесном ущербе, о потере телесных или психических границ и дезинтеграции ощущения Собственного Я. По моему клиническому опыту, такой ужас мы обнаруживаем в бессознательных (или предсознательных) фантазиях лесбиянок чаще, чем у гетеросексуальных пациенток.

Конфликты, ведущие свое происхождение из бессознательных страхов и желаний родителей, могут породить у ребенка ущербный или хрупкий образ своего тела в целом. Если к этому позже добавится уничижительный или угрожающий родительский дискурс, касающийся сексуальности, тогда нарциссический образ девочки и все ее существование как личности легко могут быть возложены ею на сексуальное Собственное Я и значение, приписываемое «женственности». В свою очередь это оставляет длительный отпечаток на сердцевине идентичности своему роду и своей сексуальной роли, которые каждый ребенок строит, начиная с младенчества.

Пренебрежительное отношение к женской сексуальности в семье или в общественном дискурсе часто обостряется материнской сверхзаботой о здоровье, сне, питании и выделительных функциях ребенка, что может быть интернализовано девочкой как свой низменный телесный и сексуальный образ. Некоторые лесбиянки вспоминают в анализе особую тревогу своих матерей об их кишечнике и фекалиях. Моя пациентка Карен (МакДугалл, 1978b) заявила, что по-настоящему верила в детстве, что она — единственная из женщин семьи, которая испражняется. Это была ее «грязная тайна», из-за которой она чувствовала невероятное унижение. Бенедикта (см. Главу 5) с ужасом вспоминала клизмы, которые ставила ей мать, и иногда сравнивала свое собственное литературное творчество с постыдной продукцией кишечника. Когда Оливия (МакДугалл, 1964) была маленькой, ей не позволялось упоминать выделительную функцию, и нужно было вежливо покашлять, чтобы показать, что ей нужно на горшок. У этих пациенток были искаженные или тревожные образы своего

тела и его соматического функционирования. Многие гетеросексуальные женщины вспоминают сходные детские истории, но не обязательно переносят эту материнскую проблему на интрапсихические представления своего пола или своей женственности.

Другие пациентки-лесбиянки выражают убеждение, что все, что ни есть женского и женственного, принадлежит исключительно их матери. Предположить собственное обладание этими внутренними сокровищами было для дочери равноценно разрушению матери, словно двух женщин не могло быть в этой семье или в этих отношениях мать-дочь. В некоторых случаях дочь получала впечатление, что она неприемлема для матери, и интерпретировала его как требование приобрести психически «мужские» качества, чтобы заслужить ее любовь и внимание.

Кажется, иногда и судьба играла свою роль. Две из моих анализанток-лесбиянок родились вслед за смертью младенцев-мальчиков. В ходе анализа одна из них спросила тетю, которая тогда жила в семье, что она помнит о реакции на ее рождение, более тридцати лет назад. Без колебаний тетя ответила: «Твой отец сказал: “У меня очень печальные новости — это девочка”, — и разразился слезами». Третий пример — моя пациентка Софи (МакДугалл, 1978а), которая родилась вслед за преждевременной смертью братьев-близнецов. У Софи было отчетливое впечатление, что ее родители были разочарованы ее биологическим полом с самого ее рождения. Семейный дискурс, как она чувствовала, подтверждал это, что привело к виноватой потребности как-то возместить родителям смерть сыновей.

Другие травматичные события прошлого, вспоминаемые пациентками-лесбиянками, породили тематически сходные фантазии, носящие все тот же характер преследования. Форма их могла быть разной:

1. «Я должна была родиться мальчиком, как они хотели».
2. «Все хотят, чтобы я была девочкой, но я неправильная девочка».
3. «Моя мать — единственная взыскательная, настоящая женщина в этой семье, и она не позволит мне взять от нее то, что мне нужно, чтобы стать женщиной с женскими правами и привилегиями».
4. «Моя мать в растерянности, она защищается от того, чтобы быть женщиной, и мое единственное желание — ничем на нее не походить».
5. «Мой отец презирует меня (вариант — моего отца вечно нет дома) — видно, я виновата».
6. «Мой отец любит меня, но как сына».

Похожие фантазии можно найти в анализе многих гетеросексуальных женщин, но их разрешение в болезненном образе Собственного Я приняло иное направление.

Давайте не забывать, что обобщения относительно сексуальной идентичности или особых сексуальных практик нельзя делать единственно на основе тех людей, которые обращаются за психотерапевтической помощью в связи с их *психологическими* проблемами (идут ли эти проблемы из сексуальной или иной стороны их жизни). Психоаналитические пациенты представляют собой относительно малую часть населения и не выбираются нами, а сами демонстрируют большее психологическое страдание, связанное с их сексуальной ориентацией, в отличие от многих других гомосексуальных женщин и мужчин, которые не чувствуют потребности в психотерапии или, возможно, отрицают свою душевную боль. Поэтому я хочу подчеркнуть, что основываю свои наблюдения и выводы только на своей работе с лесбиянками, обратившимися к психоанализу по поводу психического страдания.

Тридцать лет назад я написала статью «Гомосексуальность у женщин» (МакДугалл, 1964), основанную на чрезвычайно малом числе пациенток. Мой опыт аналитика тогда мирился с фактом, что мое понимание динамики лесбийских любовных отношений основывалось на очень скудном числе клинических случаев. Эта недостаточность данных привела меня к ряду формулировок, хотя и уместных по отношению к обсуждаемым случаям, но менее приложимых к другим пациенткам лесбиянкам, с которыми я работала в последующие годы, после первых исследований в данной области. Поэтому я не хочу, чтобы создавалось впечатление, что мои сегодняшние открытия — носят всеобщий характер и применимы ко всем гомосексуальным женщинам.

Женский транссексуализм *

Американский психиатр Гарри Бенджамин (1953) был первым автором, который ясно определил транссексуализм и дифференцировал его от сексуальных перверсий и психозов. Другие авторы также подчеркивают, что транссексуалы недвусмысленно отличаются и от тех, кто

* Я в долгу у Паоло Секарелли за позволение использовать материал его исследований по женской транссексуальности (Секарелли, 1994).

определяет себя как гомосексуала. Однако некоторые исследователи-аналитики (Лиментани, 1989; Столлер, 1975) считают, что женщины, желающие «изменения пола», демонстрируют особую форму женской гомосексуальности.

Главная причина страданий транссексуалов обоих полов протекает из глубокой убежденности в противоположности анатомического пола и психологического рода (гендера). Другими словами, транссексуалы воспринимают свою сексуальную идентичность, как тотально расходящуюся с их половыми органами. Это всепроникающее ощущение расхождения, биологической дисгармонии, часто сопровождается впечатлением, что они изуродованы, изувечены, даже чудовищны. Следует подчеркнуть, что транссексуалы не страдают иллюзиями по поводу их анатомического пола; он ими признается, но *воспринимается как уродство*. А в общем, транссексуалов нельзя отнести к психотикам.

Здесь уместно вспомнить о разграничении, введенном Овис и Персоном (1973, 1974). Эти авторы отличают первичный транссексуализм от вторичного так же, как Бурх разграничивает лесбиянок. Первичные транссексуалы всегда осознавали чувство своей как бы аномальности и мечтали о хирургическом решении проблемы, обычно начиная с позднего подросткового возраста. Вторичные транссексуалы ищут этого решения позднее, иногда после сорока лет и более.

Требование «смены пола» поднимает радикальный вопрос о процессах идентификации, участвующих в приобретении чувства сексуально-половой идентичности. Центральная проблема здесь — воздействие бессознательного обоих родителей при создании у ребенка чувства дискомфорта относительно его (ее) рода. Столлер (1975) наблюдал, как матери транссексуалов последовательно предъявляют депрессивную опустошенность, как бы отсутствие любых желаний. Он выдвинул гипотезу, что в случае мужской транссексуальности эта «транссексуальная судьба» складывается в младенчестве, возможно, на первом году жизни, и что тенденция вести себя, как девочка, часто проявляется до трех лет. Однако, наблюдения Столлера над девочками привели его к утверждению, что желание и присвоение мужской родовой идентичности происходит, видимо, между третьим и четвертым годом жизни. В этих случаях мать представляется неспособной наделить ценностью женственность маленькой девочки, а иногда девочкой занимался только отец. Более типично то, что отец представляется равно незаинтересованным

в женственности девочки и даже поощряет мужские и мужественные качества и виды деятельности. По Столлеру, дочь, получающая такую искаженную поддержку, в конце концов принимает на себя роль «мужа» матери. Такой же роли она потом ищет в последующих гомосексуальных отношениях, где она хочет, чтобы партнерша признавала ее не за женщину, а за мужчину.

Эта динамика снова напоминает мне мою пациентку Софи, родившуюся после смерти мальчиков-близнецов. Ее лесбийские подруги иногда говорили ей, что она «не настоящая лесбиянка». Одна любовница прямо спросила ее, не смущает ли ее своя лейсбийская идентичность; другая сказала: «Ты по сути транссексуалка, а не лесбиянка». Эти замечания заставили Софи задуматься, хотя она признавала и иногда ей даже казалось, что у нее есть «призрачная часть тела» там, где должен был быть ее пенис. Ее родители, видимо, поддерживали впечатление, что Софи обладает скорее мужской, чем женской идентичностью. Она вскоре припомнила, как ее отец говорил, уезжая в командировки: «Ты следи за матерью, пока меня нет. Помни, ты теперь в доме хозяин». Один раз Софи захотелось обсудить свои гомосексуальные отношения с матерью, чтобы объяснить ей, почему она так несчастна в своей любовной жизни. Ее главное желание, сказала она матери, играть роль мужа для своих любовниц. Но они не ценят ее порыва, и она жалеет, что не родилась мальчиком. Мать ответила: «Знаешь, я слышала, что люди делают для этого операцию. Почему бы тебе не разузнать, как «кое-что» приделывают?»

Пациентки, подобные Софи, подтверждают тезис Секарелли (1989), что транссексуальный выбор делается, в определенном смысле, родителями, часто до рождения ребенка. Секарелли (1994) утверждает:

«Если [будущий транссексуал] появился на свет ради завершения процесса разочарования, реального или воображаемого, ради заполнения пустоты, «исцеления» раны, нанесенной родителям в предыстории ребенка, возможно, что транссексуальный «выбор» заявит о себе, перед лицом угрозы личной и сексуальной идентичности, как единственный способ избежать катастрофического решения ... и тем самым уйти от опасности психоза».

Лиментани (1989) подчеркивает всепоглощающую тревогу, связанную с отделением (сепарационную тревогу) и индивидуацией у тех, чья судьба во взрослой жизни — транссексуализм. Он добавляет, что потреб-

ность быть отдельной личностью может возобладать над желанием сохранить телесное Собственное Я. Он отмечает даже более серьезные нарушения у девочек, чья мать не выносит своего собственного женского тела. Дочь, таким образом, не может идентифицироваться со своей матерью, как с женщиной, и приходит к выводу, что она — мальчик в теле девочки. Позднее она будет добиваться «смены пола», с надеждой, что мать признает ее стоящим человеком. Лиментани задается вопросом, является ли необходимым элементом постулированная идентификация с отцом? И подчеркивает роль отсутствия отца (и в реальном, и в символическом смысле).

Секарелли, напротив, наблюдал, что отец часто играет важнейшую роль в детстве женщины, которая впоследствии хочет отнесения к другому полу. Он описывает случай «Марка», которая, сколько она может вспомнить, чувствовала себя неловко в своем женском теле и всегда считала девочек «противоположным полом». Мальчики ее возраста принимали ее, как мальчика; они вместе играли в футбол и занимались другими «мужскими» делами, требующими физической силы. Ее отец был ее постоянным «приятелем» и относился к ней, как к сыну, с самого раннего детства. Мать не делала ничего, что остановило бы ее мужа и дочь в создании мужской идентичности у дочери.

Секарелли (1994) подчеркивает, что центральной идеей исследования истоков транссексуального желания было определение того, как именно мать вкладывает свое либидо в гениталии ребенка, начиная с рождения. Относительно девочки он утверждает, что

«...ее желание приобрести пенис не имеет отношения к зависти к пенису, концептуализированной Фрейдом, но соотносится с тем фактом, что этого требуют, по ее ощущению, ее родители или один из них. Таким образом, приобретение пениса, поскольку он символизирует мужественность, придаст ей телесную внешность, соответствующую ее глубокому убеждению в своей мужской сексуальной идентичности».

Сексуальные отклонения у женщин

Ценность наследства, полученного от Фрейда в области женской сексуальности и ее отношения к сексуальным перверсиям, может быть оспорена по ряду причин. Первый очевидный фактор — его фаллоцентризм: его рассуждения были основаны всецело на мужской точке зрения,

в которой он делал излишнее ударение на зависти к пенису. Вдобавок то, что он идеализировал материнство (в соответствии с общественным дискурсом своего времени), сыграло негативную роль в исследовании перверсного материнства. Матери не то что во всем хороши, они даже не всегда «достаточно хороши»; и это вызов психоанализу — понять, что лежит за поведением матерей, которые оскорбляют детей физически или сексуально. Почти всегда образец этого поведения восходит по меньшей мере к трем поколениям. Природу отношения матери к ребенку, которому уготовано перверсное обращение, часто можно проследить до факторов, породивших травматические события детства самих родителей; факторов, часто влияющих на то место, которое (как ожидается даже до его или ее рождения) займет ребенок, и на его или ее судьбу. Иногда родители неявно навязывают требование, чтобы ребенок «заплатил» за все, что они выстрадали, или воплотил определенные родительские аспекты, за которые они сами не принимают на себя ответственности. (Это могут быть как позитивные, так и негативные качества и атрибуты.)

Большая новаторская работа по вопросу перверсного материнства была начата Эстелой Уэлдон, психиатром и аналитиком Портмановской Клиники в Лондоне, работавшей с женщинами, имеющими сексуальные проблемы (Уэлдон, 1989). Очевидно, что мать занимает уникальное место в жизни выкармливаемых ею детей, и потому у нее уникальная власть над ними. Уэлдон указывает, что злоупотребление этой властью может проявляться через побои и инцест. Словесные оскорбления, часто приносящие больше вреда, чем физические, — еще одно злоупотребление материнской властью. Точно так же, ложная или пугающая информация о принадлежности к женскому/мужскому роду и о сексуальных реалиях может иметь столь же разрушительные последствия, как инцест для сексуальной идентичности и родовой роли.

Одна из концептуальных трудностей в обсуждении и исследовании перверсного поведения женщин проистекает из того факта, что со времен Фрейда перверсию почти что идентифицировали с мужской сексуальностью и пенисом. Конструкция перверсий понимается как защита от страха кастрации и конфликтов мужского Эдипова комплекса. Следовательно, в литературе предполагается, что у женщин не бывает сексуальных отклонений (Уэлдон, 1989). Фрейд верил, что Эдипов комплекс у девочки разрешается, как только она принимает тот факт, что от отца она может получить ребенка вместо пениса. Такой взгляд подразуме-

вает, что у женщин нет нужды в сотворении сексуальных извращений — они могут просто иметь детей!

В контрасте с формулировкой Фрейда можно выдвинуть гипотезу, что женский страх кастрации более силен и более обширен, чем мужские страхи, поскольку женские страхи относятся ко всему телу, особенно сильно сосредоточиваясь на «внутреннем пространстве», где испытываются генитальные ощущения. У обоих полов существует выраженная тревога в фазе эдипальных генитальных желаний и фантазий, но помимо этого мы находим глубокое отсутствие чувства безопасности, связанное с личной идентичностью. Это чувство всегда сопровождается гневом и насилием, которые также должны быть вменены в рамки сексуальной изобретательности. Столлер (1976) определил перверсии как «эротическую форму ненависти». У обоих полов изначальные объекты ненависти (или частичные объекты) относительно бессознательны. Уэлдон (1989) утверждает, что у мужчин перверсный акт направлен на внешний частичный объект, тогда как у женщин он обычно совершается «против собственного тела или объектов, которые они рассматривают, как свое собственное творение — своих детей. В обоих случаях, дети и тело трактуются, как частичные объекты».

Некоторые девочки, у которых впоследствии развились отклоняющиеся формы полового акта и сексуальных отношений (такие, как эксгибиционизм или садомазохизм), часто чувствовали себя нежеланными, чувствовали, что мать не обращает на них внимания или, напротив, душит их. Другие воспринимали себя как частичный объект, который принадлежит матери, и поэтому она обращается с ним, как со своим нарциссическим продолжением. Каждый из этих сценариев порождает яростную ненависть. Иногда эти женщины из жертвы становятся хищниками, ищущими свои жертвы, и в этих случаях «другой» (ребенок или любовник) трактуется как частичный объект. Это поведение часто служит маниакальным экраном против бессознательного страха потери матери и, следовательно, полной потери всякого чувства идентичности.

Эротизация может быть использована как защита против детских переживаний, вызвавших потрясение. За многими формами компульсивной и отклоняющейся сексуальной практики мы обнаруживаем общую тему: детская травма становится терпимой, если превратить ее в эротическую игру. В своей книге «Боль и страсть» (1991) Столлер

исследовал причины, по которым некоторые люди связывают боль или унижение с неистовым эротическим желанием. После углубленных исследований в частных клубах «S & M» и «B & D»², он открыл, что многие из участников (например те, кто использует как форму сексуального удовлетворения нанесение болезненных уколов другим и себе) были в раннем детстве госпитализированы для лечения и вынуждены были перенести сильную боль. Возможно, что способность трансформировать боль в источник сексуального экстаза послужила предотвращению более психотичного исхода.

Но для распространения концепции отклоняющейся женской сексуальности на отклонения от нормы телесных функций, как это делает Каплан в своей книге «Женские перверсии» (1989), нужны доказательства. Как пример «перверсии» она приводит анорексию и булимию, а также включает сюда самоповреждение и клептоманию. Однако я считаю, что такое расширение делает вопрос еще более неопределенным. Я предпочитаю ограничить значение термина «перверсия» сексуальным поведением как таковым, как и делал Фрейд. Признавая существование несексуальных влечений (инстинкт самосохранения), Фрейд не считал, например, алкоголизм извращенной (перверсной) потребностью в питье, или анорексию и булимию извращением (перверсией) пищевого инстинкта. Самое большее, что можно утверждать, что ранняя либидинизация этих функций самосохранения играет роль в их последующем искажении.

Отклоняющиеся формы мастурбации

В ходе своего анализа многие женщины вспоминают то, что можно считать отклоняющимися формами мастурбации — а именно, такие формы, где использование руки кажется запретным и заменяется использованием причиняющих боль объектов, вставляемых во влагалище или в анус. Анализантки часто объясняют, почему рука была запретной: она или ассоциировалась с жестоким наказанием за мастурбацию, или руки девочки были связаны так, что она не могла дотянуться до гениталий

² Садомазохистские клубы и клубы «Свяжи и воспитай», с более мягкой, но тоже садомазохистской практикой.— *Прим. перев.*

и вынуждена была открыть другие средства создания эротической стимуляции. Другие, как Кейт и Луиза (см. Главу 7), чувствовали себя вынужденными использовать мочеиспускание или испражнение, чтобы достичь оргазма.

Как и при исследовании конструкции женской и мужской родовой идентичности, аналитическое исследование этих догенитальных и архаичных форм сексуального возбуждения многое позволяет нам узнать о бессознательных фантазиях анализанток, страдающих от серьезных сексуальных затруднений, но не изобретших отклоняющихся мастурбационных действий. Чаще всего, у этих пациенток есть проблемы в достижении сексуального удовлетворения именно потому, что их эротические сценарии такого рода были вытеснены. Только в ходе аналитического путешествия они открывают, до какой степени сопротивляются таким эротическим мечтам в отношениях со своими партнерами.

*Клинический пример:
эксгибиционистка*

Доктор С., чьей официальной должностью была защита прав женщин, спросила, не может ли она обсудить со мной особую проблему, возникшую в ходе ее работы. Среди прочих задач она должна была иметь дело с сексуальными домогательствами в образовательных учреждениях, на промышленных и коммерческих предприятиях, использующих труд женщин. В газетах стали появляться заметки о ее лекциях для руководящего состава в тех местах, где был зарегистрирован ряд подобных жалоб. Однажды ей позвонила Мать-настоятельница женского монастыря, спрашивая, не может ли она получить совет, потому что считает, что они стали объектом сексуальных домогательств. Каждый вторник, объяснила Мать-настоятельница, трое монахинь водят группу девочек в бассейн. Каждый раз, когда они останавливаются на перекрестке (а маршрут учительниц и девочек известен), там появляется мужчина, распахивает свой длинный черный плащ (а больше на нем ничего не надето, кроме резиновых тапочек) и «светит» своими гениталиями перед строем детей.

Доктор С. позвонила в полицию об этом опасном эксгибиционисте. Там ей велели передать монахиням, чтобы они позвонили ей, когда он вновь появится, а для нее установили горячую связь с бригадой захвата.

В следующий вторник сигнал бедствия был немедленно передан бригаде захвата, появившейся на сцене через четыре минуты. Эксгибициониста схватили за шиворот. Ко всеобщему удивлению, это была женщина! Монахини и девочки явно *не заметили*, что у того, кто «светил», не было пениса, а были груди! *

Последовала дискуссия: следует ли арестовать эту женщину за нарушение закона, или отправить на психиатрическую экспертизу, где определят, не психоз ли у нее? Когда Доктор С. консультировалась со мной в Париже по поводу этого необычного случая, я была еще более удивлена тем, что ответственность за эксгибиционизм ставится под сомнение. Было совершенно явно, что специалисты, у которых они уже проконсультировались, придерживались классического фрейдистского взгляда: для того чтобы позволить себе сексуальное извращение, нужно иметь пенис. (Возможно, аргументом служило убеждение, что женщине нечего показывать, или что надо быть совсем сумасшедшей, чтобы публично показать, что у тебя нет пениса!)

Я обсудила вопрос женского эксгибиционизма с моим добрым другом и коллегой, доктором Эстеллой Уэлдон. Она согласилась, что таково общее убеждение — нет такой вещи, как женский эксгибиционизм, хотя у нее консультировалось немало страдающих им женщин, которых беспокоила эта компульсивная потребность. Она добавила важное наблюдение, что, по ее опыту, они, как и мужчины-эксгибиционисты, почти всегда выставляются перед *женщинами*, но в особенности, перед теми, кто представляется им воплощением авторитета. Доктор Уэлдон согласилась с моим предположением, что эксгибиционистки ожидают встретить в них фигуру матери, которая обратит внимание на дочь, признает ее биологический пол и авторитетно прикажет ей одеться и идти домой.

С тех пор мне не раз рассказывали о других случаях эксгибиционизма женщин — как следующих тому же образцу, так и предпочитающих выставляться перед мужчинами, а не перед женщинами. И очевидно, мы не должны по одному случаю или симптому проводить обобщения по поводу всей структуры нарушения. Вероятно, существует много вариантов женского и мужского эксгибиционизма, как и других кате-

* Этот пример иллюстрирует важность принципа восприятия: мы можем наблюдать только то, что укладывается в рамки наших теорий. В результате мы видим то, что ожидаем увидеть! Если взгляд встречает то, что с теориями не согласуется, психическая реальность обычно побеждает внешнюю.

горий сексуальных отклонений. Как всегда, самая выдающаяся черта здесь — уникальность качеств внутреннего мира каждого индивида, его или ее психического театра.

Пары с общим отклонением

По моим наблюдениям, проходившие анализ женщины вовлекались в сексуальные практики, где доминировали догенитальные, фетишистские или садомазохистские действия, по настоянию своих любовников или мужей. Хотя каждая женщина жаловалась на это, в большинстве случаев мы смогли воссоздать инфантильное прошлое женщины таким образом, что становилось понятно, почему они выбрали именно таких мужчин, и как они получали тайное удовольствие от своих сексуальных ритуалов.

Два клинических примера иллюстрируют эту форму эротического самовыражения. В обоих случаях муж был в анализе у коллеги, и мы, к счастью, могли обсуждать нашу совместную аналитическую работу в аналитической группе. Мари-Мадлен послал ко мне collega, у которого лечился ее муж. Во втором случае, Кейт и ее муж независимо получили рекомендации от психиатра в их родном городе.

Клинический пример: уринарный секс

Мари-Мадлен пришла в анализ из-за болезненных социальных фобий: на коктейле или обеде она не могла выдать ни слова, иногда часами. Кроме того, она жаловалась, что ее муж говорит непрерывно, стоит им куда-нибудь выйти; она приписывала это тому, что он очень много пьет. В это время у них был уже двухлетний сын, и они вдвоем жили в комнате для прислуги, потому что алкоголизм мужа сильно снизил его возможности зарабатывать деньги. Мари-Мадлен заявила, что ее муж пьет, чтобы заглушить вечный страх перед сердечным приступом. (Она сама, напротив, отказывалась прибегнуть к алкоголю для снятия своей фобийной тревоги.) Несмотря на беспорядочность в работе, ее мужа все же оценивали как многообещающего и даже замечательного специалиста в выбранной им профессии.

Не ранее, чем мы проработали вместе год, по четыре раза в неделю, моя пациентка с трепетом заговорила о своих сексуальных отношениях

с мужем. Она сказала, что он находит эротически возбуждающим единственный вид секса — он заставляет ее писать на него. Она заявила, что ненавидит это; не только потому, что это чрезвычайно ее тревожит, «но особенно ужасно, когда он настаивает, чтобы мы это делали во время отпуска, в гостинице». То, что они при этом нарушают закон, как уверял ее муж, только увеличивает его возбуждение. Вскоре после рождения ребенка Мари-Мадлен решила больше не соглашаться на требования мужа.

Мои попытки понять природу *ее* участия в этой догенитальной форме занятий любовью вызвали у Мари-Мадлен одно детское воспоминание. Она жила в деревне, и ее часто оставляли на няньку. Один раз, когда ей было три-четыре года, три ее приятеля по играм уговорили ее снять штанишки и взобраться на дерево, чтобы они могли разглядеть ее половые органы. Она с готовностью все это проделала. Когда она уже сидела на дереве, мальчики попросили: «Пожалуйста, покажи, как ты писаешь». Она вспомнила, как ей приятно было, что у нее есть нечто важное, что она может показать мальчикам и что их возбуждает, и она принялась мочиться. И тут в сад нагрянула няня и сердито приказала Мари-Мадлен слезть с дерева и надеть штанишки. Потом ее здорово отшлепали. Но самой унижительной частью эпизода был гнев шокированных родителей и их неодобрение ее «плохого» поведения.

Хотя многие мальчики бегали за Мари-Мадлен, когда она стала взрослой, она отказывалась вступать в сексуальный контакт, пока в двадцать лет не встретила своего мужа. Он казался ей таким умным и увлекательным, таким непохожим на других и свободным в своих эротических проявлениях. В первый раз в жизни она влюбилась и страстно желала мужчину. Так, все еще девственной, она вышла замуж за г-на Б. Она жаловалась, что «игра с мочой» началась сразу, и хотя несколько лет она уступала требованиям, она чувствовала себя виноватой за свой недавний отказ, потому что это отклонение «так возбуждало и было так важно» для ее мужа. Не раньше, чем воскресло забытое воспоминание о ее унижении в трехлетнем возрасте, обрели смысл ее чувства по поводу требований мужа.

Нездолго до этого аналитик г-на Б. рассказал мне о своем пациенте. Его озадачивала перверсия пациента, и он поинтересовался, упоминала ли о ней когда-либо его жена. Он сказал: «Последние года два он платил проституткам большие деньги, чтобы они мочились на него, пока он

мастурбирует их». Хотя это наносило семье денежный ущерб, аналитик считал, что со стороны жены на это должно было быть сознательное или бессознательное согласие. Он добавил, что г-н Б. настойчиво искал этой отклоняющейся сексуальной практики, как только ему удавалось преодолеть свою фобийную тревогу, возникающую на улице. Его фобии имели различные формы, среди которых был и страх перед внезапным сердечным приступом. Добираясь на работу, он мог вести машину только по улицам, где работали известные врачи-кардиологи. Неожиданно перед нами четко обрисовалась «уринарная пара».

*Клинический пример:
фекальная дополнительность*

Второй случай бессознательной эротической дополнительности был представлен моему вниманию пациенткой, которую я назову г-жой О. Я приводила отрывки из ее анализа в предыдущих работах, но не упоминала особую перверсную форму ее мастурбации. Чтобы достичь оргазма, она должна была мочиться себе на руки. Г-н О. тоже находился в анализе, и в нашей маленькой учебной группе аналитик г-на О. и я могли кратко обсудить их. Кейт лишилась матери, когда ей не было и трех лет, и ее воспитанием занимался отец. Она вспоминала, что он отводил ее в школу, а днем забирал. Все ее детство он был особенно строг в приучении в горшку, и маленькая Кейт должна была «по всей правде отвечать», был или нет у нее стул, и когда. Если она признавалась, что стула не было, или не могла точно вспомнить, он ставил девочке клизму. Видимо, эти инцестуозные догенитальные отношения вызывали запор, потому что Кейт помнит, что редко выпадал день, когда обходилось без клизмы. Во всяком случае, это ежедневное лечение продолжалось до одиннадцати лет, когда ее отец вновь женился. Новая жена настояла на прекращении подобной практики.

Кейт рассказала и о другой ежедневной практике из своей взрослой жизни, как представляется, близкой к извращенной сексуальной активности. Постоянно озабоченная возможностью заболевания раком кишечника, она регулярно исследовала пальцем свои фекалии, нет ли в них крови. Она также призналась, что несмотря на полученные от врачей заверения в том, что рака у нее нет, она все еще чувствовала потребность играть со своими испражнениями. Мы смогли связать ее детское возбуждение от ежедневных клизм, которые ставил ей отец, со страхом перед

раком кишечника в качестве возможного наказания за обращенные к нему запретные сексуальные желания. Она также много жаловалась на потребность ее мужа в половом акте, заявляя, что «всем известно, только мужчинам нравится секс».

Около двух лет спустя г-н О. стал рассказывать своему аналитику свои сексуальные секреты. Он по-настоящему возбуждался, только ставя себе клизму с кипятком, при этом мастурбируя и воображая, что ставит клизму женщине. Истоки этого фетишистского акта отчасти прослеживались до воспоминаний господина О. Он слышал, как мать каждую неделю ставит себе клизму, и воображал, как это может ее возбуждать. Ни жена, ни муж не подозревали, как точно их бессознательные фантазии свели их вместе. В случае Кейт, как и Мари-Мадлен, казалось, что это мужчины выбрали женщин, которым предназначено судьбой *сопротивляться* сексуальным требованиям мужей. Между тем, сами женщины выбрали мужчин, чьи перверсии, о которых им ничего не было известно на уровне сознания, прямо были связаны с догенитальным возбуждением в их собственном детстве.

Часть II

СЕКСУАЛЬНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО

Глава 4

Сексуальность и творческий процесс

Спонтанный жест — это Истинное Я в действии. Только Истинное Я может быть творческим и только Истинное Я может ощущать реальность... Истинное Я произрастает из живой жизни тканей тела и работы телесных функций, включая сердцебиение и дыхание... из совокупности сенсомоторной жизни.

Д. В. Винникотт

Тайны творческого духа очаровывали психоаналитиков с самого начала психоаналитических раздумий. В 1908 году Фрейд в своем эссе «Художник и фантазирование» поставил два основных вопроса: «Из каких источников это странное существо (Художник) черпает свой материал?» и «Как ему удастся вызвать в нас чувства, на которые мы, возможно, никогда не считали себя способными?»

Пытаясь ответить на свой первый вопрос, Фрейд утверждает, что дети в игре ведут себя, как Художники в том, что они создают свой собственный мир. Он отмечает, что дети «воспринимают ... игру очень серьезно и вкладывают в нее много чувства». Однако, в том же очерке Фрейд говорит, что «по мере взросления люди перестают играть», и что «от взрослого ожидают, что он больше не будет продолжать играть или фантазировать, и он это знает». Это несколько критичное отношение к фантазии или игре у взрослых проявляется во всех работах Фрейда, словно фантазирование (и даже удовольствие от созерцания произведений искусства) было для него предосудительным занятием. Далее в своей работе Фрейд заявляет: «Мы можем утверждать, что счастливый человек никогда не фантазирует, — только неудовлетворенный».

Если следовать логике Фрейда, «неудовлетворенность» и «несчастье» — это участь не только Художника, но и любого, кто привносит в свою жизнь творческие элементы, чтобы сделать ее более похожей на приключение.

Для более оптимистичного взгляда на фантазию, игру и творчество аналитическому миру пришлось дожидаться Д. В. Винникотта. Он начал свое исследование в этой области человеческого опыта с постулирования «первичного творчества», как он назвал переживание младенцем первого легкого подозрения о потере заботящегося объекта, то есть осознания, хотя и мимолетного, что он и источник его жизни не едины. Тогда ребенок ищет, путем галлюцинаций, *воссоздания* утраченного слияния с материнской вселенной.

Обозначенное Винникоттом «промежуточное пространство переживания» (потенциальное пространство, в котором соединяются внутренняя реальность и внешняя среда) является базисным понятием, облегчающим более глубокое исследование тайн творческого процесса. Как это выразил Винникотт: «Субъект [промежуточного пространства] расширяется в игре, художественном творчестве и понимании, в религиозном чувстве и фантазировании»..

В главе «Теоретические основы игры» (1971), Винникотт пишет, что все, сказанное о детской игре, приложимо и ко взрослым,— утверждение, сходное с фрейдовским (1908), но с более позитивным уклоном. Среди многих составляющих творческого процесса следует отметить то, что творческая личность (в любой сфере) также *играет*.

Мифы и факты творческой жизни

В течение многих лет я пыталась уловить роль «игры» среди многих таинственных истоков разного рода изобретательности у моих анализантов: в литературных произведениях, живописи, скульптуре, музыке, искусстве перевоплощения, научном или интеллектуальном творчестве, также как и в творчестве в мире политики, бизнеса или техники.

Хотя благодаря и Фрейду, и Винникотту мы хорошо знаем теперь, что творчество включает в себя игру, это не означает, что творческая активность — беспечна. Напротив, любое творчество или новаторство неизменно ассоциируется со значительным насилием и часто вызывает сильные мучения и вину. Соппротивление продолжению работы является общим переживанием Художника, а мои анализанты показали мне, что часто это сопротивление особенно остро ими переживается, когда их вдохновило видение древности, изобретение или рвущаяся к выражению идея.

До Мелани Кляйн (1957) не предполагалось, что творчество происходит из напряженных отношений ребенка с матерью. Это она пролила новый свет на внутренний мир творческой личности и запреты, к которым может привести конфликт ее эмоций. Возможно, более четко, чем другие психоаналитики, она выделила объем чувств насилия в первичном слое человеческой психики. Хотя она склонна была приписать блокирование творческой деятельности недостатку интеграции инфантильной деструктивности по отношению к груди-вселенной, я заинтересовалась этими наблюдениями благодаря открывающейся перспективе, а размышления привели меня к заключению, что *насилие является неотъемлемым элементом* любого творческого произведения. Помимо силы и власти творческого порыва самого по себе, новаторы обязательно проявляют насилие, в той мере, в какой они своей властью навязывают внешнему миру свои мысли, образы, сны или кошмары.

Неудивительно, что некоторая доля тревоги и психического конфликта так часто сопровождает акт творчества. Когда продуктивность творческого человека подвергается опасности, а то и полностью останавливается, он склонен прибегать к психоаналитической помощи. Так что аналитики легко получают от работы с пациентами инсайт и о том, что способствует творческой активности, и о том, что стоит за внезапной неспособностью творить. Но я бы подчеркнула, что психоанализ не предъявляет прав на ключ к творческой активности; напротив, мы надеемся, что творческие личности, через свои вдохновенные творения, предоставят нам ключи к открытию тайн человеческой природы. Здесь я бы хотела развеять расхожий миф о творческой личности, как о голодающем артисте или писателе, скорее всего, эмоционально неуравновешенном и/или сексуально извращенном. В этом отношении жизнь знаменитых творческих людей и их психологическая структура так же чрезвычайно различны, как и жизнь среднего банкира, мясника, водопроводчика или политика. Многие из них вели достаточно обычное буржуазное существование. Многие были нежными родителями. Некоторые совмещали свою активную творческую жизнь с успешной деятельностью в других сферах: Рубенс был известным послом, Матисс начинал свою профессиональную жизнь как адвокат; Чехов был врачом; Клодель — дипломатом; Мусоргский был военным, дослужившимся до чина лейтенанта, и так далее.

Конечно, творческие личности также явно демонстрировали психотическое, перверсное или психопатическое поведение, но, наверное,

часть личности, позволявшая им творить и побуждавшая их продолжать творить, была здоровой!

Также важно отметить, что большинство творческих людей, в какой бы то ни было сфере, удивительно продуктивны. У музыкантов последующих поколений заняло много лет составление каталога произведений Моцарта; Рубенс написал тысячи картин; Тулуз-Лотрек в возрасте 16 лет закончил 50 картин и 300 рисунков; произведения Ван Гога, даже в годы, когда он был очень болен, могли бы составить маленький музей; Эврипид написал 92 пьесы; Доницетти сочинил 63 оперы; Томас Эдисон запатентовал около тысячи изобретений. Здесь уместно процитировать высказывание, часто приписываемое Пикассо, что «самая главная работа — это работа, еще не сделанная».

Мы должны рассматривать внутреннюю вселенную творческой личности, как нечто, подобное вулкану. В глубинах вулкан скрывает постоянный жар и кипящую энергию, выбрасывая искры, камни и пламя, когда подойдет время. Однако, если заткнуть его, вскоре последует взрыв. Одна из граней этого неослабевающего побуждения во внутреннем мире творца рассматривалась в работе Кавалер-Адлер «Вынужденные творить» (1993), посвященной знаменитым писательницам.

Одна моя коллега, выдающаяся парижская художница, суммируя то, что она узнала о творческом порыве из своего собственного анализа, написала для психоаналитического журнала следующее:

Глубокие первобытные побуждения, которые поднимаются во мне, могут стать достаточно сильными, чтобы вызвать дискомфорт; постоянно нарастающее напряжение должно быть вынесено во внешний мир, чтобы восстановить некоторое внутреннее чувство гармонии. Это творчество, но «зажигают» его деструктивные чувства. Когда я не могу писать, я становлюсь мишенью своей собственной яростной агрессии.

Я так хорошо понимаю фрустрацию моего дорогого друга А., который говорит, что ненавидит свои полотна, потому что «они никогда не воспроизводят то, что существует в его душе». Или вот Б., который периодически уничтожает все полотна, которые еще есть в его студии. Не это ли Фрейд назвал «инстинктом смерти»? (Канерт, 1992).

Возможно, что стремление к саморазрушению всегда присутствует в любом творческом процессе и даже становится частью движения, объединяющего распадение на части и структуру. Я постепенно приняла этот факт — мой опыт работы с творческими анализантами и нова-

торами за последние почти 30 лет привел меня к этому. Чувства депрессии, ненависти к себе, гнева и фрустрации так часто разрушают продвигающуюся работу.

Эротические источники творческого акта

Клинические наблюдения создали у меня полное впечатление того, что творчество проистекает из эrogenного тела; на его развитие влияет то, как лица, заботящиеся о ребенке, представляют себе его влечения и структурируют его соматические функции. Пытаясь исследовать сложные связи между творцом, созданным произведением и публикацией, я установила четыре основных фактора, которые, как я думаю, формируют часть предпосылок любой творческой мысли или акта. Каждый из этих факторов тесно связан с телом и его либидинозными влечениями, как в их объектно-связанных, так и в нарциссических ориентациях. Эти сильно загруженные либидинозно репрезентации вызывают множество фантазий об образе тела и его соматическом функционировании; все они являются постоянным источником творческого вдохновения — и его торможения.

Два из этих важных измерений имеют отношение к взаимодействию творца во внешнем мире:

- 1) с самим *средством выражения* и
- 2) с *воображаемой публикой*, для которой предназначается творческая продукция.

Два других расположены в психическом мире творческой личности в форме

- 3) роли, которую играют *прегенитальные сексуальные влечения* в его или ее психической экономии (включая оральные, анальные и фаллические импульсы), и

- 4) интеграции (или ее отсутствия) детских бисексуальных желаний в психической структуре творца.

Работа с творческими анализантами и новаторами показала мне, что бессознательные отзвуки любого из вышеперечисленных четырех факторов могут вызвать эмоциональное переживание вседозволенности в форме *нарушения запрета*. Такая фантазия способствует возникновению психической боли и психического конфликта, которые, в свою

очередь, тормозят продуктивность. Иногда творческая продуктивность сохраняется, но ужасной для творца ценой панической тревоги, глубокой депрессии, психосоматических проявлений или других форм декомпенсации. Творческие личности часто имеют дело с отдельными частями самих себя, и в то же время страстно ищут смысл индивидуальности и цельности через свои творения или изобретения.

Внешний мир

1. *Средство выражения.* Лежащая в основе каждой творческой личности борьба с его или ее избранным средством творческого выражения — это всегда фантазия о слиянии (или *неразличимости*) с самим средством. Это переживание может вызвать противоречивые чувства в ходе анализа: творец желает ласкать свое средство выражения *и в то же время* нападать на него, пытаясь овладеть им. Это ясно видно в сфере живописи и скульптуры, где художники часто уничтожают часть произведения, которое они пытаются создать. Музыканты постоянно жалуются, что они любят и ненавидят свою музыку, так же, как и свои инструменты. Творческие люди в сфере промышленности и научных исследований тоже выказывают характерную амбивалентность по отношению к своим инструментам, компьютерам и станкам.

Мне вспомнился один талантливый промышленник, который благодаря своим нововведениям добился мировой известности, для того лишь, чтобы разрушить созданную им империю, в то время как его финансовый успех превосходил успех всех членов его семьи за несколько поколений. В этот момент он и решил обратиться к анализу. Такая амбивалентность характерна для многих новаторов и самостоятельно добившихся успеха людей, которые часто склонны к тому, чтобы быть «убитыми успехом».

Таким образом, средство выражения — будь оно красками, мрамором, словами, голосом, телом, музыкальным инструментом, социальным или политическим институтом — всегда будет и союзником, и врагом. Средство творческого выражения должно быть «приручено» так, чтобы творец мог навязать ему свою волю; оно должно переводить внутреннее видение творца, иногда вызывающее трансцендентное чувство единения с ним. В то же время, творец должен объективно относиться к средству выражения и чувствовать себя уверенным в том, что оно имеет силу передавать во внешний мир послание, видение или новую концепцию.

2. *Воображаемое и публика.* Публика, к которой обращено творческое произведение, — это, прежде всего, внутренняя публика, составленная из значимых объектов прошлого, которые могут восприниматься либо как враждебные, либо как поддерживающие. Если какая-либо форма перемирия с этими внутренними объектными психическими представлениями была однажды психически сформирована, тогда творец способен и к внешнему опубликованию созданной работы. Творцы и новаторы постоянно чувствуют, что они должны бороться с внешним миром, чтобы добиться права выражать самые сокровенные порывы своей внутренней вселенной. Отношения творческой личности и анонимной публики — это любовная связь, которая изобилует опасностями и муками для многих. Творец желает разделить с публикой личное внутреннее видение, но сначала хочет увериться в том, что его произведение имеет ценность и будет желанным и принятым публикой, для которой оно предназначается.

Первая сфера исследования аналитика имеет отношение к природе того, что *проецируется* на эту внешнюю публику: видится ли она как приветствующая, благодарная, желающая или принимающая творческое предложение, или, наоборот, как преследующая, критичная, отвергающая? Такие проекции являются общими и решающими факторами в выборе автора — позволить или отвергнуть публикацию произведения.

Внутренний мир

3. *Догенитальная сексуальность.* Либинозное основание любого творческого выражения неизменно пронизано догенитальными влечениями, а также архаичными аспектами сексуальности, в которой эротизм и агрессия, любовь и ненависть неотличимы друг от друга. Хотя оральные, анальные и фаллические влечения вносят свой вклад в творческую продукцию, преимущественное место занимает анальный компонент, с самого начала — как только он становится реальным фактором первых «обменов» между ребенком и внешним миром. Первоначальное «творение», которое ребенок предлагает ухаживающему за ним человеку, это фекальный объект, со всеми эротическими и агрессивными значениями, неизменно связанными с анальной активностью и фекальной фантазией. Таким образом этот бессознательный либинозный источник играет существенную роль для творческой личности в любой сфере. Но вытесненные фантазии влекут за собой, вдобавок, элемент неопределенности,

потому что фекальная продукция всегда ощущается двояко: с одной стороны, это нечто необычайно ценное, подарок, предложенный «другому» (обычно матери) с любовью; с другой стороны, эта продукция воспринимается как оружие, которое может быть использовано для нападения и управления этим другим. Заслуживает внимания и то, что удовольствие от удовлетворения оральных и генитальных импульсов может порождать конфликт, но они едва ли способны к сублимации. Спонтанное выражение анальных импульсов и их фекальная продукция, с другой стороны, подвержены жесткому контролю и потому вынуждают к сублимированному решению. Бессознательная природа анально-эротических и анально-садистских вкладов в акт творчества, таким образом, составляет одну из важных детерминант способности (или неспособности) к творчеству.

4. *Бисексуальные желания детства.* Как уже обсуждалось во Введении, в норме ребенок идентифицируется с обоими родителями и желает для себя привилегий и волшебных сил каждого родителя. Эти атрибуты обычно символизируются половыми органами родителей. В той мере, в какой мужское и женское начало человека хорошо интегрировано и признано им, все мы в потенциале можем творить, так сказать, сублимировать невозможное желание быть представителем обоих полов и создавать детей с обоими родителями. Такое решение позволяет нам создать партеногенетических¹ «детей» в форме творческой продукции.

Тормозящий потенциал фантазий о первичной сцене

Упомянутые выше четыре фактора (борьба творца со средством выражения и со своими проекциями на публику, сила догенитальных влечений и важность психической бисексуальности) можно, фактически, рассматривать, как *четыре варианта первичной сцены*, каждый из которых может стать источником плодовитости или бесплодия. Таким обра-

¹ Партеногенез (биол.) — термин, означающий репродукцию из гамет без оплодотворения в качестве нормального процесса у беспозвоночных и низших растений. Также употребляется в смысле бесполого размножения путем, например, деления клеток или почкования. Именно о партеногенезе говорится в известной песне В. Высоцкого «В далеком созвездии тау-кита»: «Не хотим с мужчинами знаться, а будем теперь почковаться». — *Прим. перев.*

зом, добавок к силе инстинкта, питающей эти четыре ситуации, каждая из них также психически представлена, как запрещенная или чреватая опасностью для Я или анонимного другого. Пожалуй, нет такого творческого акта, который не переживался бы бессознательно как акт насилия и греха: ты отважился играть в одиночку, через тобой избранное средство выражения, чтобы достичь тайных либидинозных, садистских и нарциссических целей; ты отважился показать конечный продукт всему миру; ты, в своей продукции, отважился пользоваться догенитальной сексуальностью, со всей сопутствующей ей амбивалентностью; наконец, ты отважился, в своей бессознательной фантазии, «украсть» детородные органы и силы родителей и с помощью этого наворованного богатства создавать своего собственного творческого «отпрыска».

Этот взгляд будет развиваться в клинических отрывках, для иллюстрации способов, которыми догенитальные и бисексуальные желания могут играть решающую роль как в стимуляции, так и в параличе творческого процесса. Эти бессознательные желания являются важными сферами психоаналитического исследования в случаях творческого торможения.

Догенитальный эротизм

Догенитальная сексуальность вовлекает в себя одновременно все пять чувств и все телесные функции, и из этого черпает свою значимость и богатство. Некоторые чувства, эрогенные зоны и телесные функции часто бессознательно переживаются, как запретный источник наслаждения или как потенциально опасные и насильственные. Например, принятие в свое тело и психику впечатлений, полученных через какое-либо из пяти чувств, само по себе является творческим актом. Художник (в любой сфере) неизменно вдохновлен чем-либо из внешнего мира, и когда эти впечатления, ощущения и мысли психически инкорпорируются, они оплодотворяют внутреннюю психическую реальность творческого сознания. Однако это вечное движение между двумя мирами, внутренним и внешним, может переживаться *и страшить* как оральное поглощение или деструктивный акт.

Я вспоминаю портретиста, который, вопреки странной абстрактной технике, создавшей ему определенную репутацию, обычно успешно достигал сходства. Тем не менее, он постоянно уничтожал портреты,

которые были чрезвычайно значимы для него. В нашей аналитической работе мы пришли к осознанию того, что в мегаломанической и как бы детской манере он брал на себя ответственность за отчасти парализованное лицо матери, которое он, в своих бессознательных фантазиях, атаковал и пожирал ртом и глазами. В сущности, он провел свою жизнь, пытаясь исправить катастрофические повреждения, «нанесенные» его инфантильными оральными проекциями. Его абстрактные портреты были взрывными атаками на видимый мир, и одновременно с этим, возмещением ущерба, так как они восстанавливали удивительное сходство с оригиналом.

Похожая бессознательная драма была обнаружена в ходе анализа пластического хирурга, который говорил, что его мать была необычайно уродлива. В нескольких редких случаях, когда его работа не была безупречной, его самоуничтожение позволило нам раскрыть бессознательные фантазии о том, что это *он* изуродовал свою мать. Любой пациент, напомиравший ему его мать, приводил его в состояние чрезмерной тревоги. К тому же, посредством своего очень оригинального хирургического изобретения, он был способен проводить свои операции с тем же самым насилием, которое он испытывал в своем раннем отношении к матери. «Я режу, чтобы лечить», — заявил он однажды, когда столкнулся с тем, что расценил как незаслуженную критику от других медицинских специалистов. Разбирая эту фразу, мы выяснили, что через резание он удовлетворяет различные догенитальные влечения, одновременно возмещая воображаемое разрушение, автором которого он себя считал. С этих пор он воспринимал критику без страданий.

Аналогично тому, как *прием* ощущений из окружающей среды может быть сразу приятным и пугающим, как оральный деструктивный акт, *отдача* чего-либо из себя во внешний мир может также бессознательно переживаться, как акт дефекации и потому — потенциального унижения. Точно так же, удовольствие и возбуждение, испытываемое в акте демонстрации и передачи публике своей творческой продукции, часто приравнивается к демонстрации собственного тела или публичной мастурбации. В связи с этим вспоминается статья Ханны Сигал «Символические эквиваленты» (1957): в ней она описывает случай музыканта, который агрессивно реагировал на ее попытку проанализировать его полный отказ играть на публике. Он сказал ей, что она подстрекает его «мастурбировать» перед всем миром. Обсуждая случай, Сигал отмечает, что смешение игры на музыкальном инструменте с актом мастурбации

указывает на то, что инструмент не был истинным символом, но, скорее, «символическим эквивалентом», в котором смешались внутренняя и внешняя реальность — механизм, слегка окрашенный в психотические обертоны.

Примитивная сексуальность и проекции творца

Предшествующие размышления подчеркивают, в какой мере творец способен проецировать на анонимную публику образ, где его или ее личность или творение либо радушно принимают, либо отвергают. Хотя враждебные проекции, конечно, являются основным источником творческого торможения, парадоксально, но ошеломляющее наслаждение в момент принятия может также приводить к эпизодам депрессии или глубокого чувства провала. Сложная природа этих проекций имеет большое значение для аналитика.

Клинические наблюдения приводят меня к убеждению, что творческий процесс, так же, как и его блокада, тесно связан с материнским образом, в то время как публика, для которой предназначается творение или действие, часто олицетворяет образ отца. Однако, когда вымышленная публика ощущается как враждебная или осуждающая, могут преобладать сокрушительно критичные материнские образы. Эти различные проекции колеблются по уровню искажения от чисто невротических до откровенно психотических. (Пример последних — тот пациент Сигал, который был неспособен различать внутреннюю и внешнюю реальность.) В приведенном ниже случае скрипачка проецировала на публику как злобный и критичный материнский образ, так и отцовский, тоже наделенный деструктивным потенциалом. Следующие два случая иллюстрируют некоторые замечания о тормозящем воздействии фекальных и уринарных фантазий.

Клиническая иллюстрация: либидинизированная скрипка

Тамара, одаренная скрипачка, получившая высокое признание и завоевавшая ряд наград, студентка парижской Консерватории, страдала такой парализующей тревогой перед выступлением, что иногда ей

приходилось в последний момент отказываться от назначенных концертов. После многих месяцев совместных попыток воссоздать бессознательный сценарий, который разыгрывался перед каждым приближающимся концертом, она смогла поймать следующую свою фантазию: «Я обманываю весь мир. Все увидят, что я произвожу только дерьмо, и сама я так же бесполезна, как куча дерьма». Кроме того, она чувствовала, что одновременно любит и ненавидит свой инструмент. Спустя несколько месяцев она воспринимала свою скрипку уже как продолжение собственного тела, которое она, впервые, могла себе позволить любить и ласкать.

По мере продвижения анализа она начала чувствовать себя свободнее и смогла размышлять о том, чтобы позволить другим увидеть это либидинизированное продолжение своего телесного Я в ее музыкальном инструменте и даже смогла представить, что однажды она могла бы дать концерт, рассчитывая на поддержку слушателей. С новой либидинозной загрузкой ее телесной сущности пришла и переоценка ее естественных телесных функций. На одной из сессий она заявила: «Вы знаете, у Вас я научилась тому, что есть «хорошее дерьмо» и «плохое дерьмо». Почему бы мне не принять тот факт, что я хочу предложить публике *хорошие вещи?*»

В конечном итоге, после завершения этого периода анализа, к моему удивлению, пациентка однажды пришла со своей скрипкой. На протяжении всей сессии, не говоря ни слова, она играла прекрасную сонату. Закончив, она просто сказала: «Спасибо вам». Я ответила: «Спасибо *вам*». В этот момент я стала олицетворением ее внутренних родителей, которым она прежде приписывала деструктивные намерения, но которых сейчас восприняла как принимающих маленькую Тамару со всеми ее телесными фантазиями. Эти, так много значащие эмоционально фантазии и вызвали ее жаркое желание играть на публике. На последующих сессиях мы пришли к пониманию того, что под страхом показать уродливое и бесполое, как она считала, тело, было также желание затопить весь мир (отца и мать) смертоносными испражнениями. Медленно она начала понимать, что у нее были иные ценные дары для внешнего мира.

Год спустя после завершения ее анализа она прислала мне два билета на концерт, и ее выступление было самым трогательным из всех. Как только ее первичные либидинозные фантазии были хорошо интегрированы в их позитивных аспектах, ее мощные запреты и затруднения существенно ослабели.

*Клиническая иллюстрация:
эrogenная скульптура*

Следующий пример тесной связи между догенитальным психосексуальным телом и творческим самовыражением был предоставлен молодой женщиной-скульптором из Южной Америки. Кристина обратилась за аналитической помощью много лет назад, во время ее обучения искусствам в Париже, потому что ее художественное творчество было уже полностью парализовано. Она объяснила мне, что мечтая о создании монументальных скульптур, она способна создавать лишь очень маленькие вещи; но и их, как оказалось, она неизменно лепила из хрупкого материала, так что они постоянно бились или ломались, часто самой же Кристиной. Она также рассказала о своих супружеских проблемах и о своем страхе, что она недостаточно хорошая мать своим двум маленьким детям (как если бы они также были хрупкими и легко ломающимися). Затем Кристина упомянула, что она неспособна публично выставлять свои работы, несмотря на поощрение друзей, среди которых были супруги, владеющие галереей. Одна лишь мысль о подобных демонстрациях вызывала бессонницу и полностью останавливала ее работу.

Анализ проводился четыре раза в неделю и длился шесть лет. Много сессий Кристина провела, вспоминая свои страдания, относящиеся к телу и его функциям. Сильное чувство вины за мастурбацию, произрастающее из детских воспоминаний о суровом материнском наказании, повлекло за собой длительное аналитическое исследование. Среди прочего, она вспомнила, что ей говорили, что ее аутоэротическая активность не только приведет к вечным мукам *ее* саму, но, вдобавок, убьет и *ее мать*! Эти воспоминания привели нас к бессознательной фантазии Кристины, что ее собственные руки пропитаны деструктивной силой и что публичное выставление ее скульптур приведет к смерти ее матери.

В течение первых двух лет нашей совместной работы Кристина начала создавать более крупные вещи, а также экспериментировать с металлом. Наконец она набралась смелости принять участие в конкурсе, организованном в помощь молодым художникам любых направлений. По странному совпадению, темой конкурса была «Рука». Из темного материала Кристина создала большое изображение собственной руки — странную и очаровательную работу, чем-то напоминающую доисторического монстра.

«Моя скульптура была отобрана для выставки»,— торжествующе заявила она однажды, добавив: «Весь мир ее увидит! Я в восторге. Я даже выслала приглашение своим родителям! Моя вещь будет выставлена, и они будут вынуждены единственный раз в жизни гордиться мной». В последующие дни Кристина смогла выразить словами свое убеждение, что ее «вещь» принесла ей чувство телесного единения, так же как и подтверждение творческих аспектов ее генитального Я и права на свою женскую сексуальность.

Долгие годы после окончания нашей совместной работы я получала новости от Кристины. Многие каталоги включали в себя детали публичных показов ее работ в Европе и за рубежом. Затем однажды она позволила, чтобы сказать, что она вернулась во Францию и ей крайне необходима встреча. Она снова страдала от всепоглощающей тревоги, не дающей ей спать и работать. Эта вспышка панической тревоги возникла на вечере открытия очень важной выставки ее работ, которая состояла из больших скульптур из камня и цемента в новом стиле. Мы договорились встречаться раз в неделю в течение года.

Первая сессия на кушетке привела ее к ассоциациям, сконцентрированным вокруг новой выставки. «Я делала работы для этого важного показа почти год, с абсолютно необычным ощущением свободы и удовольствия, которое, как вы знаете, довольно редко для меня. Перед самым открытием крупной выставки всегда возникает скрытая тревога, но в этот раз я не ощущала ни малейшего следа паники. И вот, уже после открытия, один художественный критик из галереи заметил, что мои скульптуры не похожи на мою прежнюю работу. Он сказал, что они “менее аскетичны”, и еще, что я использовала новую технику, которую “мы от вас не ожидали”». Я вернулась домой в состоянии полного изнеможения и муки, которых я не испытывала уже на протяжении многих лет. Последние три недели я не в состоянии ни работать, ни спать».

Следующую неделю я поощряла Кристину рассказывать мне как можно больше о новых скульптурах. «Хорошо»,— сказала она. «В этой новой работе *есть* нечто необычное. Я не только по-настоящему наслаждалась созданием работ, но после того, как они освободились от своих литейных форм, я добавила некоторые декоративные детали. Это декоративное дополнение было бы для меня немыслимым даже два года назад. Теперь меня охватывает паника при входе в мое парижское ателье.

Я не могу даже фантазировать о своей работе или коснуться фрагмента, над которым работаю».

В последующую неделю мой интерес к Кристине и ее болезненной остановке в творчестве заставил меня посетить Музей Современного Искусства, где я пристально вглядывалась в выразительные работы, подавляющие своим размером и очертаниями и привлекающие внимание интригующими деталями поверхности. Я подумала про себя, как далеко продвинулась работа Кристины от робких маленьких фигурок много лет назад и насколько теперешние ее создания превзошли драматическую «Руку», как велик ее прорыв к публике.

На последующих сессиях мы суммировали наши прошлые открытия: угроза смерти, ассоциирующаяся с мастурбацией; воспоминание, относящееся к трем годам, когда ее родители уехали на неделю, оставив ее на попечение служанки. Девочка собрала свои фекалии и положила их в ящик шкафа в своей спальне, что обнаружила служанка, которая сурово ее распекла и впоследствии сообщила о ее «дерьмовом преступлении» родителям. (В некотором смысле, эти собранные фекалии были самой первой «скульптурой» Кристины. Она держалась за самый свой ранний подарок внешнему миру, по-видимому, чтобы отвести от себя чувство покинутости, и поэтому наделила фекалии новой ценностью, которая и предписывала их сохранить).

Кристина заговорила и о более раннем происшествии, которое несколько раз приходило ей в голову во время первых лет ее анализа. Она точно вспомнила, как нянька вынесла ее, обнаженную, к группе гостей. Нянька раскрыла ножки Кристины и с отвращением в голосе привлекла внимание к тому, что Кристина писает. Эта «выставка» была встречена громким смехом. Кристина думала, что это произошло, когда она была в возрасте между годом и полутора. В нашей предыдущей работе она много раз ловила себя на том, что испытывает удовольствие при мочеиспускании и немедленно вслед за ним невыносимое чувство унижения и публичного разоблачения.

Во время сессии, последовавшей за этим «подведением итогов», Кристина заметила: «Мне интересно, не предназначен ли был крайний аскетизм всех моих работ замаскировать мою сексуальность и фактически, отрицать любое чувственное удовольствие. Мои телесные функции всегда заставляли меня чувствовать тревогу и вину и любые чувственные ощущения чем-то пугали. Не удовольствие ли мне запрещено? Мне нужно отпираться от оргазма, неважно, какой ценой?»

На следующей сессии Кристина размышляла об удовольствии, которое она испытывала, подготавливая свои большие скульптуры для выставки, добавляя, что эти необычные детали на поверхности были от начала до конца сделаны непосредственно *руками* — техника, которую она никогда прежде не использовала. Тогда мы поняли бессознательное значение ее реакции на критическое замечание художественного критика, относящееся к скульптурным деталям, добавленным ею вручную. В критике воплотилась служанка, «донесшая» о «дерьмовом преступлении» Кристины ее родителям, а также мать, пригрозившая, что результатом детской мастурбации Кристины будет смерть. Она снова доставляла себе удовольствие чем-то, серьезно запретным, — «чего мы [родители] от тебя не ожидали».

В первый раз Кристина могла в полной мере выразить свою детскую ярость, за то, что ей отказывали в доступе к своей женственности и сексуальности. Далее она осознала, что ее яростная реакция на слова критика скрывала неосознаваемый гнев и агрессивные чувства по отношению к интернализованным родителям (а также и к аналитику, которая «не защитила» своего творческого ребенка от таких нападений!). Наконец, она смогла принять то, что насилие не обязательно деструктивно — оно может быть и *творческим*. Дальнейшая проработка травматических особенностей прошлого, которые снова активировались в этой чувствительной и творческой художнице, привела к исчезновению ее мучений по поводу выставки. Несколько недель спустя она подписала контракт на показ этой же работы в другом столичном городе, предвкушая выставку с восторгом.

Этот фрагмент анализа иллюстрирует роль эrogenного тела ребенка в художественном творчестве: как много из силы и хрупкости самого искусства принадлежит способу либидинозного и нарциссического загрузения тела творца, в его ранних отношениях с обоими родителями. Хотя эти глубокие либидинозные и нарциссические влечения являются первичным источником всепоглощающего творческого порыва, стоит отметить, что эмоции гнева и ярости имеют равное жизненное значение для творческого выражения.

Интересный пример такого насилия мы найдем в речи скульптора Ногучи, по случаю его 91-го дня рождения:

Вы, должно быть, думаете, что когда Бранкузи взял бронзовую форму и начал наполнять ее, он, в конечном счете, вошел внутрь: я иду

туда другим путем — я, на самом деле, разбиваю ее — я ломаю ее — я режу — я тянусь к яремной вене. Затем я снова выхожу, и это все становится единым...*

Какой-либо, или все факторы, служащие посредником во взаимодействии творца с внешним миром, могут вносить сильный вклад в запрет на работу и ее торможение. Понятно, что творческие личности постоянно подвергаются опасности внезапного разрыва (или даже полного распада) их продуктивности, когда травматические воспоминания и примитивные эмоции прошлого вновь угрожают всплыть. Возможно, сами травмы, тесно связанные с психосексуальной организацией телесных интрапсихических представлений, сформированных значимыми объектами прошлого, являются первичным источником не только невротических симптомов и запретов, но и творчества как такового.

* Приношу благодарность моей коллеге из Тускона, Аризона, Доктору Руфи Майер, приславшей мне эту цитату из обсуждения моей статьи, посвященной искусству и насилию, на симпозиуме в честь семидесятилетия Остин Ригтз.

Глава 5

Творчество и бисексуальные идентификации

Журналист: что является лучшей подготовкой для писателя?

Автор: Несчастливое детство.

Эрнест Хемингуэй

Психоаналитическая клиническая иллюстрация, приведенная ниже, поднимает как клинические, так и теоретические вопросы, относящиеся к идентификации или дезидентификации (не-отождествлению, разотождествлению — *прим. перев.*) с родительскими объектами во внутреннем психическом мире и к их потенциальному влиянию на творческую активность, особенно в случае травматичного и трагичного детства.

Первая встреча

Бенедикта, русская по происхождению, родилась и выросла в северной провинции Франции, где все еще живут все ее близкие родственники. Писательница по профессии, она обратилась за помощью из-за почти полной внутренней остановки своей работы. Несмотря на значительный талант и несомненность уже завоеванной репутации своих произведений (хотя сама она все, что было сделано до сих пор, оценивала весьма низко), она чувствовала, что ей не завершить роман, над которым она работала.

Бенедикта вошла в мой кабинет явно нерешительно. Она осторожно опустилась в кресло напротив моего, глядя на меня напряженно и мрачно. После длительного молчания она начала говорить, запинаясь, почти

заикаясь, таким тихим голосом, что я едва слышала ее. Она внезапно останавливалась на середине предложения, словно не желая, чтобы ее слова дошли до меня, или как если бы каждая фраза должна была быть проверена, прежде чем произнесена вслух. По тому, как она запинаясь, я заметила, что она колебалась до или после произнесения личных местоимений, как будто она боялась, что сказать *вы* или *я* было бы слишком интимно или слишком оскорбительно.

Бенедикта: Э... я... э... не... э... не знаю, может ли анализ помочь... э... мне. К тому же э... я... э... не... э... доверяю ему. Но... э... я читала кое-что, написанное... э... вами. Моя... э... работа, с ней что-то не так... я не могу больше... э... творить... Мне... э... не нравится это слово... Вы... э... возможно, можете помочь... э... мне.

Дж.М.: Какую помощь вы имеете в виду?

Бенедикта: Может быть... э... вы могли бы сотрудничать... э... со мной... Я... э... я не думаю, что... мне нужен... э... настоящий анализ, но...э...мне... нужен кто-нибудь, как... э... вы... кто тоже пишет.

Дж.М.: Но я аналитик, а не писатель.

Бенедикта: Меня полностью застопорило.

Дж.М.: Может быть, нам удастся обнаружить то, что останавливает вас.

Бенедикта: Э... я ничего не достигла в своей жизни. Я... э... мне стыдно... э... что я еще жива... так мало сделав. [*Длинная пауза*] Мне исполнится... э... 40 лет на следующей неделе. [*Снова длинная пауза*] Мой... э... отец умер... в 40.

Дж.М.: [*В мучительном молчании, которое последовало, Бенедикта пристально смотрела на меня. Испуганная ее молчанием и недогнущим пристальным взглядом, я сделала бессмысленное замечание, так сказать, намек на очевидное — как средство выиграть время для нас обеих.*] То есть, вы достигли возраста, когда умер ваш отец.

Бенедикта: Да... но... я никогда не знала... э... его. В то время мне было всего 15 месяцев. [*Снова длительное, напряженное молчание*]

Дж.М.: Возможно, вам рассказывали о нем?

Бенедикта: Э... да... и... нет. Никто не говорил мне, что он умер.

Внезапно Бенедикта остановилась и погрузилась в непереносимое молчание. Я по-прежнему чувствовала себя неловко и даже начала сомневаться, не страдает ли она какой-нибудь формой расстройств мышления. Однако выражение ее лица было самым красноречивым — отчаяние,

которое слова были бессильны передать. Чтобы прервать мучительное молчание, я заметила, что, должно быть, трудно говорить об отце, которого она никогда не знала.

Бенедикта: Это лишь моя... мать скрывала его смерть от меня. Когда бы я ни спрашивала о нем, она всегда говорила: «Он в больнице». Она и всю семью тоже заставляла лгать ... э... мне. Мне было больше пяти лет, когда сосед... сказал мне... э... э... правду.

Бенедикта продолжала рассказ. Это открытие не слишком ее расстроило. Поскольку она никогда не знала своего отца, она никогда и не задумывалась о нем. Я спросила себя, не произошло ли это потому, что она *уже знала правду*. Казалось неправдоподобным, чтобы чуткая пятилетняя девочка не подозревала о том, что с якобы живым, но невидимым отцом связана какая-то тайна. Пока Бенедикта молчала, я задумалась о том, не выдумала ли ее мать всю эту историю с постоянно больным отцом, потому что сама не могла смириться со своей тяжелой утратой. Если это было так, смерть отца, возможно, стала запретным знанием для маленькой девочки. Бенедикта сказала, что когда она сообщила матери новость, полученную от соседа, мать залилась слезами, и она расстроилась, что причинила ей такое горе. Она добавила, что ее мать никогда больше не разговаривала со словоохотливым соседом. Мысли Бенедикты обратились к лживой, выдуманной стороне личности ее матери, к ее фальши.

Бенедикта: Моя...мать — подделка. В ней все фальшивое... даже нос, который она переделала. О чем бы я ни волновалась, она говорит: «Не хмурься! У тебя будут морщины на лбу». Мои заботы ее не интересуют, только моя внешность... только то, что... «другие» могут подумать, если они... увидят меня. *[Бенедикта нахмурилась, испытующе глядя на меня, как бы уверяя себя в том, что меня больше интересует ее тревога, а не ее морщины.]* Она никогда не понимала, почему я не хочу быть, как она говорила,... э... *женственной*. У нас нет ничего общего, у моей матери и у меня. Она... она может оставить ее при себе, свою.. женственность! Она ей соответствует. По ее мнению, важно только то, что *другие*.... думают, какой ты должна быть. И всю жизнь ни на шаг от этой системы! *[Долгое молчание]*

Дж.М.: То есть, вы сопротивляетесь ее системе?

Бенедикта: Мне просто нравятся... подлинные женщины. *[Снова непереносимое молчание, предшествующее продолжению захватившей]*

ее мысли.] Чтобы быть похожей... э... на нее..., нужно было бы... э... перестать существовать..., быть... ничем.

Хотя Бенедикта говорила медленно и тихо, каждое слово и каждое движение обнаруживало невыразимое напряжение. После еще более продолжительного молчания она сказала, что, вдобавок к ее писательскому стопору, она столкнулась с некоторыми трудными жизненными ситуациями, которые ей приходится разрешать. Затем она спросила, не сможет ли она приходить ко мне время от времени. Чувствуя ее крайнюю тревогу по отношению к этим приходам, я предложила встретиться на следующей неделе, в день ее сорокалетия. Она улыбнулась и мрачно ответила: «Спасибо. До этих пор я доживу».

Во время нашей второй встречи Бенедикта говорила о своей любовной жизни, о трудных «жизненных ситуациях», на которые она намекала на предыдущей неделе.

Бенедикта: Мы с Фредерикой были любовницами много лет, с тех пор, как... умер ее муж. Ее присутствие всегда было... жизненно важно для меня. Но сейчас... я потеряла интерес к ней в... э... в страстной части наших отношений. Мы все еще очень близкие подруги, и видимся каждый день... но я не могу выносить боль, которую я ей причиняю. И еще я... и отказаться не могу.

Затем, запинаясь, Бенедикта описала свои отношения последних трех лет с Вероникой. Она скрывала от Фредерики эти свои вторые отношения, говоря, что это был единственный раз, когда она ввела в заблуждение свою дорогую подругу или лгала ей. Внешне между двумя любовницами Бенедикты выявилось некое сходство: в обоих случаях инициатором отношений была другая женщина; обе женщины были матерями и вдовами. Возможно, Бенедикта прочла в выражении моего лица мысль о том, что на сцене истории ее жизни всегда появлялся мертвый мужчина. Во всяком случае, она произнесла фразу, которая словно отрицала мою невысказанную мысль. «Ни одна из этих двух женщин... значимых женщин в моей жизни, не имела даже малейшего сходства с моей... э... матерью».

Бенедикта тревожно взглянула на меня, как бы боясь, что я могу не согласиться. Несколько недель спустя она уверилась в том, что у нее было доказательство моего «несогласия». Как-то перед очередной сессией она обнаружила в близлежащем магазине психоаналитический сборник, посвященный женской сексуальности; в него была включена

написанная мной статья о женской гомосексуальности. Бенедикта доложила о своем открытии, как только вошла, говоря очень уклончиво и запинаясь, что она не согласна с тем, что прочитала. Я ответила, что мне было бы очень интересно услышать ее замечания.

Бенедикта: В вашей статье говорится, что... у гомосексуальной девушки есть идеализированный образ ее... матери как недостижимая модель, и поэтому она оставляет все свои надежды на конкуренцию с... ней. Вместо этого она воспринимает своего... отца как модель. Меня *тошнило* от матери. У меня *никогда* не было желания конкурировать с ней! Что касается моего... э... отца, поскольку я никогда не знала его, это неправдоподобно, чтобы он мог послужить для меня моделью, полезной или любой другой.

Действительно, Бенедикта казалась чем-то вроде психической сироты. Ее внутренний мир, каким она представила его на нашей первой встрече, был населен лишь «поддельной» матерью, которую она обрисовала, как манекен, и мертвым отцом, которого она ощущала, как никогда не существовавшего. Пока она говорила, я подумала про себя, что статья была написана более 25 лет назад. Я видела теперь, что некоторые мои обобщения были неоправданными — результат недостаточного опыта, соединенного с чрезмерным многословием в момент написания. В надежде подбодрить Бенедикту развить ее собственную критическую точку зрения, я ограничилась лишь замечанием, что в этой статье много гипотез, которые сейчас я бы изменила. Хотя в работе придавалось особое значение роли матери, значительный объем материала был посвящен отцу во вселенной гомосексуальной девушки. Мне бросилось в глаза, что Бенедикта глубоко исследовала свои чувства по отношению к матери, но совершенно не обратила внимания на возможное влияние умершего отца, которое он мог оказать на маленькую девочку, — особенно принимая во внимание крайне негативное материнское интрапсихическое представительство, которое она предъявляла.

Умалчивая о заинтересованности в «настоящем анализе», Бенедикта все же спросила, не могла ли бы она приходить ко мне более регулярно, потому что сейчас она получила более ясное представление о том, что ей нужно раскрыть в самой себе. Постепенно анализ стал проходить четыре раза в неделю и длился лет восемь-девять.

Делая записи о наших последующих сессиях, я почувствовала необходимость сформулировать вопросы, возникающие во время моего взаимодействия с ней. Эти вопросы раскладывались в три основные группы:

1. *Может ли это психоаналитическое приключение быть посвящено поиску отца?* Пятнадцатимесячный ребенок едва ли был способен завершить процесс разочарования. Где в психике этой маленькой девочки мы могли бы надеяться найти скрытые следы мертвого отца?

2. *Как маленькая девочка этого возраста могла бы сформировать образ сердцевины своей родовой и сексуальной идентичности* в обстоятельствах описанных Бенедиктой: отец, преподносимый растущему ребенку как живой, но не видимый, и мать, чье поведение истолковывается дочерью в том смысле, что она не многим больше, чем нарциссическое продолжение своей матери?

3. *Чему я могла бы научиться у Бенедикты с точки зрения понимания творческого процесса и его превратностей?* Когда внутренние конфликты вызывают торможение в творческой работе, неизбежно разворачивается запутанная внутренняя драма.

Первый вопрос относится к ситуации, которая постоянно возникала и в моей собственной практике, и в практике моих коллег. Число анализантов, чьи отцы исчезли в их детстве вследствие ухода или смерти, представляется более высоким, чем в популяции в среднем. Если такое потенциально травматичное исчезновение происходит в довербальный период раннего детства, с ним должны справиться компенсаторные защитные структуры, отличные от тех, которые используют дети постарше, опирающиеся, в основном, на язык и вербальные мыслительные процессы, чтобы совладать с травматичными событиями. В случае Бенедикты также казалось, что мать не справилась со смертью своего мужа таким образом, чтобы облегчить ее травматичный потенциал для своего ребенка.

Второй вопрос относится к инфантильным корням чувства сексуальной идентичности. Каковы центральные элементы того способа, которым личность структурирует представительства своей родовой идентичности и сексуальной роли? Как первым указал Фрейд, эти психические приобретения нельзя принимать, как данность; они будут сконструированы растущим ребенком в соответствии с информацией, полученной от родителей. Кроме того, как упоминалось в Главе 1, от матери младенцу передаются основные элементы будущих сексуальных и любовных отношений, а от отца — либидинозный вклад в жену и ребенка.

Мой третий вопрос возник в результате многолетних наблюдений за анализантами, чья творческая работа перестала приносить плоды.

Как уже отмечалось, размышления привели меня к убеждению, что творческий процесс основан, наряду с другими важными факторами, на интеграции бисексуальных влечений и фантазий. В структуре неспособности творчески работать нередко обнаруживаются запреты, исходящее из бессознательных бисексуальных идентификаций и природы родительских образов во внутренней вселенной творца.

Первые два года анализа

Бенедикта быстро и интенсивно включилась в свое психоаналитическое приключение, принося на наши сессии сновидения, фантазии, мысли и чувства, расцвеченные необыкновенным богатством метафор. Но в то же время, ее речь оставалась вымученной, запинаящейся, часто невнятной и неизменно усеянной долгими периодами молчания. Создавалось впечатление, что каждый ее жест, каждое слово было подготовлено и тщательно отслежено перед произнесением. Убедившись, что Бенедикта не может общаться по-другому без насилия по отношению к ее личному способу установления связей, я не стала интерпретировать возможную значимость этой нерешительности на ранних месяцах нашей совместной работы.

Кроме того, иногда в материале мелькала фантазия, что любое установление дружеских отношений между нами потенциально опасно. В начале каждой сессии, перед тем, как медленно устроиться на кушетке, Бенедикта окидывала меня и обстановку жадным взглядом, как бы пытаясь упиться информацией. (Несколько лет спустя, когда я отдала ей мои записи о нашей совместной работе, чтобы получить разрешение на использование ее материалов для научной статьи, она написала: «Я чувствовала себя томимым жаждой путником, осторожно исследующим пустыню, боясь, что оазис может оказаться миражом».) Затем она прекращала свое разглядывание, так же внезапно, как она обрывала свои фразы. Болезненно запинаясь, она комментировала малейшие изменения моего кабинета: случайное расположение стопки журналов, перестановку лампы или безделушки. Такому же тщательному осмотру подвергалась моя внешность и расположение моего кресла по отношению к кушетке. Эти бесконечно мелкие изменения (в которых я редко отдавала себе отчет) вызывали робкие, но настойчивые вопросы со стороны Бенедикты. Когда я предлагала ей рассказать

мне, какими, по ее мнению, могут быть ответы на них, то для объяснения этих незначительных изменений она строила совершенно неправдоподобные теории, обычно вращающиеся вокруг одной и той же темы: «Мое присутствие беспокоит вас, вы бы предпочли быть с кем-нибудь другим или заняться чем-нибудь другим». Иначе говоря, она постоянно искала какого-нибудь знака, который бы подтвердил обратное и рассеял ее неуверенность относительно значимости ее существования для меня.

Этот непрекращающийся поиск значения (найденные, эти значения напоминали детские рассуждения) был тесно связан с ее детскими попытками извлечь смысл из болтовни и несвязных сведений, получаемых от матери. Бенедикта верила, что она *сама* должна обнаружить правду, касающуюся не только смерти ее отца, но и постоянных отлучек матери (овдовев, мать Бенедикты лихорадочно искала нового супруга). В переносе эти мысли (по отношению ко мне: «Вдова ли я? Есть ли у меня ребенок? Есть мужчина в моей жизни или нет?») добавились к трудной борьбе Бенедикты с вербальным выражением, и она продолжала заикаться, вставлять длинные паузы и приглушать тон голоса.

Совершенно отдельно от фантазии об опасности, исходящей от словесного общения с другими людьми, Бенедикта боялась *слов как таковых*. Она воспринимала их, как конкретные объекты, способные обернуться опасным оружием. Ее тревожный, заикающийся способ использования языка также приводил в замешательство, как будто взаимопроникновение первичного и вторичного мыслительных процессов, характерное для аналитического свободно-ассоциативного дискурса, было, в ассоциациях Бенедикты, ближе к работе сновидения.

Мертвый отец возрождается

Следующие записи, взятые из двух последовательных сессий третьего года анализа, дают некоторое представление о сохранявшемся у моей пациентки внутреннем отношении к представителям матери, стесняющим и угрожающим коллапсом. Кроме того, этот отрывок иллюстрирует некоторые причины, по которым все взаимодействия с другими людьми, вербальные или нет, наполняли Бенедикту тревогой.

Бенедикта: Прошлой ночью мне приснилось, что я сажусь в городской автобус. Я должна была... закомпостировать стофранковую банкноту,

которая была для... вас. Но компостер застопорился. На банкноте чего-то недоставало. Кто-то позади меня сказал: «Продолжай! Он будет работать», — и я...проснулась.

[Ассоциации Бенедикты по поводу сна, произнесенные низким, придушенным голосом, привели ее к мысли о ее подруге Фредерике и об удовольствии, которое она испытывала, давая деньги Фредерике и ее семье, несмотря на то, что у самой Бенедикты не всегда хватало денег на собственные нужды. Я отметила, что во сне стофранковая банкнота предназначалась мне.]

Бенедикта: Я... думаю, что мне бы хотелось быть отцом вашего семейства тоже. Вместо этого деньги — это все, что я могу вам дать. В этом чего-то... недостает. Я не осмеливаюсь представить, что я могла бы дать вам что-нибудь более ценное.

Дж.М.: Здесь звучит некий образ вашей матери. Вы говорили, что никогда невозможно было узнать, чего она действительно хочет от вас.

Бенедикта: О! Она хотела, чтобы я не существовала — вне ее! Компостер в моем сне... он хрустел, как будто прожевывая часть банкноты.

Дж.М.: Что заставляет вас так думать?

Бенедикта: Знак на автоматических воротах метро: *Oblitérer votre billet*. *[Эта надпись, появляющаяся во всех парижских метро и на остановках автобуса, значит просто «закомпостируйте ваш билет», хотя глагол oblitérer имеет то же этимологическое значение уничтожения, что и в английском.]* Это то, что вы должны сделать, сев в автобус. Мне трудно произносить это слово, потому что оно очень насильственное. Я знаю, что *oblitérer* означает всего лишь, что вы должны закомпостировать ваш билет, но оно подразумевает подавление, уничтожение личности. Полное разрушение. Этот компостер — это... моя мать! Адская, материнская машина!

Дж.М.: *[У Бенедикты легко возникало чувство ярости по отношению к матери, как к опасной и деструктивной интроекции, но это сильно катектированное представительство не позволяло ей признать ее собственные первичные деструктивные желания. Она была таким же «застопорившимся компостером», как и я, для которой предназначалась банкнота.]* Я переключила ее ассоциации на ситуацию переноса: «Но во сне деструктивный обмен возник между нами?».

Бенедикта: Мне не по вкусу эта идея. *Billet... billet-doux...* (Билет... любовная записка... — прим. перев.) Я могу признать нежные чувства по отношению к вам. Но насилие, даже на словах... мне это больно.

Дж.М.: Вы боитесь, что ваше насилие причинит мне боль? Что я не хочу встретиться с этим насилием в вас, которое требует себе выражения?

Бенедикта молчала какое-то время, но наконец продолжила разбирать другие слова, ассоциировавшиеся с образами ее сновидения. Мысли о насилии и эротические мысли быстро следовали друг за другом в этом разборе, чем-то напоминавшем сновидение.

Я спросила Бенедикту, не боится ли она, что ее деструктивные и эротические желания могут быть связаны и, возможно, перепутаны, в ее психике.

Ее ответ последовал незамедлительно: «У моей матери все было связано с грязью. Поэтому я даже не могла произнести некоторые... Э... слова, которые сейчас приходят мне в голову. Они... э... они... ну... э... были связаны с... э... экскрементами».

Мне в голову пришла фраза из одного письма Эрнеста Хемингуэя: «Всю свою жизнь я смотрел на слова, как будто видел их впервые». Для писателя в особенности, слова, окрашенные любой формой инстинктивного возбуждения, могут с легкостью стать опасными объектами для психики.

Цепочка анально-эротических и анально-садистических означающих вскрыла у Бенедикты некоторые классические фантазии, которые так часто лежат в основе инфантильных сексуальных теорий. Однако я не интерпретировала их, поскольку казалось, что ее главный страх в этот момент сконцентрировался вокруг символических эквивалентов, в которых смешались словесные и предметные представления. Поэтому ей трудно было использовать слова для выражения ее «экскрементальных» мыслей. В такое время она напоминала мне моих пациентов-детей с дефектами речи. Хотя Бенедикта не страдала заиканием, случайная встреча с ней должна была создавать это впечатление. Я обратила внимание на ее боязнь слов. «Вы правы», — подтвердила она. — *«Слова пугают меня, как привидения — детей».*

В этот момент я почувствовала себя так, как будто я тоже встретила привидение в психоаналитическом путешествии Бенедикты. Странное молчание, окружавшее судьбу ее отца, его никогда не упоминавшаяся болезнь и его зомбиподобное существование, сотворенное в психике маленькой девочки вымыслами ее матери, продолжались и на аналитической сцене. Я предложила Бенедикте рассказать мне побольше об «историях с привидениями», которых боятся дети.

Бенедикта: Истории о людях, восставших из могилы, всегда очаровывали меня по некоторой причине... особенно, истории о привидениях с видимыми ранами, которые еще продолжают кровоточить.

Дж.М.: Вы имеете в виду какое-нибудь конкретное привидение?

Бенедикта: О!! Вы имеете в виду... Э... его? Да... э... я думаю, возможно, я ждала, что... Э... он вернется.

Затем Бенедикта впервые заговорила о том, что она знала о внезапном исчезновении ее отца. Прошло три года, прежде, чем она смогла произнести причину его смерти. Слово, так же как и его упоминание, казалось нелитературным и непроизносимым. Отец Бенедикты, в возрасте 40 лет, умер от *рака прямой кишки*.

На следующий день метафоры Бенедикты из предыдущей сессии и фантазии, которые они у меня вызывали, были все еще живы у меня в памяти: возбужденная и испуганная маленькая девочка, ожидающая, что ее отец восстанет из могилы; смерть отца в терминах анального коллапса; фантазии о первичной сцене в орально- и анально-садистских терминах; конфликтные образы сновидения, в котором следы архаической первичной сцены могли быть обнаружены во встрече компостера (фаллически-анального знака в ассоциациях Бенедикты) и стофранковой банкноты, подлежащей «уничтожению», и одновременно представляющей собой любовный дар («billet-doux» — любовная записка). Перечитывая свои записи о сессии, я осознала, что мы с ней каким-то образом совместно создали значение.

Новые элементы дали дальнейшую пищу для размышлений. Бенедикта начала сессию с ассоциации, касающейся ее постоянного недоверия вербальным сообщениям и «настоятельной необходимости закрыться от вторжения других людей — особенно, от матери, которая никогда не спускала с меня глаз. Она считала, что имеет право знать обо всем, что я делаю и думаю».

На этой стадии нашей работы казалось возможным, что я тоже могла бы восприниматься как угрожающая анальным коллапсом и контролирующая мать, следящая за каждым движением Бенедикты и ищущая значения каждого слова. Но моя интерпретация этого чувства была явно преждевременной. Бенедикта еще не могла принять то, что я могу воплощать эту плохую мать. Когда этот аспект переноса стал осознаваемым и приемлемым для Бенедикты, по мере проработки ее фантазий о взаиморазрушении, она впервые начала говорить легко и слышно, не только

на сессии, но и со своими друзьями, которые отметили тот факт, что она больше не «бормочет». Я узнала, что Фредерика всегда обвиняла Бенедикту в том, что она «глотаєт слова».

Затем Бенедикта начала исследовать возможные причины своей речевой нерешительности. «Подростком я никогда не отваживалась открыть рот... как будто моя мать могла влететь в него. И я никогда не могла закрыть дверь. Она врывалась за мной и распаивала ее. Даже сейчас, во время моих редких приходов домой, она подслушивает все мои телефонные разговоры».

Все больше и больше становились явными невысказанные фантазии об орально- и анально-садистском проникновении. Я начала чувствовать себя так, как будто я тоже была этой маленькой девочкой, которая считала, что запрещено закрывать двери, так же, как и свое тело или свою душу, перед вторгающимся насильственно представителем ее матери. Позднее Бенедикта смогла восстановить, по забытым воспоминаниям, фантазии о матери, убивающей отца первичными оральными и анальными способами.

Бенедикта: Моя мать постоянно убирала за мной. Мои бумаги, мои записи, мои сигареты убирались, стоило мне повернуться спиной. Не успевала я встать из кресла, как она бросалась уничтожать с его подушки следы моего тела. Я не должна была оставлять даже малейшего следа своего присутствия. *[Теме «следа» и его «уничтожения» суждено было стать очень значимым лейтмотивом.]*

К тому же мне приходилось смотреть на нее. Она устраивала для меня своего рода эротическое представление, одеваясь и раздеваясь передо мной, спрашивая, какое из ее платьев я нахожу самым соблазнительным. Это было частью ее ритуала в охоте за новым мужем. Она настаивала на том, чтобы мы обе одевались так, чтобы произвести впечатление на возможных поклонников.

«Мы должны выглядеть привлекательно для господина Р, не так ли?» Без насилия выхода не было. Я закрывалась в каменном молчании. Она годами жаловалась, что я с ней не разговариваю.

Слова Бенедикты разбудили жестокие чувства во мне, что, возможно, явилось причиной того, что я в этом месте спросила ее, не могла бы она мне рассказать побольше о ее фантазиях, связанных с насилием как защите от требований ее матери. К моему удивлению, она впервые нерешительно рассказала одну из своих эротических фантазий. «Это

самая возбуждающая сцена, которую я могу представить... я молодой человек, и меня яростно содомирует мужчина, намного старше меня».

Мои собственные ассоциации к этой фантазии были следующими: фантазия о том, что ее отец был убит посредством анального вторжения, трансформировалась в сцену, в которой ее отец («мужчина, намного старше») становится живым фаллическим представительством; теперь анальное вторжение становится эротически возбуждающим, а не смертельно опасным. Сцена включает в себе фантазию о буквальной инкорпорации отцовского пениса и фаллической силы, как нередко представляют себе овладение нарциссическим и либидинозным могуществом своих родителей маленькие дети.

Затем я задумалась, как трудно было маленькой пятнадцатимесячной девочке, чей отец вдруг исчез, когда она так нуждалась в нем. Большинство детей этого возраста, пытаясь отделаться от своего желания/страха зависимости от матерей, обращаются к своим отцам. При поддержке отца (его действительным присутствием и окружающими его фантазиями) маленькие дети способны отделиться от матерей и, одновременно, усилить свое чувство личной и сексуальной идентичности. К кому обращалась Бенедикта, чтобы выполнить эту жизненную задачу?

Дж.М.: Вы говорите, что помимо насилия не было ответа на соблазняющее поведение вашей матери. Не могло ли яростное содомирование быть неким способом защититься от нее, путем взывания к образу мужчины?

Бенедикта: Мне приходилось скрывать от нее все мои детские игры... Супермен, Бэтмен и другие были моими постоянными товарищами. Я всегда была мальчиком среди мужчин. Она бы никогда этого не позволила!

Дж.М.: Вам приходилось скрывать ваше желание быть мальчиком, так же, как и ваше желание иметь в качестве друга мужчину?

Бенедикта: Да... я начинаю понимать... это был единственный способ иметь тайные отношения с моим отцом... вопреки ей!! Если бы она обнаружила это, она бы снова отняла его у меня. Я привыкла проводить часы, сочиняя истории об этих могущественных мужчинах, которые были моими друзьями. О, я забыла... когда я была подростком, я написала то, что я назвала «оперой». Месяцы работы. Затем книга однажды исчезла из моей комнаты. Я так и не нашла ее. Она ее уничтожила! Это было то, что уводило меня от нее.

Бенедикта вспомнила понемногу и тему «оперы»: «Все действие происходит в метро. Действующие лица — только мужчины. Главные роли: маленький мальчик, банда плохих мальчишек и мерзкий старик. Старик предает маленького мальчика. В конце оперы убитый горем маленький мальчик бросается под поезд».

Отвечая на вопрос, Бенедикта связала загадочную идею назвать свою пьесу *оперой* со словом *операция* и фантазиями об отце «в больнице». Она, конечно, должна была чувствовать себя преданной «мерзким стариком» — отсутствующим отцом. Заключение в тюрьму слов ее матери, он не подавал Бенедикте никаких знаков признания или памяти о ней. Когда я пыталась идентифицироваться с этой маленькой девочкой из прошлого, мне в голову пришло несколько вольных гипотез. Не было ли у нее фантазий о том, что ее отец, бросив ее, ее кастрировал? Что он отдал ее на милость матери, тем самым принуждая ее сохранять его живым в мечтах, играх и, позднее, в ее написанных рассказах? И не была ли она способна, таким образом, сохранять свое чувство целостности и идентичности?

Я задумалась над тем, какую роль могли играть *слова* в отношении к родительским значимым образам в психике маленького ребенка. В отношении оперы Бенедикты, мне показалось, что слова, вполне возможно, могли восприниматься как воплощение отцовской силы и присутствия. Возникает небольшое сомнение, что *мать*, как об этом говорит Оланье (1975), является «рупором» для своего ребенка, то есть, это она вводит своего ребенка в контакт с внешним миром языка. Посредством слов мать придает значение довербальным телесным ощущениям и фантазиям, а также называет эмоциональные состояния своего ребенка, его телесные зоны и функции. Делая это, она также помогает своему ребенку составить ясное психическое представление о различии между его и материнским телом, его и материнским Собственным Я. Но хотя вербальные сообщения передаются матерью, они начинают создавать и психическое представительство внешней или «третьей» силы, которая будет использоваться как защита против «матери-сирены». Материнский *голос* снова возбуждает фантазии о желании слияния, с вытекающей из этого потерей как личной, так и сексуальной идентичности, тогда как *слова*, которым мать учит ребенка, принуждают к отделению и самостоятельности.

При том, что слова заменяют более архаичный «язык», состоящий из довербальных означающих, в них всегда остается остаток предметных

психических представительств вещей, которые они символизируют, так же как и значений (соматопсихического порядка), для передачи которого они предназначены. В этом смысле они вдвойне символичны. Помимо того, что язык является неотъемлемо важным в структуре человеческой психики, очевидно, что слова играют особенно привилегированную роль для профессионального писателя. Как синтез «материнского» и «отцовского» миров, они неразрывно связаны с бессознательной бисексуальной фантазией.

В случае Бенедикты паралич ее творческих способностей начал раскрываться перед нами, как воображаемый способ отречения от ее тайной связи со своим отцом, через язык и сочинение историй, с тех пор, как она почувствовала, что эта связь запрещается ее матерью. Уничтожая ее «оперу», мать Бенедикты, возможно, чувствовала (хотя и ошибалась), что эта работа представляет собой серьезного соперника: ее единственный ребенок избегает ее. На психоаналитической сцене образ внутреннего отца медленно оживал, мобилизуя движение мысли и фантазии при своем пробуждении, и Бенедикта снова начала писать. По поводу первой книги, которую она опубликовала два года спустя после начала анализа, ее пригласили участвовать в национальной телевизионной программе, посвященной современным авторам. Во время этой передачи один из участников дискуссии задал Бенедикте вопрос, касающийся сложного и несколько неуловимого впечатления, создаваемого ее романом. Бенедикта ответила: «Это оттого, что это книга, написанная ребенком».

Отец становится доэдипальным соперником

Поиск потерянного отца продолжался Бенедиктой, не без сопутствующего сопротивления, потому что в ней, как и в каждом ребенке, был внутренний отец, который должен быть устранен, как камень преткновения на пути к иллюзорной надежде полного обладания матерью. К тому же, явное решение матери Бенедикты создать в психике своего ребенка воображаемую семью, где считаются только женщины, наводило на мысль о том, что эдипальные запреты, возможно, передались в чрезмерно раннем возрасте, возможно, до того, как появилось надежное чувство сексуальной идентичности. Таким образом, бессознательные страхи и желания матери совпадали с той частью маленькой Бенедикты, которая

хотела исключительных отношений со своей матерью, произрастающих из первичных гомосексуальных стремлений, являющихся жизненно важным компонентом в приобретении чувства принадлежности к мужскому/женскому роду. Поэтому неудивительно было, что начали всплывать сны и мечты, в которых сама Бенедикта была ответственна за смерть своего отца. Темой сновидений, сохранявшейся в течение многих лет, было то, что Бенедикту преследовали за неизвестное преступление, которое она совершила.

Однажды, когда Бенедикта, путаясь, боролась с этими разными внутренними отцами и матерями, я решила проинтерпретировать различные «Я», стремящиеся к самовыражению в ее ассоциациях.

Дж.М.: Существует несколько одновременно говорящих здесь Бенедикт. В вас есть маленький мальчик, пытающийся поддерживать отсутствующего отца; затем — молодой мужчина, который «яростно» защищает себя от своей вторгающейся матери; а еще в вас есть женщина, которая пытается «починить» своей любовью другую женщину, в то же время стараясь во всем отличаться от своей матери.

Бенедикта: Я вижу всех их, но некоторых из этих Бенедикт я знаю лучше, чем других.

Дж.М.: И, кажется, вам трудно найти в себе маленькую девочку, которая страстно желала иметь *обоих* родителей. Вы все еще боретесь с разьединенными образами *ваших родителей* как пары. [*Эта фраза вызвала значительную негативную реакцию.*]

Бенедикта: Смешно слышать от вас: «ваши родители». Ни один ребенок никогда не хочет иметь *двух* родителей! Во всяком случае, с этим мне повезло. У этой маленькой девочки не было отца!

Злость Бенедикты по поводу этой интерпретации продолжалась много недель, во время которых она обвиняла меня в том, что я жертва «общественной болтовни», использую «подержанные идеи» и демонстрирую сентиментальность по поводу смерти какого-то неизвестного отца.

След

Непредвиденный случай предоставил нам возможность кристаллизовать «след» отца Бенедикты и катастрофические последствия его смерти. Однажды звук голоса из маленькой комнаты рядом с моим кабинетом

предупредил меня о том, что я забыла выключить автоответчик. Впервые за почти четыре года аналитической работы с Бенедиктой я встала на середине сессии и вышла из кабинета, чтобы отключить его.

Бенедикта: Когда вы вышли, я представила себе забавную сцену. У меня возник импульс тоже выйти из кабинета, и я начала представлять, что бы вы подумали, вернувшись и найдя кабинет пустым.

Дж.М.: И что же я подумала бы?

Бенедикта: Ну, прежде всего вы бы не были уверены в том, была ли я здесь в действительности или нет, до того, как вы вышли из кабинета. Но потом, как только я представила, как я убегаю, я вспомнила, что я так быстро вышла, что забыла на кресле свой жакет! Так что вся сцена рухнула.

Дж.М.: *[Помня о матери Бенедикты, которая «не выносила даже малейшего следа» ее присутствия, и о внезапном исчезновении ее отца, я, не задумываясь, ответила], «Вы оставили за собой след?»*

Бенедикта: Боже мой, да! Жакет! Его жакет!! Он должен был оставить свой жакет! Мои двоюродные братья говорили мне, что он заболел внезапно. Никто не ожидал, что он умрет. Эти жакеты — я все еще помню их запах — не моего отца, а моего дяди. Когда мне было шесть или семь лет, после того, как мы снова стали жить с бабушкой, я привыкла проводить часы, за игрой в его гардеробе, нюхая и ощупывая его жакеты. Это была одна из моих любимых игр... такая захватывающая... Но я всегда очень тщательно скрывала ее от матери.

Образ маленькой девочки, отчаянно пытающейся найти своего потерянного отца путем довербальных (еще опознавательных) означающих, запечатлелся в моей памяти. Жакеты и их мужской запах видимо приобрели значение промежуточных объектов для обездоленного ребенка.

Позднее Бенедикта сказала мне, как подростком она часто играла в игру, в которой представляла, что ее работа состоит в том, чтобы выбирать и покупать мужскую одежду для важной фирмы. Она проводила часы в отделах одежды, изучая покрой, материал и качество костюмов и жакетов. Когда ее подруги играли во взрослых женщин, выбирающих себе платья, Бенедикта говорила, что она замужняя женщина, и должна выбрать одежду для своего мужа. Она хорошо осознавала, что не мечтает о будущем муже, но она абсолютно не осознавала того, что через эту игру она пытается воскресить раннюю чувственную связь со своим умершим отцом.

Таким образом, мы нашли первые признаки работы оплакивания, начатой ребенком, пытавшимся найти какой-нибудь след своего отца через его одежду, путем, которым многие дети создают свои самые ранние промежуточные объекты, требующие, чтобы заснуть, носовой платок или другой предмет одежды, чьи запах и прикосновение воссоздают присутствие матери. (Это было уже не первый раз, когда я наблюдала, что у ребенка, чьи отношения с матерью представляются нарушенными, сильно загруженный промежуточный объект, делающий отсутствие переносимым, является *отцовской* принадлежностью. Я начала подозревать, что отец Бенедикты, возможно, сыграл самую важную роль в ее раннем детстве.)

Бенедикта: Все мои детские игры... Я никогда прежде не думала об их значении, или почему они отличались от игр других детей. Я знала только, что моя мать их бы не одобрила. От меня ожидали, то я буду играть в *ее* игры, а не в свои!

[Примерно в это время повторяющееся покрывающее воспоминание приобрело дополнительную остроту.] Те куклы-близнецы, которых кто-то подарил мне, когда мне было около трех лет, мальчик и девочка... я играла только с мальчиком, разговаривая с ним, одевая и раздевая его, я до сих пор помню день, когда моя мать сказала, что их нужно починить и для этого отправить в больницу. Когда они вернулись, они обе стали *девочками*. Мальчик... моя мать предательски убила его! Я еще узнавала его по легкому маленькому следу, но я *никогда* больше даже не прикоснулась ни к одной из кукол.

Вскоре после сессии, на которой Бенедикта вспоминала «предательское убийство» куклы-мальчика, она подробно изложила новую версию повторяющегося сновидения, в котором она совершает неизвестное преступление, но в этот раз она была всего лишь свидетелем преступления. Бенедикте снилось, что она наблюдает сцену, в которой мужчину убивают на кухне соседей. Ее ассоциации привели ее к мысли о фильме «Большая жратва», в котором мертвый мужчина брошен посреди пищи, приготовленной для траурной церемонии. Основные действующие лица фильма — мужчины, но Бенедикта пыталась вспомнить роль женщины в этом фильме. Ее различные ассоциации и по отношению ко сну, и по отношению к фильму привели меня к убеждению, что маленьким ребенком, она, возможно, верила в то, что ее мать убила отца, съев его.

Эта интерпретация произвела шоковый эффект и вызвала у Бенедикты поток воспоминаний — о ее матери, съедающей большую (чем предполагалось) часть мороженого Бенедикты и бесконечно долго обсуждающей свои постоянные проблемы пищеварения и выделения.

На следующий день Бенедикта рассказала сон, тема которого сводилась к тому, что гетеросексуальное желание и любовь ведут к смерти. В последние месяцы она говорила о своем сильном влечении и восхищении одним молодым человеком — кларнетистом. Хотя влечение оказалось взаимным, Бенедикта запретила себе действовать в соответствии со своим желанием на основании того, что этот ее друг был гораздо моложе ее. К тому же, поскольку она знала его мать, она отвела ему в своем сознании роль сына. Другими словами, она переживала эти отношения и их привлекательность, как инцестуозные по природе.

Бенедикта: В моем сне я восхищалась редкой и красивой птичкой... заключенной в кларнет. Я следила за ней как зачарованная. Затем я повернулась, чтобы рассказать об этом вам, и увидела на вашем лице взгляд, полный совершенного ужаса, потому что птичку раздавили в музыкальном инструменте. Его кровь (это был самец, я как-то узнала это) текла из всех дырочек, и его тело было изорвано в клочки. Я вдруг поняла, что он сейчас умрет и... проснулась.

Цепочка ассоциаций, возникшая в моем собственном сознании, пока я слушала рассказ Бенедикты о ее сне: птичка, чье тело было разорвано, и кровь, которая терялась через дырочки, вызвали у меня мысль о том, что этот образ мог иметь отношение к фантазиям Бенедикты о раке прямой кишки и смерти ее отца. Эта гипотеза подкреплялась еще и тем, что табу на инцест в сознании Бенедикты ассоциировалось с кларнетистом. Далее, инструмент мог стать во сне психическим представителем собственного полового органа Бенедикты, как опасного для любого мужчины, по отношению к которому она чувствует сексуальное влечение. Кроме того, в сновидении был проблеск странной и пугающей первичной сцены, воображаемой ребенком. Моя роль в сновидении сводилась к тому, чтобы показать Бенедикте ее ужас. (Аналитику обычно достается именно эта роль!) Ассоциации Бенедикты приняли этот фактор за отправную точку.

Бенедикта: Моя первая мысль... Я хочу, чтобы вы потрясли меня, возможно, ударили бы мне по мозгам своими интерпретациями. Как вчера... о моей матери, убившей отца, съев его. Может быть, женщины могут также и раздавить мужчин до смерти.

Дж.М.: *[Сейчас Бенедикта приглашает меня совершить вербальное насилие; своими словами я должна воплотить кастрационный и смертоносный образ, который маленькая Бенедикта в прошлом приписывала своей матери. Исследуя свои чувства переноса, Бенедикта задумалась о ярости и неистовой ревности, которые она испытывала к другим моим пациентам, а также о гневе, который она почувствовала, обнаружив имя моего мужа на почтовом ящике при входе в дом.]*

Бенедикта: В сущности, я хочу не только быть вашей единственной пациенткой, но и единственным человеком в вашей жизни.

Дж.М.: Поглотить меня?

Бенедикта: Да! Неужели я хочу раздавить вашу жизнь? Боже мой, я точно такая же, как моя мать! *[Фаллическая кастрация, представленная во сне, скрывает прототипную кастрационную фантазию, в которой сама жизнь подвергается опасности.]* Под маской любви моя мать высасывала кровь у меня из вен. *[Длинная пауза]* Это ужасно, обнаружить, что существует часть меня, желающая делать с людьми, которых я люблю, то же самое — особенно с мужчинами. Я никогда не позволяла себе любить и желать мужчину сексуально. Но когда моя любовь — женщина, это нечто иное. В любви я совершенствовала свое тело через тело другой женщины — при том, что она сама любила свое тело и получала удовольствие от занятий любовью. Потому там и не было смертоносного обмена. Это единственная вещь, которую моей матери не удалось раздавить и уничтожить!

Бенедикта хранила молчание, размышляя о меняющихся образах сновидения и последующих мыслях. Перед самым концом сессии она задала острый вопрос: «Но в чьем же теле я живу?» Тут Бенедикта затронула свое замешательство по поводу собственной сексуальной идентичности, и даже своей идентичности как отдельной личности, которое мучило ее с раннего детства.

В зеркале Бенедикты отражается новый образ

Заключительный фрагмент этой фазы ее анализа иллюстрирует связь между идентификациями с родителями и построением сексуальной идентичности. В случае Бенедикты эта задача развития оказалась более

сложной из-за внезапной потери отца. Травма не могла быть психически проработана, потому что мать сама не могла с ней справиться. Следующие фрагменты анализа были записаны на пятом году нашей совместной работы.

Бенедикта: [*Лежа на кушетке*] Я все время внимательно рассматриваю вас... вашу манеру держаться... вашу манеру ходить и сидеть... вашу одежду, вашу прическу, как вы накрашены.

Дж.М.: Чему вы надеетесь научиться путем этого исследования?

Бенедикта: Я хочу знать, как вы смотрите на себя как на женщину... на что это похоже — быть женщиной. Я не знаю, что такое женщина... так же, как и мужчина. В эти выходные, впервые за пять лет, я попыталась представить ваше *тело* под одеждой.

Последовало тяжелое молчание, как будто она боялась продолжать. Я тоже была потрясена тем, что она особо подчеркнула «пять лет» нашей аналитической работы, — подумав о тайном календаре, который мы обе ведем в нашем подсознании, и о том, что Бенедикте было пять лет, когда правду о ее умершем отце перестали отрицать.

Бенедикта: Но я не могла пойти дальше, думая о вашем теле, словно... я боялась, что вы бы... не одобрили этого.

Дж.М.: Что бы я не одобрила?

Бенедикта: Мне пришла мысль, что у вас, должно быть, есть, что скрывать.

Дж.М.: И что же я скрываю?

Бенедикта: Что-то вроде... увечья... или позорного уродства.

Тот факт, что несколько раз мы обсуждали представление о женщине как о кастрированном мужчине, привел меня к мысли, что текущие ассоциации были, скорее, связаны с фантазиями более первичными или более характерными для Бенедикты, чем с так называемой женской кастрацией. Я предложила ей попытаться представить более детально природу моего уродства, на что она ответила: «С прошлой пятницы мне тяжело разглашать все мои мысли... говорить о том, разоблачения чего я тщательно избегала с самого начала моего анализа».

Бенедикта продолжила, рассказав, как ее подруга Вероника несколько лет назад заметила, что волосы на лобке Бенедикты растут «по мужскому типу». Ее любовница сказала, что находит это привлекательным, но ее замечание вызвало у Бенедикты чувство взрывной ярости

и ненависти по отношению к ней. Всю свою жизнь Бенедикта страдала от впечатления, что ее тело безобразно и, как она часто называла это, «двусмысленно». Наблюдение Вероники неожиданно подтвердило эту давнишнюю фантазию.

Бенедикта: Поэтому я всегда ношу плотно облегающие джинсы и свитера в обтяжку. Если одежда болтается вокруг моего тела, это может создать впечатление, что я что-то скрываю... словно хочу, чтобы мои женские формы были бы незаметны, или страдаю по телу мужчины. Даже если в детстве я сознательно желала иметь мужское тело, сейчас я этого определенно не хочу. Но внезапное появление этих вторичных сексуальных признаков просто ужасает меня. Я годами не надевала шорты и купальники и совсем забросила плавание и загорание из-за этих уродливых волос.

В ответ на мой вопрос о «внезапном появлении» этих «мужских» лобковых волос, Бенедикта подробно объяснила, что насколько она может вспомнить, они появились вскоре после смерти мужа Фредерики. Несколько лет до этой совершенно неожиданной смерти Бенедикта, зная, что Фредерика была очень несчастна со своим мужем, страстно желала занять его место и часто фантазировала о том, каким способом убить его. Со времени его реальной смерти она часто задумывалась, не произвел ли шок от реальности, заменивший фантазию, «гормонального изменения».

Почти перед окончанием сессии я заметила Бенедикте, что она рассказала о ее собственном ощущении того, что она уродлива, но не была способна развить дальше свою фантазию о моем «позорном уродстве». Этим вечером, оставшись одна в своей квартире, Бенедикта осознала, что оба наших тела были женскими и могли бы быть сопоставлены, и это привело ее к убеждению, что она имеет право более детально изучить свое тело. На следующий день она описала свой опыт.

Бенедикта: Прошлым вечером, после сессии, я пыталась представить ваше тело и его сходство с моим и понять, что же запретного в этой мысли. Я встала перед зеркалом, впервые за много лет, глядя на себя обнаженную. Поверите ли — в расположении моих волос на лобке не было ничего плохого. Абсолютно ничего! Эта область не такая строго треугольная, какой должна была бы быть, но в ней нет и намек на что-либо мужское. И подумать только, все эти годы я скрывала свое «уродство» от всех!

Затем мы разбирали противоречивые чувства Бенедикты, последовавшие за смертью мужа Фредерики. С одной стороны, он, должно быть, умер до того, как она почувствовала уверенность в своем месте в мире. В ее воображении — это его смерть позволила ей обладать тем, что она не решалась взять от своей матери, — собственной женственностью, полученной в дар от другой женщины через ее женственность. В то же время, глубоко бессознательная фантазия вынуждала ее искать любой возможный след живой отцовской фигуры, которую она могла бы нести в себе. Через иллюзорное «гормональное изменение» она, кажется, довела до конца фантазию о *поглощении* мертвого мужа своей любовницы. Верила ли она в детстве в то, что она *стала* своим потерянным отцом путем схожего процесса первичной интернализации? В поиске обладания психическим представительством обоих родителей, способных придать ей статус личной и сексуальной идентичности, ценой, которую ей, видимо, пришлось заплатить за это, была ее собственная кастрация — потеря ее женственности.

Бенедикта: Вы были первым человеком, который сказал мне, что у меня было двое родителей. Сейчас я вижу, что я сохранила живые следы моего отца везде — и внутри себя, и снаружи. [*Я подумала про себя, что и профессиональная, и любовная жизнь Бенедикты является живым памятником ее умершему отцу.*] Я думаю еще, что вы, или любая женщина, должны остерегаться меня, так как у меня нет собственного женского тела. Я вновь получаю его только через тело другой женщины.

Дж.М.: Чтобы иметь собственное тело, — чтобы быть женщиной — вы должны лишить этого меня? Двух женщин быть не может?

Мне пришло в голову, что бессознательные идентификации в чем-то схожи с личной свободой. Свобода теряет свое значение, если сперва нужно на нее спросить позволения. Человек должен протянуть руку и взять ее! Чтобы установился твердый смысл сексуальной идентичности, нужна свобода для интернализации психических представлений обоих родителей. Понимание собственной сексуальности происходило у Бенедикты в смущающих, ограничивающих и травматических обстоятельствах, которые оставили ее лишь с частичной родовой и сексуальной идентификациями.

Бенедикта: Да! Это так, как будто я должна отобрать что-то у вас, но я не знаю, почему. Я все еще не могу представить, что может быть вашим уродством, а может, я передала вам свое воображаемое уродство?

Во всяком случае, у меня была об этом важная мысль. Я сказала себе, что я люблю вас и это неважно, какое уродство или телесный дефект вы, возможно, скрываете, это абсолютно не изменило моих чувств к вам.

Дж.М.: Другими словами, вы никогда не были уверены, что это также верно и для вас, — что вы тоже можете быть любимой, независимо от того, какое у вас тело и пол?

Бенедикта: *[Последовало удивленное молчание, прежде чем Бенедикта смогла заговорить; когда она ответила, ее голос дрожал от слез.]* Как странно... я никогда не верила в то, что я могу быть любимой, с моим телом, с моим полом. Просто такой, какая я есть. Просто потому, что я — это... я.

В течение нескольких недель, последовавших за этой фазой ее анализа, Бенедикта набралась смелости попросить свою мать рассказать ей более подробно об отце и ее отношениях с ним перед смертью. Ее мать ответила, что этот человек, возможно, не имеет никакого значения для Бенедикты, потому что дети этого возраста ничего не знают о своих отцах! Столкнувшись с настойчивостью Бенедикты, она добавила, что это ее отец заботился о ней, когда у нее резались зубки или она беспокойно спала. Он также постоянно помогал ухаживать за ней, потому что, в отличие от матери, не страдал отвращением к грязным пеленкам. «При виде его, ты приходила в возбуждение, прыгала в своих пеленках, полных дерьма, а он хватал тебя и обнимал, как будто ему это было абсолютно безразлично. Как видишь, он не был классическим отцом». *[Когда Бенедикта рассказывала об этом трогательном воспоминании, ее голос оборвался рыданиями. Я тоже готова была расплакаться.]*

Бенедикта: Я не понимаю, почему это так меня тронуло.

Дж.М.: Возможно, потому, что, не осознавая этого, ваша мать предоставила доказательство того, что ваш отец любил вас полностью; для него ваше тело и все его функции были драгоценными — как и вы сами.

При этом же разговоре Бенедикта выяснила, что ее отец умер, когда ей было 18 месяцев, а не 15, как она всегда думала. Его исчезновение из ее жизни тремя месяцами раньше было приравнено ко времени его смерти.

Этот фрагмент анализа Бенедикты иллюстрирует некоторые первичные элементы, которые способствуют возникновению чувства сексуальной идентичности и его отношение к акту творчества. Эти элементы включают в себя идентификации с обоими родителями, которые, в свою очередь, требуют способности разрешать бисексуальные и инцестуозные

желания детства, выдерживать сходство и различие, а так же принимать психические конфликты и душевную боль прошлого.

В случае Бенедикты травматический удар от внезапного исчезновения ее отца, когда ей было всего 15 месяцев, был усилен неспособностью ее матери посмотреть в лицо потере мужа. Ее попытка отрицать факт, что отец когда-либо реально существовал для своей дочери, заставила Бенедикту совершить магический ритуал оплакивания своего потерянного отца, по сути, путем превращения в него. В сравнительно короткий период времени она развила несколько пленительных сюжетов для будущих книг. Я почувствовала, что только какие-то крайние обстоятельства могли бы снова заставить этот творческий источник иссякнуть.

Я надеюсь, что этот фрагмент анализа Бенедикты передает кое-что из борьбы, которую маленькая девочка, пойманная в паутину травмирующих обстоятельств, вынуждена была вести, чтобы защитить свое чувство идентичности и свою сексуальность, а также говорит о том, какую важную роль эта борьба сыграла как в стимуляции, так и в параличе творческого потенциала Бенедикты. Ее сексуальная ориентация и ее творческая активность были данью умершему отцу и попытками пережить его потерю.

В последующие три года мы с Бенедиктой продолжали преодолевать новые препятствия, делая удивительные открытия по мере того, как продолжалась наша работа. Однако, травматические обстоятельства внезапно еще раз завели ее вновь обретенную творческую активность в тупик. И снова пришлось встретиться с яростными психическими бурями перед тем, как на горизонте появились новые берега.

Продолжение психоаналитического путешествия Бенедикты, описанное в следующей главе, высвечивает дальнейшие аспекты бессознательных источников торможения у творческих людей.

Глава 6

Травма и творчество

В существе, которое мы называем мужчиной, живет еще и женщина, а в женщине — мужчина. В том, что мужчина задумывается о рождении ребенка, нет ничего странного, кроме того, что это так упрямо отрицается.

Георг Гроддек

Приближаясь к шестому году своего аналитического путешествия, Бенедикта сделала несколько робких высказываний о необходимости завершения анализа. Я сказала ей, что мы сможем подумать о завершении в будущем году, а пока мы могли бы исследовать мысли и чувства, вызываемые предстоящей разлукой.

Бенедикту успокоило предложение продлить анализ еще на год, и она признала, что разговоры о необходимости завершения выражали ее желание, чтобы окончание лечения произошло по ее собственной инициативе. Она боялась, что я в любой момент могу решить, что наша совместная работа окончена! Мы смогли понять, что ее страшное предчувствие драматического конца без предупреждения было своеобразной попыткой вновь пережить внезапное исчезновения отца (и попыткой предотвратить шок от него), захватив инициативу расставания в собственные руки.

Хотя я никогда бы не закончила наше аналитическое сотрудничество «в любой момент», Бенедикта все же не ошибалась в своем предположении, что у меня возникали мысли попробовать закончить нашу совместную работу в будущем году. Казалось, что причины, по которым она изначально обратилась за помощью, исчезли, наряду со многими фобиями и другими затруднениями, и кроме того, ей уже было гораздо легче самой с собой, легче давались рабочие контакты и облегчилось общее отношение к жизни. Я также опасалась, что Бенедикта может вцепиться

в анализ как в замещение более необходимой ей любовной жизни, и продолжение анализа может в этом отношении мешать ее возвращению во внешний мир.

Однако несколько месяцев спустя тревожная атмосфера стала периодически распространяться на нашу аналитическую сцену. Незадолго до весенних каникул Бенедикта несколько раз сослалась на «письмо-поэму», которое она собиралась отдать мне в последний день перед двухнедельным перерывом. Это был самый необычный план Бенедикты, так как она никогда не позволяла себе «отыгрывания» такого рода. Мы обсудили возможный смысл ее желания отдать мне письмо-поэму, но без раскрытия его бессознательного значения. В конце последней сессии перед перерывом на каникулы она положила его на мой стол и попросила меня не читать его до следующего дня (к этому времени она должна была быть уже на юге Франции).

На следующий день, читая его, я почувствовала себя неудобно; я медленно осознавала, что оно создает впечатление запинаящихся шагов к смерти. Оно приведено ниже, я перевела его с французского как можно точнее, хотя красота строк в переводе в какой-то степени пропала.

Оно называется «Calencrier», что является игрой слов:

Calendrier — календарь и *encrier* — чернильница, то есть, получившееся слово вызывает ассоциации между хранилищем воспоминаний и творчеством писателя.

Calencrier

J'ai onze ans de plus que mon père, c'est contre-nature.

J'ai cinquante ans et sans doute que je n'ai pas fini de prendre de l'avance sur lui qui en a trente-neuf à tout casser, je veux dire à tout jamais.

Je l'ai connu, mais ma mémoire pas. Sa mort a suivi de trop près ma naissance, de dix-huit mois m'a-t-on dit, pour que ma mémoire ait pu prendre ses habitudes. Mais un jour, celui de mes trente-neuf ans à moi, ma mémoire m'a joué un tour. De magie. Elle a émergé de la surface, opaque pourtant, d'un miroir. Un miroir à main, laché aussitôt. Sept ans de malheur. Plus quatre. J'ai onze ans de plus que mon père, c'est contre-nature.

Calencrier. Sorti à l'instant de la plume de mon stylo à reservoir, ce sera d'asormais le titre de ma vie. Calencrier: jeu de mot. Justement.

Contre nature, elle aussi, l'encre est moins soumise que l'eau de la clepsydre. Elle remonte le temps, le suspend, le courbe en pleins et en déliés. Sous son empire, le temps n'a plus cours.

L'encre est moins visqueuse que le sperme, mais c'est elle, seule, ne fécondant que le papier, qui engendre. Etre l'enfant de l'encre qui paraphe son propre extrait de naissance. Ou ne pas être.

L'encre est moins épaisse que le sang. Elle ne coagule pas, vous tuant d'une embolie de la mémoire. Elle coule, fine comme les traits de l'alphabet ou des chiffres, et d'elle en découle la seule vérité: bleue nuit sur blanc.

La vérité est au fond du puits. Calencrier, puits du temps passé.

Вот мой перевод:

Чернильный календарь

Я на одиннадцать лет старше моего отца. Это против природы.

Мне пятьдесят, и, без сомнения, я буду становиться старше его, так как ему было всего тридцать девять, и таким он остался навсегда.

Я знала его, а моя память — нет. Его смерть последовала слишком быстро за моим рождением; мне говорили — восемнадцать месяцев. Слишком мало, чтобы в памяти остался след.

Но однажды, на тридцать девятом году жизни, моя память подшутила надо мной. Магически. Она появилась на поверхности скрытого зеркала. Ручного зеркальца, которое быстро разбилось. Семь лет несчастий. Затем — четыре. Я на одиннадцать лет старше моего отца. Это против природы.

Чернильный календарь. Сейчас текущий с моего пера, теперь он станет заголовком жизни. Чернильный календарь. Игра словами. Но она точна. Чернил ведь тоже нет в природе, и они подвластны времени куда меньше воды, утекшей в водяных часах. Чернила чинят время, приостанавливают его, гнут его сполна и слегка. Под их властью время больше не бежит.

Чернила не так липки, как сперма, но они одни способны оплодотворить бумагу, и она родит. Быть ребенком чернил, который подписывает свое собственное свидетельство о рождении. Или не быть.

Чернила не так густы, как кровь. Они не свертываются, чтобы убить тебя, закупорив память. Они текут, отчетливые, как очертания букв и цифр, и из них вытекает единственная истина: сине-черная на белом.

Истина лежит на дне колодца. Чернильный календарь, колодец прошедших времен.

Когда Бенедикта вернулась после каникул, моя тревога о ней не уменьшилась. И еще я заметила, что она, кажется, страдает от какой-то

физической боли. Она уверяла, что это чисто психологическое; я настаивала, что сперва — консультации с врачом, а психологические аспекты мы посмотрим позднее. Врачебная консультация обнаружила аномалию яичников. Следуя настороженным прогнозам двух гинекологов, их было решено удалить. Было очевидно, что оба врача предполагают рост раковой опухоли. Оказалось, что это не так, но состояние яичников был нехорошим, и их удалили.

Эта калечащая операция вызвала новую остановку писательской деятельности Бенедикты, и у нее наступил такой же паралич мысли и профессиональной деятельности, как и до лечения. Из-за серьезной операции и ее последствий я решила, что анализ далек от завершения.

У нас была договоренность, что во время двух недель госпитализации Бенедикта, если пожелает, будет продолжать аналитические сессии по телефону. Так она и поступила, рассказывая свои сновидения и обсуждая сюжеты рассказов и пьес, которые она напишет, вернувшись домой. Однако, после возвращения из больницы она снова оказалась в состоянии полного застоя в своей работе. Следующие записи были сделаны в процессе трех сессий через месяц после ее возвращения в анализ. Я выбрала их, чтобы осветить связь между болезнью, нарушающей сексуальную схему тела, и творческим процессом.

Сессия 1. О книгах и детях

Бенедикта: [*Она лежит и молчит несколько минут.*] Моя операция, это еще одна отвратительная тайна... как смерть моего отца — но самыми болезненными были намеки матери, что он все равно никогда меня не любил!

Бенедикта продолжает устанавливать связь между своей операцией и операцией ее отца по поводу рака прямой кишки. В «детской» ее части все еще сохраняется фантазия о том, что это мать виновна в его смерти. Как мы увидим, связь через тело и смерть показывает бессознательную фантазию Бенедикты о том, что ее мать виновна также и в ее овариэктомии (удалении яичников). Ее ассоциации обнаруживают, что в ее воображении этот аспект интернализованной матери нападает как на ее сексуальность в целом, так и на и ее яичники, в частности, тем самым лишая ее способности вынашивать детей.

Беспокойство Бенедикты по поводу романа, на котором она сейчас «застряла» (который она «не может родить»), становится в это время вдвойне мучительным. Его название, «Автор преступления», привело меня к нескольким вольным гипотезам относительно природы преступления *Бенедикты*. Например, в типично детской и мегаломанической манере, она (как многие единственные дети, или дети, у которых умерли отцы), возможно, бессознательно, верит в то, что это она уничтожила способность родителей когда-либо завести еще одного ребенка. Так что вполне может быть, что теперь, в результате, маленькая преступница-Бенедикта не может больше создавать ни детей, ни книги.

Я начинаю все больше и больше волноваться по поводу загадочных источников прекращения писательской деятельности Бенедикты, вновь оживших в результате кастрирующей операции. Перебирая про себя разные идеи, которые могли бы помочь мне лучше понять бессознательный конфликт Бенедикты, я вспоминаю замечание, однажды сделанное Бионом по этому поводу: «Хорошие писатели так ломают душу, что только гений может затем собрать ее!»

Бенедикта: Я думаю о вчерашнем сне про женщину, которая пыталась сойти с поезда: у нее были протезы там, где должны быть ноги; они еще не были прикреплены, но со временем предполагалось пользоваться ими, как ногами, — они были зашнурованы, как корсеты, которые носила моя бабушка.

Дж.М. [*Все ее теперешние ассоциации по поводу этого сна относятся к мужчинам, которые умерли, — ее отцу, ее дедушке, мужу ее любовницы Фредерики и т. д. Я указала ей на это.*]

Бенедикта: Да, все они мужчины, и к тому же — умершие! Возможно, эти протезы — мужчины? Или пенисы? Как будто женщинам нужна какая-то искусственная поддержка, если у них нет мужчин. Конечно, это послание я получила от матери.

Дж.М. [*Затем она рассказывает историю о пожилом друге, у которого была ампутирована нога, и он вплетается в ее дальнейшие ассоциативные связи (ноги — пенисы — ампутация — кастрация), напоминая о ее операции и о мучительных чувствах и тревоге, которые она вызвала.*]

Бенедикта: Я тоже «проампутирована».

Сейчас Бенедикта вспоминает о событии из своего прошлого, о котором, по-моему, никогда не упоминала за все годы анализа. (Здесь я должна добавить, что, когда два года спустя я спросила у Бенедикты

разрешения использовать этот фрагмент ее анализа для публикации, она сказала, что отчетливо помнит, как она *подробно рассказывала* о нем. Я удивилась, что забыла об этом, тем более что это происшествие обнаруживало ее настолько страстное желание иметь ребенка, что его приходилось отрицать. Поэтому я обязана спросить себя, почему я тоже, косвенным образом, через вытеснение, отрицала право Бенедикты на это желание! Не стала ли я бессознательно соучастницей кастрирующей матери? Не хотела ли я сама оставаться *единственной*, кто создает и детей, и книги? Этот вопрос до сих пор дает мне пищу для размышлений!)

Бенедикта: Рассказывала я вам когда-нибудь о моем единственном «ребенке»? Это была всего лишь надежда на него, как раз перед моим отъездом в Париж, после моего короткого романа с Адамом, о котором я рассказывала уже давно. Летом у меня совершенно пропали месячные. По всей вероятности, я была беременна, хотя никогда даже не думала об этом. Сумасшедшая! На самом деле я думала, что *не могу* забеременеть, потому что я не настоящая в этом отношении.

Дж.М.: У марсиан не бывает детей? [*Я предложила метафору марсианина несколько лет назад, в ответ на постоянное утверждение Бенедикты, что она — ни мужчина, ни женщина, и даже не уверена в своей принадлежности к роду человеческому. Она считала себя недо-разумением во всех отношениях.*]

Бенедикта: Конечно! Во всяком случае, таких, как у людей. [*Пауза*] Мне показали рентгеновские снимки моих яичников. У меня была фантазия, что в одном яичнике был сын Адама, а в другом — его дочь. Конечно, их нужно было вынуть из меня!

Дж.М.: Кукол-близнецов?

Бенедикта: Вы знаете, это то, что она сделала со мной — она никогда даже не хотела иметь дочь. Все, что она хотела, это куклу!

Здесь мать Бенедикты появляется, как маленькая девочка с куклами-детьми, которая подавляла (возможно) женскую сущность Бенедикты и ее желание иметь собственных детей. Какова бы ни была патология ее матери, в рассказе о ней определенно присутствует элемент проекции. Эта *маленькая девочка* имеет склонность представлять, как она влезает внутрь материнского тела, чтобы отобрать все ее сокровища: детей, отца и его пенис, тайны женственности. Эта общая фантазия, без сомнения, преобразовалась у Бенедикты в другую — *о мстящей матери*, которая уничтожила *ее* яичники, чтобы она не смогла выносить детей Адама.

Бенедикта: У меня есть два романа, ожидающие появления... так отчаянно... а я не могу взяться ни за один из них. Когда я встречаюсь с друзьями, я чувствую себя обманщицей; они все полагают, что я работаю.

Дж.М.: [Также Бенедикта часто называет себя «обманщицей», пытающейся «казаться женщиной». Этот материал, представленный с самого начала нашей совместной работы, с новой силой вернулся после ее операции.] Итак, вы удерживаете своих детей?

Бенедикта: Хм! Верно я думаю, что бессмертна, что время всегда будет. Можно долго ждать, чтобы создать что-либо! Может быть, вы правы. Я удерживаю. А еще, у меня часто возникает чувство, что если я использую все свои фантазии и мечты, у меня ничего не останется.

Здесь мы находим дальнейшую разработку фантазии, что интернализированная мать разрушила творчество Бенедикты. Теперь метафора отсылает нас к первичной фантазии о фекальной потере. Бенедикта с раздражением вспоминает, что все ее детство мать проявляла бесконечную заботу о функционировании желудка — Бенедикты и своего собственного. Фантазия Бенедикты о том, что «ничего не останется», если она позволит всем своим историям выйти наружу, заставляет предположить, что она переживает *регрессивный вариант* своего права на сексуальные и связанные с деторождением проявления: фантазию о фекальном опустошении пугающей матерью из детства. Она снова боится потерять все свое ценное содержимое. Сейчас эта бессознательная фантазия проецируется на «публику»: она опустошит ее.

Дж.М.: Это отказ быть щедрой, свободно отдавать? Как будто вы вынуждены удерживать что-то ценное?

Бенедикта: Не могли бы вы сказать немножко больше?

Дж.М.: Я думаю, это похоже на то, что романы *вызывают у вас запор*. [Эта метафора несла на себе большой груз, не только потому, что мать Бенедикты проявляла такую заботу о дефекации, но также и из-за смерти ее отца от рака прямой кишки. Любая мысль, где звучал анальный садизм или эротизм, либо намеки на фекальное функционирование, напоминала о причине его смерти.]

Бенедикта: Я действительно не хочу говорить о том, что у меня в мыслях... хорошо... Фредерика раскритиковала те несколько страниц, которые мне удалось из себя выжать... выдать. Она заставила меня почувствовать, что то, что я написала, вся история, это просто куча дерьма! Фредерика сказала: «Это все слишком сжато, слишком быстро... ты сделала его слишком тяжелым для читателя». [Длинная пауза.]

Меня еще вот что тревожит. Я словно должна не даваться публике в руки! Я должна сохранять дистанцию, когда пишу, должна быть осторожной и не давать читателю слишком много. В этом отношении Фредерика права. Она объяснила, что это не дерьмо, но что я не оставила места эмоциям. Ммм... результат оказался слишком ... э... запертым.

Дж.М.: *[В этом месте интересно поразмыслить над тем, в каких различных аспектах анонимная публика может представлять перед бессознательным писателя. Если Бенедикта приравнивает книги к детям или экскрементам, нас не удивит открытие, что ее публика воплощает негативные аспекты психического представительства ее матери, как того, кто уничтожит все ее внутреннее содержимое!]*

Бенедикта: И вот, я пишу и переписываю, и он все время становится все короче и напряженнее. Но где-то вовне ведь есть читатель и для меня!

Дж.М. *[Одновременно говорят две части Бенедикты. С одной стороны, она эзотерический писатель и не должна пытаться быть простой, лишь бы угодить воображаемой публике. Я говорю ей, что мы хорошо знаем, что где-то «вовне» есть искушенная публика и для ее таланта, но сейчас мы пытаемся с ней понять эмоциональные препятствия, стоящие перед ее творчеством: она приписывает своей публике определенные свойства, а это, в свою очередь, тормозит ее желание давать что-либо этой публике.]*

Бенедикта: Я этого не хотела... но, кажется, и не хочу это менять. И опять выходит то же самое. Как судьба! Как будто, если я не могу изменить прошлое, я не могу ничего изменить и в моих романах. *[Длинная пауза]* Я должна была умереть в сорок лет... но я продолжаю жить.

Меня еще вот что мучает. Как будто я не могу пойти дальше начала... начало моей истории начинается слишком рано, поэтому я переписываю его снова и снова. *[Длинная пауза]* Если я начала эту книгу так же, как и свою жизнь, то, конечно, я не хочу, чтобы такая конструкция держалась. Она должна рухнуть. *От меня не ожидали творчества!* И яичники свои я должна была потерять. Я люблю делать свои бесконечные записи, но когда приходит время родов, я вынуждена выкидывать их, прерывать беременность. Становлюсь ли я своей собственной матерью, той, которая уничтожила первый кусочек того, что я написала? Должна ли я уничтожать, чтобы исполнить свое предназначение? Чего же еще недостает?

Бенедикта невольно выдает ассоциации, которые подтверждают мою невысказанную гипотезу: ее неспособность что-либо создать в настоящее время обусловлена, по большей части, проекцией ее деструктивных тенденций на внутреннюю мать. Читатель был бессознательно приравнен к ней, а поэтому на него и были перепроецированы деструктивные тенденции Бенедикты. Таким образом, ей представляется, что она ни в коей мере не ответственна за самоподавление собственной продуктивности. Какой бы ни была патология ее матери, интересно, до какой степени ее собственная детская деструктивность может быть отражением ее инфантильной зависти? И хотя ее мать, видимо, была хорошей подпиткой для таких проективных фантазий, наше аналитическое исследование может относиться только к бессознательным мотивам самой Бенедикты.

Эти размышления вызывают новые вольные гипотезы о дальнейших возможных причинах тенденции Бенедикты нападать на свой творческий потенциал и о связи между этой разрушительной тенденцией и ее физической травмой. Не боится ли она, что если «родит» свою настоящую *книгу-ребенка*, то разрушит себя-ребенка, того, который обречен на неудачи, на падение, на выкидыш? Таким образом, она потеряет свою мазохистскую вовлеченность в ненавистные, но глубоко значимые отношения со своей матерью. Чувствует ли она себя виноватой не только потому, что считает себя ответственной за вдовство своей матери или за то, что она была единственным ребенком, но также и за низведение своей матери до уровня «ненастоящей», о чем она всегда заявляла?

Творчество и нарушение запретов

Чтобы родить что-либо высокохудожественное или интеллектуальное, нужно признать свое право быть одновременно и плодотворной маткой, и оплодотворяющим пенисом. Следовательно, всегда есть риск того, что творческий акт будет бессознательно переживаться как преступление против родителей. В ассоциациях Бенедикты есть тенденция к подобной фантазии, но в них всегда присутствует и метафора о ее творениях, как о «просто дерьме», которая вызывает у нее страх безвозвратной потери всех своих историй и персонажей. «Преступление» будет обнаружено — ведь она «марает бумагу» и намеренно показывает это всему миру.

Я вспоминаю здесь о «Карен» (упомянутой в «Театре души»), которая была у меня в анализе много лет назад. Талантливая актриса, Карен,

как и Бенедикта, выросла с проблематичным образом тела и нарушенным чувством своей сексуальной идентичности. Как и Бенедикта, Карен искала прибежища в объятиях любовниц. Она также обвиняла свою мать в том, что считает свое тело и его выделительные функции грязными. Маленьким ребенком Карен искренне верила, что только она производит фекалии, в то время как ее мать и сестры только мочатся. Карен страдала страхом перед сценой, когда бы ей ни приходилось появляться перед публикой; у нее преобладала фантазия, что зрители увидят, какую она «делает мерзость». Обсуждая бессознательное значение гомосексуальности как частичного разрешения психического конфликта (МакДугалл, 1978a), я раньше связывала этот вид анальной фантазии с типичным детским психическим представлением внутреннего отца и его пениса. Я бы добавила, что эта связь подкрепляется верой ребенка в то, что он или она не имеет права на *какое бы то ни было* эротическое или нарциссическое удовольствие, которое не зависит от воли и удовольствия матери. И в случае Карен, и в случае Бенедикты им явно было запрещено получать удовольствие от своей творческой деятельности и демонстрации конечного продукта: независимо от того, приравнивали ли они свои произведения к детям, фекалиям, удовольствию от любой телесной деятельности или раздражения эрогенной зоны.

Таким образом, на вопрос Бенедикты: «Чего же еще недостает?», — я ответила:

Дж.М.: Такое впечатление, что когда вы производите на свет что-либо, это не только опасно и запрещено, но и радости от этого быть не должно. Только боль. Вы ограничиваете свою радость [по-французски — *jouissance*] черновиками. [*Слово jouissance во французском имеет двойное значение: радость и пик сексуального наслаждения.*]

Бенедикта: Да, конечно, это уединенная радость... этого делать не положено.

Бенедикта тщательно прорабатывает эту «двусмысленность»: с одной стороны, она относится к аутоэротической активности, а с другой — к ее вере в то, что считаться надлежит только с удовольствием ее матери. Делать самой что-то стоящее или быть чем-то стоящим, уже оказывалось нарушением запрета. Поскольку спонтанная творческая активность, как и любая независимость, представляла собой нарциссическую угрозу ее матери, то она бессознательно угрожала и собственной целостности Бенедикты.

Эта сфера симптомов также тесно связана со степенью неудачи взрослого развития *промежуточного феномена* (Винникотт, 1951). Из концепции Винникотта следует, что если маленький ребенок не отваживается играть в присутствии матери, боясь, что мать перестанет интересоваться им, пока он играет, или завладеет игрой, позднее любое побуждение к творческой независимости будет чревато этой двойной опасностью. *Творить* — значит заявлять свои права на отдельное существование и личную идентичность. Много времени мы проработали с Бенедиктой над ее верой в то, что когда она пишет, она переступает границы бессознательного табу; она непокорна своей матери. Ее предназначением было возмещение ущерба, понесенного матерью, путем превращения в ее нарциссическое продолжение, и, таким образом, она получала прощение за смерть отца (магически убитого Бенедиктой-ребенком, одержимой мегаломанией).

В действительности Бенедикта поплатилась за свою жертвенную цель, так как ее неизменно отстраняли ради любовников матери. Эти любовники не только не терпели соперников; их существование сводило ее идентичность к нулю. Она интерпретировала сообщения своей матери как то, что она, Бенедикта, существует лишь как часть самой матери, таким образом, у нее не должно быть других желаний, кроме того, чтобы исполнять желания ее матери.

«Мы должны хорошо выглядеть для господина Е., правда?» — суежилась ее мать, пока одевала дочь и одевалась сама, готовясь к визиту поклонника. С раннего детства Бенедикта отказывалась быть «куколкой», чего, как она чувствовала, требовала ее мать; на самом деле, она яростно боролась против того, чтобы соответствовать ее ожиданиям, какими она их видела. Уступить означало «быть ничем», что равнялось психической смерти.

Во взрослой жизни Бенедикта всегда отказывалась присоединяться к любой деятельности своих друзей, в которой она чувствовала сходство с ролью куклы (например, в одевании для вечеринок или примерке забавных костюмов в праздничной атмосфере). Однако, она достигала своей цели *возмещения ущерба* в двух своих значимых отношениях с любовницами. В отношениях с каждой из них она фактически занимала место умершего мужа и вела себя с ними так, как, по ее мнению, ей следовало вести себя с матерью.

Теперь Бенедикта борется с принадлежащей переносу мыслью, которую, как она заявляет, ей трудно раскрыть.

Бенедикта: Я беспокоюсь за вас. Под Мирт была груда срочной почты, когда я ушла вчера. Помните, я спросила, не идут ли дела плохо?

(Черепаша Мирт, мое любимое пресс-папье, снова переключалось в мой кабинет из офиса. Примерно двумя годами раньше Бенедикта жаловалась, что ее мать написала ее имя в свидетельстве о рождении в мужском варианте, и это причиняло ей неприятности, когда она ходила в школу. Покидая в тот день кабинет, она спросила меня, как зовут мою черепаху. Возможно, из-за того, что тайны и правильные имена были таким болезненным вопросом, я сказала, что ее зовут «Мирт».)

В ответ на вопрос Бенедикты, который она задала в конце сессии предыдущего дня, я просто повторила ее вопрос: «Не идут ли дела плохо?»

Бенедикта: Я смотрю на все эти книги и бумаги, сваленные под окном... как будто вы не можете справиться со всем, что вам нужно сделать. А вызывающая тревогу мысль — такая: в вашей жизни больше нет мужчины. Даже зонты исчезли. *[Эта реплика требует пояснения. С ее прекрасным умением видеть детали и делать выводы из своих наблюдений Бенедикта часто говорила о двух зонтиках, которые мой муж оставлял на подставке в прихожей. Ее фантазия сводилась к тому, что у меня было два любовника, и один из них (который был «на сессии») ставил свой зонтик, чтобы предупредить другого о своем присутствии. Когда там стояли оба зонтика, она заявляла, что шокирована моим сексуальным поведением. Теперь же оба зонтика явно отсутствовали!]* Итак, мужчины вас покинули, вы совсем одна, сломленная, потому что просто не можете сделать всего в одиночку.

Дж.М.: Как Фредерика и Вероника, чьи мужья умерли? Вы магически убили их, заодно с вашим отцом. Может быть, теперь моя очередь?

Эта интерпретация застала ее врасплох. После сессии я записала, что мы проанализировали уже много версий, в которых она была убийцей мужей, поэтому сейчас возникает вопрос о еще одном измерении, о чем-то, что я прослушала в ее ассоциациях. Не представляет ли она, что несет в себе своего умершего отца? Или мертвого ребенка от него? Не стали ли «окаменевшие у нее в яичниках сын и дочь» также частями ее самой, которые она ощущает как мертвые? Какие-то или все эти возможности могли переживаться ее детским «Я», страдающим мегаломанией, как ее собственная вина: она виновата в смерти мужей и в том, что женщины оказываются покинутыми, неспособными ни с чем справиться, безжизненными.

Бенедикта часто представляет свою мать, как неживую, по сравнению с другими людьми. Чувствует ли она себя виноватой в том, что парализовала жизненные силы матери? Рождение ее романа, возможно, подтвердит, что его сюжет — не фантазия. Представляя наиболее значимые объекты своего внутреннего мира мертвыми или безжизненными, не является ли Бенедикта действительно автором реального преступления?

Затем я спросила себя, не поступает ли она схожим образом и со мной, когда мы «ходим кругами», как на нескольких последних сессиях. Если этот роман появится как результат нашей аналитической работы, то не только раскроется «преступление», но и она, должно быть, будет снова страдать, как в детстве, от непреодолимого чувства вины и страха, как от последствий ее рискованных действий. Предположим, что этот роман не выдумка, а правда! Такой страх мог присоединиться ко многим другим сложным причинам, по которым он должен оставаться «нерожденным».

Сессия 2. Двойственная идентичность, анальность и творческое торможение

Бенедикта: Как работаете вы? Вы не только строите мою... нашу... аналитическую историю, вы ведь делаете еще и что-то свое, не так ли?

Дж.М.: *[Анализанты часто чувствуют, что на определенных фазах их аналитического путешествия аналитики особенно стремятся к пониманию; они, по-видимому, нередко «знают», когда мы делаем записи после сессии. Бенедикта ощущает мой возросший интерес, ее вопрос подтверждает это. Я не отвечаю на него, пытаясь лучше заставить ее продолжить свою фантазию.]* У меня тоже есть бессознательное и скрытые мотивы?

Бенедикта: Да, именно об этом я порой думаю. Я стараюсь представить, что вы делаете с «нами», о чем вы думаете и что чувствуете по поводу того, что здесь происходит. Во всяком случае, я знаю, что я чувствую! Вы задели меня тем, как именно вы вчера облекли в слова то, что, как мне казалось, я выражала по поводу своего «застревания» в работе. Вы сказали: «запор». Это меня шокировало. Но еще неприятнее то, что вы намекали, что я не хочу давать. Это мне особенно не понравилось, потому что я лелею образ себя как человека исключительно щедрого, в то время как в действительности это абсолютно не так! Я не могу давать! Я не щедрая! Но вы не должны были знать об этом! *[Длинная*

пауза] Интересно, насколько это «удерживание» сказывается на моей работе? С каждой вещью так: как будто первого рывка достаточно. Я больше не хочу отдавать себя, свою историю. Предполагается, что читатель знает, о чем идет речь в дальнейшем.

Дж.М.: *[Хотя аспект анального удерживания играет ведущую роль в теперешних затруднениях Бенедикты, ее ассоциации подразумевают также всемогущественное требование понимания.]* Вас должны понимать без слов?

Бенедикта: Не то чтобы я совсем ничего не говорила — у меня в воображении присутствует публика. Но думаю, что это правда: я утаиваю большую часть своего «содержания». Моя мать пыталась вытащить из меня все, как будто все, что у меня было, все, чем я была, принадлежало ей, а не мне. Поэтому я скорее умру, чем рожу или сделаю что-нибудь для нее! *[Пауза]* Потом, меня еще мучает мысль, что этот мой роман, который я удерживаю, не будет соответствовать ничьим ожиданиям.

Дж.М.: *[Здесь мы улавливаем еще один намек на огромную значимость общественного признания, как одного из факторов, убеждающих творца, что ему (ей) отпущены его воображаемые грехи.]* Все еще фантазия о дерьме?

Бенедикта: Именно! Но у меня сложности и с моими персонажами. У них те же проблемы, что и у меня... Со вчерашнего дня это крутится у меня в голове. Мои персонажи не могут сделать больше, чем они уже сделали. Если они стараются немного больше раскрыться, они становятся такими, как моя мать — паршивыми актерами. Это все, что я могу сделать, чтобы удержать их на странице. У меня есть только две возможности: или я выдерживаю характер... так сказать, выдерживаю *мои характеры*, потому что они — часть меня... или мы кончим, как моя мать — будем, как настоящие, а на самом деле, полной дешевкой. Поэтому моя книга-ребенок оказывается уплощенной, двумерной. Чего-то не достает.

Дж.М.: Третьего измерения? Есть только два: быть или не быть — вашей матерью? *[Я вспомнила об утверждении Винникотта, об Истинном и Ложном «Я». Несомненно, Истинное Я, чтобы остаться живым и доступным, действительно нуждается в третьем измерении, которое представлено отцом и его важностью для матери. Мать, которая дорожит своими сексуальными и любовными отношениями с мужем, не будет использовать своего ребенка, как свое нарциссическое продолжение.]*

Бенедикта: Верно! Во всем, что я написала, всех моих персонажей-мужчин убивали. Я думаю, все они появляются лишь для того, чтобы воскресить моего отца; когда это сделано, они могут благополучно умереть. И под этим всегда есть тайный сюжет. Он должен быть тайным, потому что его нужно выразить на другом языке, отличном от того, на котором говорит мать. Мой язык — по ту и по эту сторону («au delà ou en deçà») от каждодневной речи. Может быть, это марсианский язык? Такой же, как мое марсианское тело — двусмысленное, с позорным дефектом, который всегда нужно скрывать. *[Пауза]* У меня никогда не было нормального тела.

Дж.М.: Что такое «нормальное» тело?

Бенедикта: Это тело человека, который *думает*, что тело, в котором он живет, — нормальное. Помните, Вероника однажды заметила, что мои лобковые волосы располагаются по мужскому типу, и я решила, что страдаю от гормонального дисбаланса после смерти мужа Фредерики? Вы позволили мне обнаружить, что это мое заблуждение. Между тем, я всегда с отчаянием смотрела на тела других людей. Они выглядели нормально. Затем я прочитала, что большинство людей чувствуют себя несчастными из-за своего тела. Это слегка помогало — думать, что другие страдают от того же, что и я.

Дж.М. *[Бенедикта продолжала, что хотя теперь она знает, что она не единственная женщина, которая мучается из-за этого, ее детские ощущения никак не помогли ей создать образ тела получше, и впоследствии — лучший образ своей личности. Здесь мы улавливаем намек на связь между теперешней травмой Бенедикты, связанной с овариоэктомией, и влиянием прошлых психических травм, которые сформировали ее существенно нарушенный, «двусмысленный» образ тела. Теперь она связывает этот новый инсайт с остановкой своей писательской деятельности.]*

Бенедикта: Интересно, не повлияло ли это двойственное чувство по отношению к своему телу и сексуальности и на моих персонажей тоже? Возьмем, например, убийцу, центральную фигуру, — даже *его* идентичность меняется! Читатель будет постоянно ломать голову. Фредерика тоже на это жаловалась.

Дж.М.: Читатель должен догадываться о его тайне? Так же, как вы в детстве размышляли над тайной отсутствия вашего отца?

Бенедикта: Да, это одна из проблем, которая вечно меня беспокоит. Но есть и еще одна заминка. Убийца знает свое дело; он знает, что его

преступление приближается к совершенству. Трудность в том, что он не знает *кого* убить. Еще до совершения преступления он все свое время проводит, замечая следы. Преступление должно совершиться в поезде, хотя я не знаю почему.

Дж.М. *[У меня в мыслях промелькнула уничтоженная «опера» Бенедикты, написанная ею в юности. Бенедикта помолчала с минуту, по-видимому, потому, что поезд как посланец смерти должен был остаться вытесненным. Затем, словно проникнув в мое сознание, она продолжила.]*

Бенедикта: Но кто же жертва? Я думаю, это должна быть история самоубийства. Как банально! *[Пауза]* Почему я заговорила о тайне? Ах, да — *тело*. Нужно уничтожить все следы тела! Или оно должно промелькнуть незаметно... в точности так, как я стараюсь делать на улице. Это мой способ дурить всех, так, что они не обнаруживают того, что у меня отвратительное, двусмысленное тело. Вот оно! Читатель должен *догадаться*, без какого-либо следа или ключа к разгадке!

Отрицанию подлежат не только сексуальные различия и сексуальная идентичность, но даже и отдельная идентичность — различие само по себе — должна быть покрыта тайной. «След», как мы уже видели, представляет собой внезапное исчезновение отца Бенедикты, которое подлежало отрицанию. К тому же его смерть оставила маленькую Бенедикту «без ключа» — кто кого убил и кто же, в действительности, есть кто?

Кроме того, «*manque à être*» (в терминологии Лакана), «недостающее» (чего всегда будет нехватать каждому человеку) также должно отрицаться. Это действительно так: детские ощущения Бенедикты не помогли ей в завершении процесса оплакивания, включенного в задачу становления личности. Сейчас она пытается компенсировать это через писательство, при условии, что она может позволить себе работать!

Сессия 3. Два голоса творения

Бенедикта: *[Торжествующе рассказывает, как полезно она провела выходные.]* Из четырех страниц они теперь превратились в семь с половиной. Мне бы очень хотелось принести вам оба варианта, чтобы вы смогли посмотреть, чего же недостает в каждом из них. Конечно, я знаю, что вы скажете: «*Это вы расскажите мне, чего здесь недостает;*

недостающая часть — внутри вас, покорная какой-то неизвестной силе». В глубине души я рада, что не могу и не принесу вам свою работу. Решение — во мне. Вы показали мне это с самого начала. *[Длинная пауза]*

Мне приходят в голову чаплинские «Огни большого города», с этим его выжиманием слез... впечатление, которое я иногда производила, сама не зная как.

Дж.М. *[Рассказы Бенедикты часто странно трогательные, несмотря на ее старания свести эмоциональный посыл к минимуму. Ее смущает реакция читателей, так как она считает, что создает сжатые формулировки, призванные раскрыть не более чем сложность драмы и взаимоотношений персонажей.]*

Бенедикта: Я не буду писать слезливые вещи! Моя мать — слезливая актриса — одна большая, тщательно продуманная ложь! Все ее чувства — именно этого сорта. Я никогда не буду писать подобным образом, даже если, как говорит Фредерика, я не оставляю места чувствам. Фальшь должна быть уничтожена, должно остаться только настоящее. *[Долгое болезненное молчание]*

Вы как-то сказали, что я всегда «пою в низком ключе». Именно так я это и ощущаю. Если я поднимаюсь выше, меня парализует страх сфальшивить. Я не могу не волноваться, что бы вы ни думали о моей теперешней работе. *[Пауза]* Мне было бы очень стыдно, если бы вы решили, что она плохо написана. Я думаю о письме-поэме, которое я отдала вам перед самыми весенними каникулами. Не только не нужно было делать этого, но как и все остальное, оно было недостаточно хорошо.

Дж.М.: Все то же нападение на все, что вы создаете.

Бенедикта: Да. Мой внутренний голос говорит мне: «Господи! Это ужасно!» Но он говорит это только тогда, когда кто-нибудь собирается посмотреть мою работу. Я начинаю ужасно себя чувствовать — мне страшно и стыдно. *[Мы долгое время проработали надо всем тем, что Бенедикта проецировала на свою публику, — части ее самой, от которых она избавлялась таким образом. Какой уровень инстинктивных фантазий о теле всплыл сейчас: анальное преступление или — кровавое?]* Я думаю, что по большей части, я сама — своя насмешливая публика, но стыд все равно справедлив! Проще быть графиком — как тот, кто делал ваши гравюры.

[Здесь Бенедикта ссылается на гравюры в моей приемной, выполненные Оливером, моим давним другом. Она часто размышляла о гравюре, его работе и моему выбору именно этих произведений для показа.]

Был он пациентом? Интересовал ли он меня больше, чем она? Могла ли я лучше помочь ему, потому что он — мужчина, как она была твердо уверена?] Оливер, как все художники, ожидает, что взгляд готов найти недостающие детали и заполнить пробелы. Почему я не могу ожидать того же в писательстве?

Дж.М.: В том, что вы говорите, есть две стороны. Первая — обоснованные рассуждения о литературном стиле. Но мы пытаемся добраться до деструктивных и стыдящих голосов в вас, которые вы приписываете публике и с которыми идентифицируется ваша работа. Вот вы и ожидаете нападения.

[После сессии, отслеживая деструктивное отношение Бенедикты к писательству, я пришла к тем же гипотезам: каждый ребенок мечтает украсть творческий потенциал родителей; творческие люди склонны чувствовать вину за то, что напали на своих родителей и повредили им (или их интрапсихическим представлениям). Однако эти фантазии никогда не приближаются у Бенедикты к осознанию настолько, чтобы можно было дать такую интерпретацию, и я должна быть осторожной, или она «похитит» эту идею, чтобы угодить мне! Тем не менее, в вышеупомянутых ассоциациях я почувствовала, что она предлагает мне идеи, касающиеся темы фальши, над которыми мы можем вместе поработать. Я решаюсь предположить возможность ее чувства вины за неудачи матери.]

Дж.М.: Вы очень боитесь создать что-то фальшивое и позорное, что придется скрывать. Вы используете эти похожие слова, чтобы описать вашу мать, настаивая, что все, что она делает, — фальшивое. Кажется, вы не только боитесь стать ею, но она словно ваше собственное творение, причем — ужасное.

Бенедикта: О! Это новая мысль! Правда, мне стыдно за нее. Неужели я могла создать такой ее образ?

Дж.М.: *[Бенедикта никогда не принимала никаких терапевтических вмешательств, подразумевающих, что в ее жизни был период, когда она могла чувствовать себя зависимой от своей матери, любящей ее, нуждающейся в ней, желающей прильнуть к ней. Возможно, после исчезновения ее преданного отца ее потребность была настолько непреодолимой, что чрезмерная зависимость взлелеяла зависть и деструктивные чувства, слишком сильные, чтобы быть осознанными. Через связь со своей работой Бенедикта наконец-то стала способной проработать возможные чувства вины по отношению к матери.]*

На днях вы смотрели на меня, как на полностью сломленную, одинокую, без мужчины.

Бенедикта: Да, я полагаю, вы были ею. Может, это я сломила ее и ввергла в эту вечную фальшь? Это правда, я вспоминаю ощущение, что все плохое с ней было по моей вине. Из-за меня ей пришлось вернуться в дом моей бабушки, где она была так несчастна. Она ненавидела свою мать, а я любила бабушку и нуждалась в ней. Если бы у моей матери не было детей, если бы только она была «просто вдовой», ее жизнь была бы другой. Ей бы *не пришлось* возвращаться к матери. Когда она выглядела страшно или противно, я была уверена, что это тоже вызвано мной.

[Впервые за годы нашей совместной работы, Бенедикта наконец признает свою инфантильную мегаломанию, общую для всех детей, — веру в то, что она ответственна за все, что когда-либо случилось в ее прошлом. После долгого молчания она продолжает.] Знаете, когда твоя собственная мать не может ответить на вопрос, все рушится. До этого она всегда казалась такой умной. Когда однажды ты задаешь вопрос, а она не может ответить, ты сразу превращаешь ее в дуру! Если бы я не задавала никаких вопросов... впрочем, какая разница, что бы тогда было!

Дж.М.: «Не спрашивай, и я тебе не совру»?

Бенедикта: Именно! Если бы я не задавала вопросов, мне бы так не врили! Да, это я превратила ее в лгунью. Я это с ней сделала. Итак, вы показываете мне, что мое заявление о ее фальши — это одна из фальшивых нот в моей песне? Это как-то связано с тем, что я не могу писать?

Дж.М.: Может быть, вы задаете своим персонажам неправильные вопросы? *[Я должна признать, что я не понимала, что побудило меня сказать это, или что у меня было на уме, но, как мы увидим, этот вопрос расшевелил в Бенедикте некоторые важные идеи.]*

Бенедикта: Да! Еще до того, как я ловлю их в капкан слов, я уже запираю их, запикиваю их обратно в дом, где они не могут дышать или жить, точно так же, как я запикивала мою мать в дом ее матери. А потом, после того, как мы уехали от бабушки, чтобы жить в другом доме, я действительно чаще всего чувствовала, что стыжусь своей матери, особенно со всеми ее любовниками. Они были наказанием за мои преступления, за то, что я не сохранила жизнь своему отцу, за все, что я сделала ей. Я не принесла ей ничего, кроме вреда. Любовники существовали для того, чтобы сделать то, чего я не смогла: они делали ее хорошей. Она всеми способами демонстрировала это. Вся ее внешность менялась. Эта

чрезмерная и фальшивая эмоциональность исчезла; она становилась совершенно другим человеком, как только рядом появлялся мужчина. Конечно, они были сильнее меня и давали ей то, что я дать не могла, — все то, что, наверное, я бы хотела дать ей!

[Неожиданно Бенедикта смеется.] Я была так счастлива у бабушки. *[Ее голос сразу становится серьезным.]* О, я думаю, я предпочла себя моей матери. Я отобрала у нее мужа и лишила ее постоянного театра, единственного ее желания: ей хотелось сиять «на сцене», с мужчиной. Она очень явно сделала трагедию из своей ситуации, и, конечно, я понимала, что ее трагедией была я. Я не должна была победить после всего, что я сделала. Я должна была быть неудачницей. Может быть... интересно, не этим ли я все еще занимаюсь? Когда я пишу так, как я это делаю, — это способ исправить все, что я сделала ей? Или, когда я не могу писать, отказаться от этого? Вы сказали, что среди недостающего в этих внутренних голосах был голос моего отца. У нее не было ответов — только фальшивые, подержанные идеи. Мне нужен был отец... я думаю о Давиде...

Дж.М. *[Давид — мужчина, с которым у Бенедикты были длительные отношения и который оставался ее близким другом. Она отказалась от совместной жизни с ним по многим сложным причинам, некоторые из них были связаны с ее глубокой потребностью возвращать себе чувство телесной и нарциссической целостности, любя женщину. Нормальная интеграция первичных гомосексуальных желаний прошла искаженно; таким образом, она вынуждена была искать недостающие идентификации своего психического мира в мире внешнем. Она получала огромное удовольствие от занятий любовью со своими немногочисленными любовниками-мужчинами, но затем она всегда чувствовала себя потерянной и опустошенной, «как будто я не получаю обратно своего тела». По ее словам, лесбийские любовные отношения позволяли ей чувствовать себя женщиной, стать женщиной. Я стала задавать себе вопрос, не служит ли ее писательство той же цели.]*

Бенедикта: Как Давид смотрел на вещи, как он заставлял меня выслушивать другую точку зрения, — это был мужской дискурс. Я чувствовала его присутствие и силу его отличия. То, что он мне говорил, было важным, и я должна была понимать это. Может, этого недостает в моей работе? Страстное желание этого голоса — конечно, часть моего «низкого ключа», но это желание, должно быть, оставалось почти беззвучным, так что я и не слышу его как следует.

Дж.М.: Как будто вы не можете «петь в другом ключе»? Слышать оба? Быть и мужчиной, и женщиной в вашей манере письма?

Бенедикта: Да! Я не могу позволить своим персонажам распростиаться, *потому что они — мужчины*. Знаете, мой страх написать мыльную оперу также связан с этой проблемой. Если я превращу своего отца или дедушку в персонажей мыльной оперы, без какой бы то ни было реальности, меня убить мало!

Дж.М.: То есть, эти мужские персонажи не могут быть полностью живыми? Вы, может быть, разрушаете их?

Бенедикта: О! Какое открытие! Все мои мужские персонажи, естественно, — хорошие отцы, но кроме всего, они еще и... *хорошие матери*! Это их настоящее призвание! *[Длинная пауза]* Возможно, я не способна вызывать к жизни мужчину... Не в этом ли секрет моей неспособности писать? Не в этом ли секрет моей любви? Может быть, я могу воссоздавать, любить только женщину?

Это были заключительные замечания Бенедикты в конце сессии. Так как сессия проходила незадолго до летнего отпуска, затронутые вопросы исследовались преимущественно относительно переноса: насколько я была «плохой» матерью, собиравшейся бросить Бенедикту на предстоящие недели. Первыми словами Бенедикты на сессии после каникул были: «Я писала все лето, и шло неплохо». Когда я осведомилась о ее романе, она удивила меня, сказав, что ее не волнует «этот старый хлам», а затем сказала мне, что она провела лето за работой над пьесой, персонажами которой были только женщины!

Соматизация травмы и аналитический процесс

Анализ Бенедикты продолжился и на следующий год, в течение которого мы вновь исследовали психическое значение овариоэктомии по отношению к творчеству Бенедикты, а также возможный «смысл» соматического заболевания как такового.

Перед тем как завершить наше исследование элементов, тормозящих творчество, необходимо задуматься о природе самой травмы и о клинических и теоретических проблемах, возникающих в то время, когда травматичные события случаются по ходу психоаналитического лечения.

Событие может считаться «травматичным» только в том случае, если оно впоследствии вызывает психическую *реорганизацию* симптоматичного характера. К тому же событие, происходящее в настоящее время, в общем-то, оказывается травматичным только до той степени, в какой оно воссоздает психическую травму прошлого.

О том, что перед окончанием длительного анализа или вскоре после него иногда возникают серьезные соматические срывы, написано немного. Мое собственное исследование, а точнее, простая констатация факта, состоит в том, что довольно часто пациенты, которые обращались ко мне повторно, как правило, описывали заболевания, последовавшие за окончанием явно удачного аналитического предприятия. Кроме того, некоторые анализанты (у меня было пять таких случаев за 35 лет практики) заболевали соматически, как только *приближались к окончанию* своего анализа. И хотя физическое заболевание могло возникнуть по любой другой причине, тем не менее, важно задаться вопросом, не становятся ли непроанализированные архаические фантазии и неосознанные психотические страхи более подвижными, «скорыми на подъем», тем самым увеличивая психосоматическую уязвимость пациента, когда приближается окончание психоаналитического лечения.

Физическая травма и творческое торможение

Так какая же связь между травмой и творческой активностью? Как показывает предыдущий фрагмент анализа Бенедикты, творческий акт может быть определен, как слияние мужских и женских элементов в психической структуре. Недостаток интеграции одного из полюсов детских психических бисексуальных желаний вполне может вызывать творческий паралич. Аналогично любое событие, которое угрожает уничтожением хрупкого баланса бисексуальных фантазий в бессознательном, также может вызвать резкое торможение в интеллектуальной, научной или художественной сфере творчества.

Принимая как данность бисексуальный фундамент творчества, необходимо выяснить, не отличается ли женская творческая активность от мужской. В моем клиническом опыте я заметила, что мужчины, страдающие *торможением* в своих художественных, интеллектуальных,

профессиональных или деловых задачах, склонны бессознательно переживать его как форму *кастрации*; у женщин тот же самый паралич чаще бессознательно уравнивается с *бесплодием* — которое в бессознательном также переживается как кастрация. (Эта фантазия ясно проявлялась в случае Бенедикты).

Таким образом, понятно, что любое травматичное нарушение соматического функционирования или телесной целостности — особенно, когда оно затрагивает генитальные и репродуктивные функции, — может вызвать сильное художественное и интеллектуальное торможение. Эта потенциальная хрупкость является неотъемлемой частью творческого процесса.

Я завершаю свои размышления над тайнами творческого процесса в надежде, что мне, с помощью моих анализантов, удалось осветить некоторые его неуловимые элементы и рассказать об этом.

Часть III

ПОЛ И ТЕЛО

Глава 7

Архаичная сексуальность и психосоматика

Мои психоаналитические исследования все более обращались к концептуализации матрицы тело-сознание и к следам самых ранних форм психической структуры в психоаналитической ситуации, чтобы достичь более глубокого понимания их постоянного влияния на растущего ребенка и будущего взрослого. Эти следы неизбежно окрашены бессознательным родителей и их проекциями на данного ребенка, а также внутренними и внешними событиями, окружающими зачатие и рождение ребенка.

При пробуждении психической жизни либидинозные и агрессивные стремления особенно трудно различимы. То, что позднее вербально идентифицируется, как эмоции «любви» и «ненависти», неизбежно смешивается одно с другим. Это смешение может сохраниться и до зрелости, вызывая у взрослого человека чувство, что его отношения с людьми крайне расстроены. Бессознательное уравнивание любви и ненависти иногда вызывает чувство паники, но чаще оно порождает тотальное исключение из рассмотрения возбуждаемого им психического конфликта, тем самым увеличивая психосоматическую уязвимость, или, реже, вызывает периоды психотической декомпенсации. Эта крайняя реакция декомпенсации, при которой слова теряют прочную связь с миром вещей, прекрасно описана новозеландским автором Жанет Фрайм (1988), переносящей нас в мир нереального:

...Сейчас будет внезапное уничтожение обычного восприятия удаленности и близости, взорвутся железные обручи, которые когда-то стягивали вместилище сознания. Восприятие времени и пространства постепенно утекает, хотя форма сперва остается, словно все еще накрепко стянутая, но посмотри получше, и увидишь расширяющиеся щели в том, что всегда считала основой восприятия. Близко и далеко, тогда и сейчас, здесь и там, домашние слова языка пространства и времени оказываются бесполезными горами щебня.

Если мы примем, что раннее структурное развитие психики зависит в большой степени от бессознательных страхов матери и отца, их желаний и проективных ожиданий от данного ребенка, кажется правдоподобным предположение, что их ценностные суждения внедряют в сознание растущего ребенка прочный шаблон убеждений, касающихся его (или ее) биологической, сексуальной и психосоциальной идентичности.

Хотя то, что передается родителями, играет определяющую роль в оформлении психической структуры ребенка, его врожденные ресурсы тоже являются определяющей силой, что и создает поле выбора в процессе роста. Концепция Даниила Штерна (1985) о «сердцевине Собственного Я» новорожденного охватывает этот творческий аспект психики младенца. В анализе взрослых мы часто обнаруживаем, что ребенок, вместо полной идентификации с желаниями и тревогами внешних (и, позднее, внутренних) родителей, легко создает внутри себя сильные противоиdentификации с родительскими требованиями. Они достаточно сильны для создания противоположных личностных паттернов, отличных от родительских и наделяющих структуру характера аналогичным компульсивным динамизмом, чтобы поддерживать чувство личной и сексуальной идентичности.

Такая позиция не приобретается без жестокой тревоги о природе своей идентичности и праве на нее. Психическая экономия может даже потребовать разъединения связей между психикой и телом, предпочитая остаться в плену тревог психотического типа, таких как страх телесной или психической фрагментации или многие невротические страхи. До какой степени хрупкость психической и соматической конституции в любом данном индивиде наследственна? Давайте остановимся на время, чтобы обсудить вопрос о «роковых» обстоятельствах и понятие «психосоматической судьбы».

Соматизация: рок или предназначение?¹

Противопоставляя понятия «рока» и «предназначения», я опираюсь на концепцию Кристофера Болласа (1989), который пишет, что рок — случаен, над ним у человека нет контроля, в противоположность «влечению предназначения», которое Боллас определяет как «необходимость использовать объекты, чтобы усилить свою истинную сущность и, следовательно, стать самим собой». Боллас рассматривает влечение предназначения как дополнительный к структуре характера элемент, который, поэтому, может быть использован в борьбе с роковыми событиями, с «судьбой».

«Рок» определяется во многих словарях как нечто неумолимое и непереносимое. Рок — это то, что часто «предрекают» оракулы и пророки. Другими словами, он зависит, в большой степени, от произнесенных вслух слов. «Предназначение», напротив, включает в себя *потенциал*, подразумевает, скорее, действие самого человека, чем навязанные ему слова. Как пишет об этом Боллас: «если повезет, свое предназначение можно исполнить». В греческой мифологии судьба считалась исходящей из неподвластных богам сил. В «Жизни Расина» Мориак (1950) писал: «Мы все плетем свою судьбу, вытягиваем ее из себя, как паука свою паутинку».

Предназначение поэтому можно рассматривать как существенный и определяющий элемент нашей жизни, но такой, который позволяет изменять ее течение. Рок, с другой стороны, заключает в себе те внешние события, над которыми у нас нет какого бы то ни было контроля. С психоаналитической точки зрения, роковые события — это неизбежные универсальные травмы человечества: зависимость от других, половые различия, старение и смерть.

Для аналитического слуха связь понятия судьбы с объявленным приговором звучит колоколом, так как судьба приводит в исполнение

¹ Как уже говорилось в примечаниях к «Прологу», в русском языке есть и судьба, и рок, и предназначение. Судьба — то, что суждено (сказано). Присудили, значит. И остается покориться судьбе.

Но с судьбой можно и поспорить. Судьбу, в конце концов, обретают, согласно народной мудрости, как плод действий, совершенных по собственной воле: посеешь поступок, пожнешь характер, посеешь характер, пожнешь судьбу.— *Прим. перев.*

суждения родителей (как и их звучное молчание), перед которыми ребенок наг и беззащитен все свое младенчество. С этой точки зрения, родительский дискурс напоминает роковое наследство, которое может оказаться могущественным в качестве атипичного, травматичного события в жизни маленького ребенка. Предназначение, напротив, говорит о ходе событий, над которыми у ребенка, возможно, будет контроль.

Различие судьбы-рока и судьбы-предназначения можно психоаналитически подытожить так: *никто не отвечает за удары судьбы или за бремя, возложенное значимыми объектами детства. Но, в конечном счете, мы одни отвечаем за наши внутренние объекты и за управление своим психическим миром с его могущественным влечением предназначения.*

Я бы добавила к концепции влечения предназначения Болласа (надеясь, что я ее не искажаю), что это влечение может привести и к *неверному истолкованию* жизненных сил, служащих сердцевине Собственного Я (или истиной сущности). В клинической работе мы часто встречаемся с пациентами, чье влечение предназначения кажется прикованным к сохранению (неважно, какой ценой) первичных детских решений в ответ на травматичные или роковые события и отношения прошлого. Из этого следует, что эта безжалостная сила повторения служит цели *психического выживания*, «выживания как существа», как индивидуального субъекта, как аспекта истинной сущности, даже в своих явно патологических измерениях.

Я собираюсь оспорить здесь концепцию Фрейда о «вынужденном повторении», как служащем исключительно влечению к смерти. Вынуждение *сохранять и повторять* — эти глубоко бессознательные паттерны поведения, включая те, которые явно патологичны, часто оказывается *на стороне жизни*.

Возможно то, что я называю влечением к психическому выживанию (а именно, сохранение нетронутого чувства личной и сексуальной идентичности), — это эквивалент влечения предназначения Болласа. Но я считаю, что добавляю дальнейшие гипотезы к этой важной концепции, предполагая, что творческая движущая сила истинной сущности может также быть ответственной за определенные патологические повторения, которые в то же время представляют собой попытку остаться психически и физически живым.

Тело и душа: рок против предназначения

Наша соматическая конституция кажется частью нашего рокового наследства. Точно также мы можем предположить, что наша смерть тоже биологически запрограммирована, хотя очевидно, что многие люди умирают «неправильно», то есть от причин, пересиливших их биологические часы. Сходным образом, многие респираторные дисфункции, кожные аллергии, желудочные расстройства и тому подобное часто представляются врожденной слабостью. Следовательно, и их тоже можно рассматривать как роковое физиологическое наследство. Однако, в той степени, в какой на эти якобы унаследованные факторы влияют бессознательные фантазии «наследника», структура его характера и особенности психической экономии, психическое предназначение явно прикладывает руку к оформлению и сохранению соматических недугов, которые выпали на нашу участь.

Такой взгляд допускает потенциальную возможность психологических (и, следовательно, биологических) перемен в результате психоаналитического исследования инфравербального архаического символизма, на котором основаны соматические явления. Как ранее упоминалось, многие анализанты расстаются со своими всю жизнь длившимися аллергиями, склонностью к язве желудка, с повышенным кровяным давлением, респираторными и кардиологическими дисфункциями в качестве неожиданного эффекта от продолжительного анализа. Сам факт, что мы называем физическое заболевание *психосоматическим* явлением, наводит на мысль, что в нем участвуют и рок, и предназначение. Их влияние могут прояснить иллюстрации, выбранные из моей работы с анализантами, которые разыгрывали свои психосоматические драмы на аналитической сцене.

Мой интерес к психосоматическим явлениям впервые пробудили некоторые загадочные клинические наблюдения. Одна из моих первых взрослых пациенток, Луиза, жаловалась, что когда она чувствует себя обязанной совершить еще один ритуальный визит к матери, ее *астма* все больше обостряется, чем ближе она подъезжает к Страсбургу, где родилась она и где так и живет ее мать. Затем я заметила, что *язва Жана-Поля* регулярно разыгрывается перед каждым моим отпуском. Я заинтересовалась, не имеют ли болезни Жана-Поля, Луизы и других скрытого символического значения? А если так, что за сообщение они несут?

Наблюдение иного рода вызвало у меня настоящий шок, когда один из моих анализантов, Пьер, повторно, будто бы по *роковой* случайности попал в автокатастрофу на своем мотоцикле, что на этот раз привело к отслоению сетчатки. Позднее открылось, что ребенком он постоянно попадал в несчастные случаи. Как и многие другие пациенты, разделявшие с ним его энергичный, спортивный и агрессивно интеллектуальный подход к жизни, Пьер, видимо, страдал от телесного вреда, явно причиняемого себе им же самим.

Я стала взвешивать возможность психодинамических соотношений между «склонными к несчастьям» личностями вроде Пьера и теми, чьи психосоматические проявления были сходны с болезнями Луизы и Жана-Поля. Более того, я спрашивала себя, какую роль могли играть в этих случаях отрицаемые суицидные тенденции, неосознанный гнев или смещенные эротические желания высоко конфликтной природы.

Тайный календарь и символическое значение симптомов

Другое, по-видимости роковое, обстоятельство, на которое мне часто приходилось обращать внимание в ходе моей клинической работы, это «тайный календарь», который любой человек прячет в самых глубоких слоях своей психической структуры. Этот тайный календарь соблюдается особенно в отношении возраста, дат, времени или сезона, когда впервые случилось или повторилось серьезное соматическое заболевание. Память тела тоже представляется здесь немаловажной. Очевидно, что тело и его соматическое функционирование находятся в значительной степени под воздействием вынужденного повторения. Но, кроме того, у людей часто есть глубокое и роковое убеждение, что их участь — заболеть или даже умереть от данной болезни и в данное время, словно они подписали бессознательный «контракт» с теми, кто ухаживал за ними во младенчестве. У таких пациентов я часто наблюдала явление, которое, видимо, указывает, что у них «есть право» *выжить*, но они должны заплатить за это право тем, что их жизнь будет лишена чувств, чтобы не нарушался запрет быть по-настоящему, полностью *живым*. Сходные клинические наблюдения побудили психоаналитика, Поля Лефевра, занимающегося проблемами психосоматики, написать статью «Фаустова сделка» (1989), в которой он описывает пациентов,

усвоивших (видимо, от родителей), что «они могут жить, но не дольше определенного возраста».

Иногда такие фантазии и сами соматические события можно понимать, как продукт истерической конверсии, но чаще они представляются инициаторами такой формы психосоматического взрыва, который я называю «архаичной истерией». Этому понятию (МакДугалл, 1989) служит примером моя работа с Тимом, с которым в возрасте 40 лет случился роковой инфаркт (у его отца был инфаркт в том же возрасте), но он выжил. Причины, по которым он не обратил внимания на опасность угрожающей жизни болезни, а почти нарочно подвергался ей, были прослежены до того элемента его психической экономии, роковые истоки которого лежали в его раннем детстве и, казалось, были тщательно направлены на борьбу с ужасом, который испытывала его мать перед любым проявлением чувств.

Пытаясь концептуализировать динамическое значение психосоматических симптомов и психическое усилия по их продуцированию, я изучала работы членов проекта «Парижские психосоматические исследования», которые ввели важное понятие — «операторное мышление» (прагматический и делибидинизированный способ общения с другими и с собой). Их теории вызвали значительный интерес в Бостонской школе психосоматических исследований, вдохновляемой Питером Сифнеосом и Джоном Немиа. Продолжая работу Парижской школы, они добавили понятие «алекситимия» (состояние, когда человек не может описать свои аффективные переживания или отличить одну эмоцию от другой). Обе исследовательские школы постепенно выработали теорию причинной связи, которая, кажется, склоняется в пользу скорее неврологии, чем динамической психологии.

Хотя я нахожу, что их работа во многом стимулирует, передо мной попрежнему стоит беспокойный вопрос: «Должна ли я принять теории этих выдающихся исследователей психосоматики, которые предполагают, что такие заболевания, как язвенный колит, бронхиальная астма, язва желудка, гипертония, заболевания щитовидной железы, гинекологическая и кардиологическая патология и бесчисленные дерматологические и респираторные аллергии, лишены символического значения?» Мне не кажется правдоподобным, чтобы эти заболевания могли быть никак и не связаны с драмами любви и ненависти раннего детства. Исследования психосоматических специалистов указывают, как представляется, что эти пациенты страдают от преобладающе невроанатомии-

ческих дефектов, иными словами, от роковой участи. И потому неизлечимы. Но разве невозможно, чтобы то же самое психосоматическое явление могло возникнуть в ответ не столько на генетическое предписание, сколько на *потребность защититься против невысказанной, в буквальном смысле слова (и потому получающей телесное воплощение), физической боли?*

При первом размышлении о возможном значении соматических явлений, к которым анализанты неумышленно привлекали мое озадаченное внимание (потому что психосоматическое заболевание никогда не было причиной обращения), стало сразу очевидно, что такие проявления не попадают в категорию *невротических* истерических явлений (Мак-Дугалл, 1982, 1985б). Работая на основе психоаналитических теорий причинности (отличных от невроанатомических, но их не исключających), я наблюдала скрытые конфликты скорее *психотической*, чем невротической природы: например, физическая любовь была эквивалентом пожирания; или, на более тонком уровне эмоциональных отношений, любовь и сублимационные интересы приравнивались к мочеиспусканию и испражнению в качестве привилегированной формы любовного обмена и продукта профессиональной деятельности.

Во многих случаях продолжительный анализ этих первичных эротических фантазий, которые часто проявлялись в отношениях переноса, привел к исчезновению соматических симптомов и ослаблению интеллектуальных и творческих запретов, к моему и пациента удивлению. В Главе 6 мы исследовали отношение архаичных сексуальных фантазий к творческой и новаторской деятельности. Здесь мы сфокусируемся на связях первичной сексуальности и разнообразных явлений соматизации у взрослых пациентов.

Соматизация: отражение архаичной и догенитальной сексуальности

На протяжении моих долгих клинических наблюдений я заметила, что текущие переживания, вызывающие конфликт, душевную боль или необычно приятное возбуждение, часто влекут возврат психосоматических явлений. В некоторых случаях такие события, казалось, вызвали самый первый соматический взрыв. В исследованиях по алекситимии я нашла отклик моим размышлениям в попытках концептуализировать

роль психической экономии в психосоматических состояниях. Но раньше, чем найти подтверждение тому, что операторное мышление и явление алекситимии обязаны некой постепенной дезорганизации или невроанатомическим дефектам, я обнаружила, что, по крайней мере, мои собственные анализанды были жертвой захлестнувших их *аффективных* переживаний, которые не получили *психического* представительства, так что замечен был только *соматический* полюс аффекта (МакДугалл, 1985a).

Как об этом сказал мой пациент Тим, когда вернулся ко мне через несколько лет после окончания анализа: «Я знаю, что в первые годы нашей работы я казался совершенно бесчувственным; у меня был совершенно механический характер. Но я был так погружен в свои чувства, что, если бы я не был таким «сверхнормальным», я бы сошел с ума». Фактически поворотным пунктом анализа Тима стал момент, когда он понял, как меня заботит его поведение, угрожающее его жизни, что заставило его с удивлением заключить, что я хочу, чтобы он жил (МакДугалл, 1985a).

Астма и первичный эротизм

Давайте теперь вернемся к истории Луизы, чьи приступы астмы все усиливались, чем ближе она подъезжала к дому матери на севере Франции. Она обратилась к анализу из-за супружеской дисгармонии и сексуальной холодности. Хотя стоящий за ними эдипальный конфликт играл главную роль в первые два года ее анализа, здесь я буду говорить только о материале, относящемся к ее психосоматическим симптомам и их связи с ранними эмоциональными состояниями и первичными фантазиями.

С младенчества Луиза страдала от астмы и экземы. Она, видимо, «унаследовала» свои болезни от длинного ряда астматичных предков — врожденная болезненность, по заключению педиатра. Специалисты постановили, а ее мать охотно согласилась, что Луиза обречена страдать от астмы и экземы всю жизнь, как и ее мать. Луиза была единственным ребенком и описывала свою мать как дотошно *физически* заботливую все ее детство. В заботу входил запрет отцу приближаться к дочери, начиная с младенчества и до тех пор, когда она уже умела ходить, на той основе, что его присутствие возбуждает девочку и усиливает ее склонность к астме. Мать также жаловалась, что отец слишком много пьет.

Но Луиза вспоминала с нежностью и ностальгией те случаи, когда им разрешалось поиграть вдвоем, шутки отца, игры, которые они выдумывали, буйно хохоча.

Мать запретила Луизе из-за ее хрупкости любые занятия спортом и участие в обычных детских физических развлечениях. Но Луиза взбунтовалась. По ее воспоминаниям, с раннего детства она всячески не слушалась матери. Например, сурово наказываемая за мастурбацию, Луиза научилась в латентном периоде так задерживать мочу, чтобы испытать оргастические ощущения. Притворяясь, что читает, она достигала этого эротического эффекта в присутствии матери, с тайным чувством торжества.

Из-за сильного влечения быть самой собой, Луиза отказалась от близкой идентификации со своей матерью на любом уровне. В подростковом возрасте, без ведома матери, она даже поступила в танцевальный кружок, который предлагался ученикам ее маленькой частной школы. Это было ее тайной целый год, и за это время у Луизы проявилась необычайная балетная одаренность и, что интересно, не было никакого усиления ее астматических приступов. Получив годовой школьный аттестат с упоминанием о таланте дочери, мать пришла в ярость из-за ее обмана (несомненно из-за своего глубокого убеждения, что это угрожает самой жизни дочери), и ее бешенство прочно отпечаталось в памяти Луизы. Мать лишь слегка успокоилась, когда семейный врач сказал, что, по его мнению, дыхание Луизы, пожалуй, даже значительно улучшилось. Более того, учитель танцев настаивал на продолжении занятий балетом и поддерживал в Луизе откровенную надежду стать когда-нибудь профессиональной танцовщицей. (Несмотря на страшные предупреждения матери, Луиза исполнила свое желание.) По мере продвижения анализа мы пришли к пониманию, что через опыт танца Луиза смогла наконец наделить свое тело либидинозными интересами и страстью и больше не рассматривала его, как ее мать, в качестве больного и хрупкого объекта. Когда Луиза начала свой анализ, ей было около двадцати пяти лет, и она была танцовщицей хорошо известного парижского кабаре.

Хотя Луиза искала психоаналитической помощи из-за супружеских проблем, ее мать постоянно выходила на психоаналитическую сцену. Когда Луиза ждала своего первого ребенка, мать грозно пророчествовала, что Луиза испортит свое и без того хрупкое здоровье и добавляла к этому резкое неодобрение того, что Луиза и отец ребенка еще

неженаты. Неожиданно ее мать явилась в родильное отделение через день после рождения сына Луизы и публично объявила, что Луиза «проклята навеки за свое преступление». Хотя Луиза заявила тогда (при поддержке других молодых матерей), что ее мать немножко сумасшедшая, и поэтому впредь она будет держаться от нее подальше, я заметила, что она, тем не менее, постоянно искала общества матери, приглашая ее в Париж или устраивая дела так, чтобы съездить в Страсбург, побыть с ней.

Постепенно стало очевидно, что тайну, стоящую за запутанными отношениями Луизы с матерью, следовало искать в возвращении астматических приступов перед каждым новым их столкновением. Когда в ходе анализа мы выяснили скрытый смысл приступов, стало ясно, что они

1) приносят Луизе уверенность в том, что ее тело принадлежит действительно *ей*, а не ее матери;

2) являются результатом решимости Луизы лучше обратить свой гнев на себя и свое тело, чем изливать его на мать.

Через три года аналитической работы с Луизой у меня стала складываться новая гипотеза об отношении первичного эротизма и психосоматических проявлений. Из ассоциаций Луизы, чувств переноса и фантазий стало выясняться, что астматические приступы (как и вспышки экземы) были связаны с *сексуальными фантазиями* выраженного орального и анального содержания и одновременно были пропитаны эротизмом, слитым с садизмом. Эта взаимосвязь уже намечалась в раннем открытии Луизы, что можно получать эротическое удовлетворение в присутствии матери, удерживая мочу.

Продолжая наше аналитическое путешествие, мы смогли реконструировать, что, на одном уровне, моча Луизы бессознательно представляла собой заменитель пениса, который она помещала между собой и матерью и достигала с его помощью сексуального удовольствия. Луиза также связала мочу и чрезмерное отцовское питье пива. На другом уровне ее мастурбаторное «изобретение» было догенитальным сексуальным удовольствием, тайно разделенным с матерью в качестве избранного ею партнера. Это было наиболее неожиданным открытием для Луизы и привело к раскрытию доселе дремавшей гомосексуальной озабоченности и озабоченности первичной сценой.

В следующей фантазии, раскрытой гораздо позднее, важную роль играли фекальный эротизм и анальная агрессия. Например, Луиза стала осознавать, что она не могла *дотронуться* до матери после ссоры, «как

будто мать была покрыта мерзкой грязью»*. В свете постепенной реконструкции фекальной фантазии, связанной и эротически, и садистически с образом ее матери, мы далее проанализировали скрытое содержание гомосексуальной привязанности Луизы к матери (до этого не выраженной словами), которая, как и анально-эротический материал, находила выражение только путем психосоматического взрыва. Эта фундаментальная разработка первичных эротических страстей и гомосексуальных желаний совпала с ослаблением приступов астмы у Луизы и исчезновением ее сексуальной холодности. Догенитально любимая и ненавидимая материнская фигура постепенно выпустила из объятий свою бунтующую, но глубоко привязанную дочь.

Чрезвычайная важность интер- и интрапсихических отношений материнства в психологической структуре Луизы, как и то, насколько сильно ее мать исключала или принижала отца, часто выходили на передний план в моей дальнейшей работе с другими полисоматизированными пациентами. У Тима, Исаака, Жоржетты и Поля (МакДугалл, 1978а, 1985b, 1989) — у всех были очень похожие родители. Мне становилось все более очевидно, что такие первичные эротические узы, хотя и являются важным элементом в ранней организации психической структуры, но могут, тем не менее, участвовать в создании скорее психосоматических, чем психологических реакций на подавляющие по силе обстоятельства. Это в особенности справедливо в случае, когда ребенок истолковывал интрапсихическое представительство матери как поглощающую силу, которая ищет тотального господства над физическим и психическим Собственным Я своего ребенка. Эти дети воспринимали себя, как либидинозное или нарциссическое продолжение матери. Такое восприятие склонно возбуждать изначальный ужас перед психической смертью, подразумеваемой таким отношением. В то же время ребенок ощущал мегаломаническое удовлетворение от признания отчаянной потребности матери в нем или в ней. Таким образом, связь между матерью и ребенком, оплодотворенная первичными догенитальными стремлениями, была склонна к самоувековечиванию, несмотря на внутренний протест против нее.

* Клинические наблюдения привели меня к выводу, что анальные и фекальные фантазии типично более трудны для осознания и вербализации, особенно в их эротическом измерении, поскольку они куда более контркатектированы, чем эротические и садистские желания с оральным и фаллическим содержанием. Следовательно, фантазии, выстроенные вокруг этих бессознательных тем, всплывают медленнее, чем фантазии орального и фаллического уровня. В данном контексте особенно ценно оригинальное исследование Врая и Уэллса (1993).

Аналитическая работа с Луизой на раннем этапе моей карьеры заставила меня быть особенно внимательной к архаичной сексуальной фантазии, с ее яростно садистичным и мазохистичным аффективным тоном, у других анализантов, предъявляющих тенденции к полисоматизированию или серьезные нарушения характера. Вытесненные фантазии, проникнутые оральным, уретральным и анальным возбуждением, открывались в анализе с удивительной частотой.

Энурез и первичный эротизм

Другой интересный пример первичной сексуальной любви, связанный с уретральным эротизмом, нам предоставлен Нэнси (упомянутой во «Введении»). Случай Нэнси также иллюстрирует то, что я считаю искаженной эдипальной констелляцией.

Нэнси была вечно больным ребенком, с особенно серьезным астматическим состоянием. Ее отец попал в плен на войне, когда ей было 18 месяцев. У нее была сестра на два года старше нее. Во время пяти лет отцовского отсутствия Нэнси спала с матерью и, по ее словам, «затопляла каждую ночь мать потоками мочи». Ее мать, казалось, принимала это уринарное отыгрывание с добрым соучастием. Но дедушка, который пришел к ним жить в отсутствие отца, каждое утро напевал, входя, песню о «маленькой невесте, которая писала в кровать и так потеряла своего возлюбленного навсегда». Если постель была сухой, песня не раздавалась. По словам Нэнси: «Хотя я любой ценой должна была предотвратить дедушкино пение, не знаю почему, но в то же время это было ужасно приятно, что он входит каждое утро, даже когда поет. Одно его присутствие очень успокаивало меня». Я предположила, что, возможно, она поняла дедушкину тактику, как способ сообщить ей, что ей запрещается каждую ночь вот таким способом «заниматься любовью» со своей матерью. Эта интерпретация катализировала много других ассоциаций, включая постоянное отсутствие сексуального удовольствия у Нэнси от занятий любовью с мужем.

Мать Нэнси постоянно принижала и критиковала отца в его отсутствие. Когда Нэнси было шесть с половиной лет, отец вернулся; ее постоянные болезни и приступы астмы полностью прекратились. Тем не менее, Нэнси вспоминала, что настаивала на том, чтобы «спать в спальне матери, ой, я имею в виду — в *родительской* спальне, потому что я была уверена, что мне нужно всю ночь держать мать за руку, иначе я не усну. А кроме

того, мать и сама на этом настаивала». По воспоминаниям Нэнси, представляется, что эта договоренность была столько же продуктом материнской тревоги, связанной с отделением, сколько ее собственной — такая ситуация складывалась у многих психосоматических больных, насколько я могу заключить на основании моего клинического опыта.

Энурез Нэнси продолжался до девятилетнего возраста, резко оборвавшись после рождения брата. Это событие, видимо, поколебало иллюзию Нэнси о себе как об избранном матерью сексуальном партнере и покончило с догенитальной выраженной любовной связью с матерью. У Нэнси, наконец, была своя комната, и с тех пор не только ее постель была сухой, но исчезла и ее прежняя бессонница.

Противоположные представительства матери

Требование ребенка в таких отношениях мать-дитя парадоксально. С одной стороны, в ребенке есть стремление продолжать восхитительную догенитальную любовную связь с матерью, как выражают симптомы, связанные с телесными дисфункциями (аллергии, бессонница, энкопрез и энурез, склонность к булимии или анорексии и т. п.). С другой стороны, есть невысказанный, задушенный гнев против архаичных либидинозных уз, которые интерпретируются, как всемогущественное требование со стороны матери. Я нахожу этот аффективный конфликт типичным для детей с психосоматическими заболеваниями (и точно так же — для многих взрослых). Наиболее могущественные и динамичные элементы, влияющие на психосоматическую пару, которую составляют мать (включая место отца в ее внутреннем мире) и ее ребенок, это материнские бессознательные потребности и страхи. Может быть, точнее было бы сослаться на бессознательное обоих родителей, поскольку во всех этих случаях анализа есть клинические признаки того, что отец соучаствовал в том, чтобы ребенок оставался целиком в руках всемогущественной матери. Важно повторить, что каждый ребенок приходит с своему решению проблемы отделения от матери и обращения с бессознательными родительскими сообщениями. Элемент предназначения тут виден в том, как именно ребенок разрешает конфликты между этими воздействиями на него. Решение вовсе не обязательно будет психосоматическим.

Пытаясь суммировать материнские интрапсихические представления, открытые у моих наиболее соматизированных пациентов, я заметила, что внутреннему материнскому объекту часто приписаны две противоположные характеристики. С одной стороны, мать часто описывают как *отказывающуюся от близкого телесного контакта* (и таким образом принуждающую к преждевременным *символическим* сообщениям в качестве защиты, что ведет в некоторых случаях к преждевременному развитию физической и психической автономии). При (ре)конструировании ранней психической травмы это представительство внутренней матери переживается как ужас матери перед тем, что младенец пожрет ее, впитает в себя, опустошит. (Так воспринимали свои отношения мать-дитя Исаак и Тим.)

С другой стороны, мать во внутреннем мире так же часто представлялась и вспоминалась как *чрезмерно близкая и зависимая* в ее физических и психологических требованиях к ребенку, пример чему — случаи Луизы и Нэнси. В этой ситуации мать вспоминают как особенно интересующуюся физической болью ребенка, но неспособной услышать о его психической боли или справиться с ней.

Психоз и психосоматика

В определенные моменты анализа всех моих пациентов, с сильно выраженной психосоматической уязвимостью, вперед вырывается чувство потери себя или деперсонализации, особенно когда разбужены догенитальные или архаичные сексуальные стремления, поскольку они содержат в себе как яростно деструктивные желания, так и страстное желание слиться с родителями или обменяться телесными субстанциями. Невротические тревоги касаются прав взрослого на сексуальное и нарциссическое удовольствие, тогда как психотические тревоги угрожают чувству идентичности, телесной целостности, самой жизни. Невротические страхи относятся к гениталиям и эрогенному телу, тогда как психотические — более связаны с нарциссическим ужасом, относящимся ко всему физическому и психическому Собственному Я. Другими словами, у этих анализантов определенные аспекты психического функционирования ближе к психотической, чем к невротической организации.

Тем не менее, по мере продвижения их анализа, серьезно соматизирующие пациенты получают реальный доступ к своим бессознатель-

ным фантазиям и забытым воспоминаниям. Часто в тех случаях, когда соматические симптомы были у пациента с детства, они сочетались с тяжелыми детскими фобиями, которые ведь не что иное, как невнятно высказанные фантазии (например, вроде тех, которые были у «маленького Ганса» из статьи Фрейда 1909г.). По ту сторону царства догенитальных либидинозных целей и сопровождающих их тревог лежит царство архаичного и смертельного эротизма, выраженного в таких фобиях, как страх воды или пустого пространства, или отношений с другими, страх взорваться или рассыпаться, страх быть заполненным изнутри чем-то чужеродным или «схлопнуться». Добавочные тревоги связаны с мучительным ожиданием опустошения или высасывания крови, превращения в ничто или того, что тебя раздавят превосходящие силы. Излишне говорить, что проективное измерение этих тревог представлено в бессознательном как желание высосать кровь, опустошить или раздавить *другого* (мать, отца внутри матери, братьев и сестер), и оно тоже в конце концов выходит на свет и требует аналитического исследования.

Недавно Нэнси (она все еще в анализе) смогла сказать мне в первый раз, почему она всегда колебалась, прежде чем войти ко мне в кабинет, и слегка запинаясь, переступая порог, на протяжении последних пяти лет. Она часто использовала метафоры вампиризма, но теперь сказала о своем страхе перед тем, что ею «овладеет» чуждая сила. Я откомментировала это, сказав, что она, видимо, боится войти в кабинет без ритуального колебания, словно ее могут обвинить, что она овладела моей комнатой. Проективная идентификация стала немедленно очевидной для нее, и она смогла признать свое желание, как и свой страх, что я могу физически овладеть ею, как она это чувствовала в отношении своей матери.

В ходе аналитической работы с пациентом важно не упускать из виду тонкие, невербальные сообщения (такие, как колебание Нэнси) и затем проследживать постепенное появление в сознании еще невербализованных представлений, борющихся за то, чтобы найти себе выражение. Эти переживания были прочно исключены из сознания, по большей части из-за их яростных, архаичных и догенитальных эротических фантазий о сексуальных и любовных отношениях, в которых секс бессознательно воспринимается как насилие и взаимное уничтожение, а любовь равняется смерти. Борьба за то, чтобы найти слова, которые вместят и выразят эти ранние события, это особое переживание в жизни каждого человека, переживание торжественного начала, открывающего путь к необычайному путешествию в мир психоаналитических открытий.

Глава 8

Собственный запах и собственная кожа

*Жить в теле, которое не можешь почувствовать,—
я считаю, самое одинокое одиночество.*

Джеймс Линч

Давайте теперь рассмотрим еще два кратких обзора случаев, иллюстрирующих отношения между архаичной сексуальной фантазией и психосоматическими симптомами иным образом.

Хорошо зная о соматопсихической важности собственной кожи для пациентов, страдающих от различных форм аллергии, и думая об их загадочных соматических драмах и детских переживаниях, я всегда поражалась невероятной важности запаха. Крошечные дети уже ищут грудь с помощью обоняния; размышляя об этом, я подумала, что каждый ребенок наверняка знает запах половых органов матери и несомненно различает родителей, среди прочих признаков, по их разному *запаху*. Возможно, что склонность к аллергическим реакциям может начать формироваться изначально психически, в контексте нарушенных отношений мать-дитя.

Наблюдения над некоторыми моими пациентами еще больше убедили меня, что токсичные аллергены в младенчестве представляли собой запахи, вкусы или тактильные ощущения, которых ребенок жадно искал, после того как они были им *позитивно загружены*. Одна из моих пациенток, у которой были аллергические реакции на различные формы «токсинов в окружающей среде», особо страдала от неистребимого запаха автозаправочных станций. Расспросив мать, она выяснила, что маленькой девочкой она прижималась к автомобилям на автозаправках

с выражением экстаза, заявляя, что они «так прекрасно пахнут». Ее приходилось оттаскивать от этих манящих запахов.

У пациентов с выраженными аллергическими реакциями и особенно острой реакцией на запахи я всегда отмечала наличие конфликтных отношений с «матерью-средой» в раннем младенчестве. Это заставило меня постулировать, что раннее влечение к определенным запахам превратилось (путем научения) в запретное или опасное и поэтому должно было быть *противозагружено*. Но поскольку «научение» произошло тогда, когда вербальное общение было еще рудиментарным, главная защитная реакция стала соматической.

Запретные плоды

Этот отрывок взят из анализа «Жоржетты», более полно изложенного в предыдущей работе (МакДугалл, 1989). В начале нашего аналитического путешествия Жоржетта случайно пожаловалась на обилие психосоматических симптомов, включая кардиологические, желудочные и гинекологические расстройства, респираторную патологию, ревматоидный артрит и тяжелую экзему. Симптомы постепенно утихали, но вновь вспыхивали перед каждым перерывом в лечении на период отпуска. Тяжелая тревога, связанная у Жоржетты с отделением, как и ее соматические приступы (если они обрушивались на нее), заставляли ее бояться любого непостоянства в нашей аналитической работе. Для нее это было все равно, что разрыв наших отношений. При таких обстоятельствах она боялась, что оставшись в одиночестве, она снова станет жертвой яростных протестов своего тела.

И все же на седьмом году анализа Жоржетта начала заглядывать вперед и предвкушать отпуск, и это было чувством, которого она никогда прежде не испытывала. В этой точке анализа почти все ее психосоматические симптомы исчезли, хотя она все еще страдала от жестоких аллергических реакций на определенные фрукты, рыбу и морепродукты (*fruits de mer*, «плоды моря», по-французски допускающие игру слов — плоды матери). Всю эту пищу я стала называть «запретные плоды».

Прежде чем продолжить записи сессий, я бы хотела упомянуть, что в случае Жоржетты, как и в случаях других полисоматизированных пациентов, аллергическую реакцию вызывали многие запахи. Кроме того, она остро чувствовала собственные телесные запахи. В первые годы совместной работы Жоржетта заливалась духами из страха, что пробьется

какой-нибудь естественный запах ее тела. В этот период анализа на свет вышло множество ее анально-эротических и анально-садистских фантазий. Позднее мы открыли, что она так чрезмерно душилась еще и в надежде, что это почувствуют другие анализанты (и они на самом деле часто жаловались, что запах слышен на три этажа вниз, еще при входе в дом). Когда мы смогли говорить об этой черте ее поведения, она заявила, что хочет, чтобы другие признали, что это «*моя территория*». Властное присутствие ее духов было предназначено для поддержания иллюзии, что у нее есть право исключительного обладания аналитиком-матерью.

Затем, через сны и ассоциации, раскрылась связь обонятельной чувствительности Жоржетты с запахами сексуального характера и, в частности, со страхом, что женщины неприятно пахнут. Один раз она захотела попробовать устрицу «из-за ее приятного запаха». Эксперимент привел к тяжелому отеку, и на следующую ночь Жоржете приснилось женское тело в форме раковины моллюска. В своих ассоциациях она вспомнила, что когда она училась в школе, деревенские мальчишки называли половой орган девочек «ракушкой». Анализ этих важных означающих, хотя и обогатил удовольствие Жоржетты от сексуальных отношений с мужем, не привел ни к каким переменам в ее тяжелых аллергических реакциях. Они, как мы выяснили позднее, были связаны с более архаичными либидинозными фантазиями, чье значение было издавна укрыто от сознания.

Видя чрезвычайную тревогу Жоржетты по поводу сна о раковине и ассоциаций к нему, я интерпретировала этот материал, сказав, что маленькая девочка внутри нее как будто хочет понюхать, потрогать, попробовать на вкус и, на самом деле, съесть половые органы своей матери — в качестве примитивного средства стать ею и обладать ее гениталиями, как и привилегиями ее женского пола и воображаемым телесным содержимым. Но, видимо, эти желания строго запрещены, и, поэтому она получает телесное сообщение о том, что накликает на себя опасность.

Несомненно, что фантазии об инкорпорации, в которых человек становится кем-то другим, съев его всего или только желаемую часть, представляют собой архаичные либидинозные желания универсального характера. Упорство этих первичных эротических желаний во взрослой жизни, в форме соматических проявлений, указывает на раннее расстройство в процессах интернализации и символизации. Но пусть теперь Жоржетта говорит о том, как распорядилась моей пробной интерпретацией ее психе.

Жоржетта: *[На первой после летнего отпуска встрече]* Я хочу кое-что важное вам сказать. У меня больше нет аллергии! В отпуске я ела все — все, что только бывает в море [mer и mère] — рыбу, устриц, лобстеров, моллюсков, гребешки. Я не могла никак наесться досыта. Какой праздник, и ни малейших следов аллергии! Я ела клубнику и малину — все, от чего мучилась прошедшие 40 лет. *[Длинная пауза]*

Я думала о том, что вы однажды назвали «запретными плодами» ... плодами матери — ее груди, половые органы, дети — все, что маленькая девочка во мне хотела съесть, чтобы стать женщиной. Я чувствую, что это очень верно, и не понимаю, почему эта мысль столько лет меня пугала. *[Опять молчание]* Один раз я хотела сказать мужу, как мне теперь нравятся дары моря [fruits de mer], и вместо этого сказала «дары отца» [fruits de père]!

Дж.М.: *[Эта оговорка приписывает запретный плод отцу, а не матери — важное и до той поры скрытое измерение психического мира Жоржетты. Я прошу ее исследовать интересную идею о связи отца с морепродуктами, и она неожиданно вспоминает забытое.]*

Жоржетта: Как странно ... как я могла забыть? Мой отец обожал рыбу и морепродукты. Он поглощал их с наслаждением — гребешки, креветки, ракушки, устрицы. Ой! Я вспомнила кое-что еще. Мне должно быть, было где-то года три. Я смотрела, как отец с увлечением ест ракушки или гребешки, и он предложил мне одну. Я все еще вижу, как он раздвигает две маленькие створки, как губы... Затем он выдавил несколько капель лимонного сока в нее и дал мне съесть. Я проглотила в один момент — это было восхитительно! Как вышло, что я не вспоминала все эти годы, что морепродукты были страстью отца? Что это была «его особая территория»?

Дж.М.: *[Пораженная словами «страсть» и «его особая территория», выбранными для описания пищевых предпочтений отца, я решила интерпретировать образ первичной сцены, который она нарисовала передо мной в сюрреалистическом видении ребенка: отец раздвигает «губы» и льет туда лимонный сок.]* Маленькие створки раковины и капли лимонного сока ... Не могло это быть детским представлением о ваших родителях вместе?

Жоржетта: Я запуталась... Все перемешалось в голове.

Дж.М.: Отец и мать?

Жоржетта: Да! И особый запах ... у отца был запах, который меня пугал. Поэтому я не позволяла ему целовать себя, когда была ребенком!

Это я тоже забыла. А теперь я думаю о том, что меня смущает. *[Пауза]* Мой отец, который все время ел морепродукты,— может быть, это сумасшедшая мысль, но от него пахло половыми запахами матери ... может быть, я думала, что он съел ее половые органы. *[Долгое молчание]* Но есть еще одно, и мне еще труднее об этом сказать. Хорошо, двигаемся дальше! Я сказала моей подруге Еве, вчера, о своем большом открытии, что для меня морепродукты представляют собой женщин, женский пол, а она ответила, что сперма тоже пахнет, как креветки.

Дж.М.: Дары моря? ... Где оба пола встретились? Это та идея, которую трудно исследовать?

Жоржетта: Я думаю, что для меня родители не были *парой*.

Здесь я напомнила Жоржетте, как часто она говорила, что запахи ее преследуют. Теперь казалось очевидным, что через свои аллергические реакции она отказывалась от сексуальных запахов, которые когда-то так влекли ее, и от их неявного смысла, что ее родители были *сексуальной парой*. Ритуал закрывания рта и задержки дыхания, который она осуществляла тайно все свое детство, был, несомненно, намеренным, и, как она всегда утверждала, служил защитой от смерти. Но я заинтересовалась, не был ли он также способом отрицания сексуальных отношений между родителями, которые маленькая Жоржетта воспринимала, как угрозу смерти.

Жоржетта: Да, я начинаю это видеть!

Дж.М.: Видеть?

Жоржетта: Да, и понимать ... Запах! Это *запах их комнаты* я старалась избежать любой ценой!

Впервые за семь лет Жоржетта смогла признать, что ее родители спали вместе в одной постели, по крайней мере до тех пор, пока ей не исполнилось три года. Далее на сессии она вспомнила сон, который рассказывала мне в самую первую неделю анализа: она рассматривает пару хрустальных сережек, но никак не может их надеть. Так как это было одно из ее первых сновидений, я отметила созвучные слова *pair, ears, earrings* (пара, уши, сережки) и неспособность пациентки *использовать* эти предметы, но ей не приходило в голову никаких ассоциаций. Теперь она с удовольствием объяснила: «Я знаю, откуда эти хрустальные сережки — это подвески из люстры в их спальне!»

Новое и жизненно важное звено вышло на передний план в цепи забытых воспоминаний из внутреннего мира Жоржетты. Теперь можно

было добавить эдипальное измерение во все, что удалось реконструировать из страстной любви-ненависти Жоржетты к матери и ее телу. Нарциссическое умерщвление и отчаяние, которое Жоржетта несомненно переживала в детстве при рождении своих сестер, теперь сконцентрировалось в забытом воспоминании (покрывающем воспоминании, обреченном на вытеснение), в котором ее отец жадно наслаждается половыми органами матери (замаскированными под морепродукты), от чего возникают их совместные плоды — маленькие сестры.

Перед лицом своего инфантильного желания съесть мать (которое представляет собой самую раннюю попытку всякого ребенка интернализовать мать-вселенную и либидинозно обладать ею) маленькая влюбленная «людоедка» не могла повернуться ни к матери, ни к отцу за каким бы то ни было подтверждением, что и она тоже однажды станет женщиной и будет иметь право на собственные эротические желания и их исполнение. По многим причинам (из которых я укажу только некоторые) Жоржетте «некуда было двигаться». В мире ее интрапсихических представлений не было модели любящей пары, чей пример мог бы приоткрыть ей ее будущее как женщины.

После рождения маленькой сестры (что почти наверняка повлекло неожиданное снижение ценности Жоржетты в глазах матери) любая попытка вцепиться в свою психически отсутствующую мать была вдвойне опасной: с одной стороны, требование слияния навлекало на Жоржетту психическую смерть; с другой стороны, она была в ужасе от собственных деструктивных желаний, боясь, что может всемогущественно разрушить (поглотить) отца, мать и маленьких сестер (плоды материнской утробы и отцовского семени) и, следовательно, утратить собственное право жить.

Вместо этого ее фантазии были надежно похоронены во вкусе клубники и малины, в запахе ракушек и морепродуктов — во вкусах и запахах, благоухающих соматическими воспоминаниями и архаичными либидинозными стремлениями ребенка, приобретающими словесное и эдипальное значение только вторично. Другими словами, эти «запретные плоды» — не только верные символы, но *символические эквиваленты* (Сигал, 1957), которые не были трансформированы в языковые означающие различных аспектов «матери-груды».

Без раннего субстрата психологического дистресса те же самые элементы могли бы быть использованы для создания скорее истерических, чем психосоматических симптомов. Забытое воспоминание об отце,

предлагающем ракушку маленькой дочке, которое вкратце содержит в себе все об отцовской прокреативной роли и о первичной сцене, само по себе не могло породить тяжелую психосоматическую регрессию, которая мучила Жоржетту всю ее жизнь. Довербальные означающие раннего детства, еще неспособные к словесной символизации, вместо этого породили серии символических равенств, что Сигал (1957) уподобляет психотическому механизму. Мы можем также предположить, что «запретные плоды» были все-таки психически зарегистрированы как «пиктограмма» (Оланье, 1975), или, по терминологии Биона (1963), как «бета-элементы», не трансформированные «альфа»-функционированием отсутствующей матери. В отсутствие словесных представлений в распоряжении псюхе были высоко динамичные, но деструктивные *предметные представления* (Фрейд, 1915а). Не было «сигнальной тревоги» перед лицом психического конфликта. Сигналы тревоги подавало только предметное представление. Не имея словесного содержания, эти сигналы поднимали по тревоге неконтролируемые бессознательные силы, всякий раз, когда псюхе обнаруживала угрожающую ситуацию (такую, как переживание уничтожения или ощущение убийственной ярости).

На эти немые доэдипальные предупреждения наслоились эдипальные запреты гомосексуального и гетеросексуального характера. Достигнув возможности словесного выражения ко времени эдипального конфликта, они были впоследствии *вытеснены*, представляя собой потенциальную основу для конструирования невротических симптомов. В результате это отсутствие сильных невротических защит открыло Жоржетту риску соматических взрывов, если она выполнит свое прошлое инцестуозное желание, превратившееся в желание есть «запретные плоды». Как в младенчестве, психическому дистрессу соответствовали только пиктографические предметные представления телесных ощущений. Эти соматические болезни были позднее загружены садистскими фантазиями, повернутыми против нее и ее тела. Через соматизацию любовные и деструктивные детские желания оставались полностью скрытыми от сознания и предсознания. Но, как заметил Фрейд (1923), аффект легко минует слой предсознательного в психическом функционировании. Столкнувшись с глубоко тревожащим аффектом, псюхе Жоржетты посылала только первичные соматопсихические сигналы.

Когда во время раннего структурного развития псюхе установилась связь между угрожающими аффектами и их соматическим выражением, эти патологические соматопсихические связи могут держаться всю

жизнь, не давая индивиду никаких других средств, чем соматическая дезорганизация, для реакции на внешние и внутренние напряжения. Из-за цепкой памяти тела, в соединении с отсутствием вербального осмысления, ситуации, нагруженные архаичным аффектом, исключаются из более высокоразвитых форм психического представительства и распознавания аффекта. Парадоксально, но психосоматически недуги, даже угрожающие жизни по своей природе, могут рассматриваться как служащие цели психического выживания.

В случае Жоржетты ее техника выживания требовала от нее удушить все враждебные мысли, возникающие против ее первых объектов любви. Вместо своей психосексуальной истории Жоржетта создавала *психобиологическую*; ее непризнанные эмоциональные конфликты проявились в серьезной анорексии, которая продолжалась все ее детство и подростковый период, как и «отказ дышать», выраженный в ее астматических приступах, начавшихся с младенчества. К ним добавился немой бунт, результатом которого стала сердечная патология, гинекологические нарушения, язва, отеки и нейродермит. Жоржетта считала, что желанная и страшная фантазия, что может быть «только одно тело на двух человек», была материнским законом. Отказ подчиниться этому закону поколебал бы ее отношения слияния с матерью и повлек бы потерю материнской любви. Только ужас психической смерти смог вынудить Жоржетту ослабить это слияние. Таким образом она находила успокоение в своих телесных страданиях, поскольку они уверяли ее, через телесные ограничения, что ее тело принадлежит ей. Она больше не боялась деструктивных аспектов своего желания слиться с матерью-вселенной, которое угрожало целостности ее физического образа и чувству личной идентичности. Следовательно, можно предположить, что психосоматические проявления у Жоржетты несли в себе ее глубокую решимость выжить. Ее постоянная соматическая игра на психоаналитической сцене позволила нам расшифровать первичный «язык» тела и перевести эти немые сообщения в психические представительства, которые впервые смогли найти свое словесное выражение.

Крик кожи

Вторая клиническая иллюстрация может дать нам дальнейшее понимание гипотезы, что психосоматические заболевания представляют собой (среди прочих своих психических функций) защиту от архаичных

сексуальных стремлений. Отрывок случая, приведенный ниже, взят из анализа пациента, цитированного в предыдущих работах (МакДугалл, 1978а, 1982). Я много записывала во время анализа Жана-Поля, потому что, во-первых, не понимала хода его мыслей. Далее, меня зачаровывала его речь — очень поэтическая, но не выражающая чувств ясно. Фактически он боялся, что если позволит своим мыслям и эмоциям течь свободно, то сойдет с ума.

Жану-Полю было 39 лет, когда он впервые пришел ко мне. По телефону я сказала ему, что могу проконсультировать его, но у меня нет места в расписании еще год — на тот случай, если он думает о том, чтобы начать анализ. Хорошо выглядящий мужчина, директор небольшого предприятия, он удивил меня тем, что не смотрел в глаза, пока говорил, и все время колебался в выборе слов, чтобы объяснить причины своего обращения за помощью. А так, он казался спокойным и говорил взвешенным тоном, почти без эмоций.

Жан-Поль: Я пришел к вам, потому что я как-то не так живу.

Дж.М. *[Я попросила его рассказать мне, как же он живет.]*

Жан-Поль: Ну, на работе все хорошо — пока в воздухе не носится враждебность. А тогда меня охватывает странное чувство. У меня дрожат руки. Мне кажется, это вроде паники. Так или иначе, в эти минуты я больше не могу мыслить... даже слова не могу выдать.

Дж.М. *[Словно те его переживания, которые ему было трудно описать, были связаны с его телесным здоровьем, он переключился на эту тему.]*

Жан-Поль: У моих желудочных расстройств долгая история. Мне было двадцать с небольшим, я учился в университете. Жизнь моя была пустынна. Я жил в абсолютном одиночестве, которое, по некоторым причинам, ассоциировал с болью. Хотя мне постоянно было больно, я не думал об этом много... говоря, что если ты жив, то должен ожидать несчастий.

Дж.М. *[Позже я узнала, что Жан-Поль 15 лет страдал от тяжелой формы язвы желудка, и ничего с этим не делал, кроме того, что «старался найти положение, в котором удобнее ходить, учиться или есть». В конце концов произошло прободение язвы. Так и не глядя на меня, Жан-Поль снова сменил тему, словно считая свои несчастья наказанием за свою сексуальность.]*

Жан-Поль: Моя сексуальная жизнь была одно несчастье. Мастурбация наполняла меня ужасом, из-за страшных предупреждений отца, так

что я чувствовал себя грязным, низким, ничтожным. У меня были обрывки отношений с женщинами, но они не вели к настоящей дружбе. Я слишком уставал, чтобы быть с нормальной женщиной. *[Долгая пауза]* Я встретил мою жену, Надин, в университете, где мы оба изучали политические науки. Мы женаты 12 лет. Все это время она меня критикует, но хуже всего то, что она отвергает меня в сексуальном плане. Надо признать, со мной никому не было бы легко жить.

Дж.М.: Что вы хотите получить от анализа?

Жан-Поль: Ничего у меня в жизни не складывается, как надо. Все мягкое, разноцветное, музыкальное уходит мимо. *[Неожиданно посмотрев на меня, кладет руку на сердце.]* Все заперто — здесь.

Дж.М.: Здесь? *[Повторяю его жест.]*

Жан-Поль: Да, это у... ну, как это сказать... *[Мучительно ищет слова.]* ...у меня сердце рыдает (*sanglots dans mon coeur*). *[После короткого молчания, во время которого он рассматривает стены, снова тщательно избегая зрительного контакта, он продолжает тем же бесчувственным голосом.]* Проблемы с желудком все повторяются, но с этим ничего не поделаешь. Они у меня 18 лет. Как и кожные аллергии, это то, с чем я должен просто примириться.

Говоря это, Жан-Поль чешет руку, потом делает движение, словно желая дотронуться до половых органов. Он бросает на меня взгляд и говорит: «Ну, когда мы можем начать?» Я повторяю то, что сказала по телефону, — что у меня еще год не будет свободного места. Это его не смущает, и он спрашивает: «А сколько это будет стоить? Я называю свой гонорар. Мельком взглянув на меня, он говорит: «У меня есть друг, который платит за свой анализ меньше». Я предлагаю дать ему адреса аналитиков с более низкой оплатой. Он отвечает оскорбленным тоном: «Нет, спасибо! Ну что ж, увидимся через год?»

К моему удивлению, он резко поднимается. Пока он идет к двери, я предлагаю ему позвонить мне в будущем году, если у него все еще будет желание начать анализ со мной. Он не оглядывается.

Моим первым впечатлением от первого интервью было то, что Жан-Поль страдает от депрессии, но перечитывая свои заметки несколько месяцев спустя, я поняла, что он на самом деле не способен был выразить *чувство* депрессии словами. Вместо этого он отыскивал конкретный способ сообщить о нем, положив руку на грудь и говоря: «Все заперто — здесь», или создавая сгущенную метафору: «у меня сердце рыдает», — так, как изъясняются поэты и маленькие дети.

Ровно через год Жан-Поль позвонил мне, спросить, когда же мы начинаем! Позже я поняла, что это было частью его образа действий; сам того не понимая, он наслаждался магической верой в то, что все, чего он хочет, случится само собой. Я была частью этой веры, и потому ему не нужно было сообщать мне о его решении придерживаться нашей договоренности годовалой давности. По прошествии лет нам открылось, что он воспринимал мать, как того, у кого есть полное право на его тело; и сам тоже считал, что имеет всемогущественное право на ее тело. Это убеждение подкреплялось тем, что мать кормила его грудью до четырех лет.

На первом году нашей совместной работы Жан-Поль или молчал, или брал жену за отсутствие энтузиазма в их сексуальных отношениях. Сны снились ему очень редко, а фантазий вовсе не было. Однако он часто упоминал свою язву и дерматологические проблемы, и я «услышала» эти сообщения, как сновидения, и заинтересовалась, *не заняли ли они, и в самом деле, место сновидений и фантазий.*

В то время я была довольно молодым аналитиком и мало знала о глубинном значении соматических жалоб моих пациентов. С Жаном-Полем у меня часто возникало чувство, что от меня что-то ускользает, и я стала делать очень много записей. Я также поощряла его к попыткам ухватить чувства и фантазии и поискать связи между ними и соматическими приступами. Невероятно много раз я указывала ему, что он часто страдает от обострения экземы и язвы как раз перед перерывами на период отпуска. Мало-помалу он обнаружил следы давно забытых детских и подростковых попыток справиться со своей всеохватывающей тревогой, относящейся не только к его половым органам и телу, но ко всему чувству идентичности. В безопасности аналитического кабинета он теперь был способен позволить себе погрузиться в неожиданный поток идей; он пытался поймать и описать странные ощущения и восприятия, которые в прошлом, казалось, были насильно *изгнаны* из его сознания (и потому оказались недоступными в качестве элементов для сновидений). Таким образом он научил меня очень многому в понимании психической экономики, стоящей за психосоматическими явлениями.

Я часто вмешивалась в аналитический процесс с намерением помочь Жану-Поллю воспринять способ его психического функционирования: он исключал любую мысль, окрашенную аффектом и отбрасывал любые свободные фантазии. По мере продолжения нашего аналитического путешествия фантазии медленно стали оттеснять соматические сооб-

щения. Через три года интенсивной работы Жан Поль освободился от желудочной патологии — за редкими исключениями, такими как объявление об отпуске. К тому времени как была сделана приведенная ниже запись, мы приближались к пятому году работы.

Отделение, садизм и соматизация

Надвигающееся отделение никогда не вызывало никакой аффективной реакции у Жана-Поля, а вот его желудочные симптомы неизменно снова обострялись. Они были так регулярны, что даже *он* не мог этого отрицать, и одновременно их сопровождали другие невербальные проявления. Например, Жан Поль никогда не мог запомнить сроков моего отпуска, и были случаи, когда он приходил на сессию в свое обычное время уже после моего отъезда. На этот раз он тщательно записал, что мы заканчиваем год 11 июля, но это не помешало ему на предпоследней сессии заявить, что, к его величайшему сожалению, он будет вынужден пропустить сессию 25 июля! *

Жан-Поль: Как нет сессии 25-го? Ах, да! Мадам решила взять отпуск? *Уезжаете завтра?* Что ж, мне все равно. *[Пауза]* Если вам интересно, я думаю о своем пенисе. Большой, загорелый, очень хорошо выглядит, я вас уверяю.

Дж.М.: *[Здесь Жан-Поль затрагивает тему, которая уже возникала несколько раз — продуманные фантазии о фелляции, в которых я принимаю участие и получаю грандиозное удовольствие. Фантазии никогда не носят генитального характера, ограничиваясь частичными объектами, ртом и пенисом.]* Нет ли связи между нашей приближающейся разлукой и этими эротическими фантазиями, соединяющими нас и, возможно, отрицающими разлуку?

Жан-Поль: Полный абсурд! Так вы едете в отпуск? Замечательно! Я был бы чокнутым, если бы беспокоился о такой ерунде. *[Пауза]* Мой пенис не так хорошо выглядит, как я хвастал... слегка бесформенный и темного цвета. Во время эрекции он выглядит, как шило.

Жан-Поль не может вынести мысли о том, что его мог бы беспокоить перерыв на отпуск. Предлагая мне лестное описание своего пениса, он

* Полный отчет об этом см.: МакДугалл, 1978а, Глава 10.

считает, что сменил тему. Мое вмешательство, с предположением, что эти темы могут быть связаны, воспринимается, как нарциссическая обида. В любом случае, воображаемый обмен между нами слегка сдвинулся к садизму, обнажая противоположную часть его эротической фантазии.

Жан-Поль: Я вижу, как нападаю на ваш рот своим членом. У вас на груди остаются коричневые, ужасные пятна. *[Пауза]* Руки опять так и прыгают, словно их током дергает. Это раздражает!

Дж.М.: *[Образ этого нападения на мое лицо несомненно относится и к моей интерпретации, которую Жан-Поль воспринял как нападение на его фаллический нарциссизм. Физические ощущения в его руках кажутся мне остатком аффекта, который был подавлен и поэтому не мог получить психического представительства.]* Можете вы подумать о чем-то, что могло бы сопутствовать этим ощущениям, как от электрического тока, в ваших руках?

Жан-Поль: Вы могли бы разорвать своим ртом мой пенис на части. Господи боже, что я говорю *[зажимает рот руками]*!

В этих ассоциациях ясно видна трудность Жана-Поля — ему трудно вмещать и прорабатывать амбивалентные чувства, касающиеся его самого или других людей. Его пенис «расщепляется» на два контрастных образа: с одной стороны, его половой орган очаровывает и восхищает, но только чтобы через секунду стать безобразным и опасным. Аналитик в его фантазии вначале эротически восприимчива к его «очень хорошо выглядящему» пенису, а затем с яростью кастрирует, разрывая пенис зубами на части.

В этой фазе анализа Жана-Поля кастрационная тревога могла быть выражена только в догенитальных терминах пениса/грудей и рта/влаги-лица, приносящих взаимное удовлетворение и уничтожающих друг друга, — «коричневые, ужасные пятна» предвещают фантазии о фекальном нападении. Частичные объекты не являются ни хорошими, ни плохими, но *идеализированными и преследующими*. Столкнувшись с первичной формой сексуального обмена, Жан-Поль пользуется не вытеснением, а исключением; весь конфликт просто выкидывается из цепочки символов. Основываясь на предыдущих сессиях, я предчувствовала, что это вызовет или бредовые проекции, или соматизацию.

Жан-Поль: У меня была ужасная боль в желудке последние две недели — и я *не хочу* об этом говорить. Это так по-детски, что это всегда

случается перед отпуском. И вот экзема у меня между пальцев, тоже! Но это от сексуальной фрустрации. Надин меня полностью отвергает в эти дни.

Дж.М.: *[Стараясь сделать его соматические проявления более доступными вербальному осмыслению и в надежде предупредить постоянную блокировку аффекта, которая так много изглаживала из психической реальности Жана-Поля и так затрудняла нашу работу, я попыталась связать эти беды с аффективным содержанием фантазии.]* Надин и я, мы обе отвергаем вас: она отказывается от сексуальных отношений; я бросаю вас и уезжаю в отпуск, и рву зубами ваш пенис. А вы, вместо того чтобы стать агрессивным, преподносите себя, как больного, беспомощного, полностью неспособного причинить вред.

Жан-Поль: Но у меня нет агрессивных чувств ни к одной из вас. Кроме того, я обожаю женщин!

Дж.М.: Может быть, здесь говорят две разные ваши части: одна, которая обожает женщин, и другая, которая боится их агрессии?

Жан-Поль: Меня расстраивает эта идея... Я чувствую, у меня сжимается что-то в желудке.

Дж.М.: А вы можете вообразить это «что-то» вместо ощущения сжатия?

Жан-Поль: Надин! Когда она не хочет заниматься любовью, я воображаю, что мой пенис — добела раскаленное шило, воткнутое ей в живот. Она извивается, как червяк, и не может освободиться. *[Пауза]* От этой мысли мне приятно!

Дж.М. *[Шило-пенис... кастрирующий рот... нападение, воображаемое в виде шила в животе Надин, и, в следующий момент, «что-то» что сжимается в его собственном животе... путаница внутреннего и внешнего, Я и объекта — все это переполняет мое воображение и возникает неясная мысль, не «желудочное» ли это воображение. Не найдя адекватной интерпретации, я решаю ждать.]*

Жан-Поль: Ваше молчание пугает меня. *[Пауза]* Я думаю о своем страхе перед толпой в День взятия Бастилии: они могут праздновать его, но, я вас уверяю, меня вы не встретите на улицах. Я всегда боюсь, что в толпе дело обернется скверно.

Здесь Жан-Поль дает интересный пример проективной идентификации. Как указывает Бюн (1963), этот механизм — архаичная форма мышления. Жан-Поль теперь приписывает анонимной «толпе» свои

собственные враждебные чувства, которые он не может ни вместить, ни развить до уровня вербальной мысли. Вместо нападения на «женщину» своим «шилом-пенисом» (возможно, на содержимое ее живота — на «толпу» детей?), Жан-Поль сам находится под угрозой нападения толпы. Его следующая ассоциация подсказывает, что защита, предоставляемая проективной идентификацией, хрупка и склонна ломаться, оставляя за собой соматические ощущения и чувства деперсонализации.

Жан-Поль: Один раз, когда я уходил отсюда, на улице собралась толпа. Я почувствовал головокружение и сказал себе: «Надо что-то быстро вообразить, чтобы суметь перейти через улицу». Тут я подумал о своем пенисе, как он поднимается, сильный и чистый ... как утверждение. *[Эта попытка пересилить захлестывающую тревогу через эротизацию напоминает его попытку в начале сессии справиться с невыраженными чувствами по поводу отпуска путем эротизации переноса.]* Но эта идея не сработала. Я сразу увидел свой пенис, весь коричневый и страшненький, покрытый болячками. Так что я — был беззащитен. И тут у меня голова раскололась надвое; я чувствовал это. Такой ужас... меня затошнило.

Погрузившись в свой невыразимый конфликт, Жан-Поль, кажется, испытал краткое чувство деперсонализации. «У меня голова раскололась надвое», — мысль, порожденная первичным процессом мышления, в таком виде она могла появиться в сновидении. Этот сгущенный образ отражает смешение Жаном-Полем себя и других, а также неразделимое слияние либидинозных и деструктивных импульсов. Его сильно загруженная желудочная область предоставляет ему еще одну соматическую метафору, взамен интрапсихических представлений и эмоций: конфликт подает себя, как рвотный позыв.

Возникло искушение представить себе, что деструктивные и каннибальские фантазии Жана-Поля и были причиной его желудочной патологии, но все указывало на противоположный вывод: сама его неспособность позволить себе переживать такие импульсы и проговаривать их оставляла его с «безымянным ужасом» (Бион, 1962), который он не мог ни вместить, ни обдумать. В его язве можно увидеть *протосимволическое* значение (которое, в результате аналитического процесса, медленно приобретало фантазийное содержание). В то же время, ответ его желудка на психический конфликт также можно понимать, как *психосоматическую регрессию* на ту раннюю стадию недифференцированного

аффекта, при котором гиперфункция желудка стимулируется и эротическим возбуждением, и деструктивной яростью. Я набросала эти начальные заметки, потому что путанный и возбужденный монолог Жана-Поля вызвал у меня потребность внести некий порядок в мое собственное мышление. Во всяком случае, он резко вернул меня к своему дискурсу.

Жан-Поль: Я совсем растерялся теперь — и вот интересно, у вас в голове такая же неразбериха, как у меня?

Дж.М.: И у меня «голова раскололась надвое»?

Жан-Поль: Ха! Это вернее, чем вы думаете. Всю неделю я говорил себе: «Приехали! Снова боли в желудке, и может быть, это серьезно. И экзема тоже! Я еще расскажу ей, как я болен, и что все это из-за нее». Я обещал себе, что вы отправитесь в отпуск, раздираемая виной за то, что так плохо ведете этот анализ!

Дж.М.: *[Жан-Поль продолжает подробно развивать свою мысль, о боли и тревоге, которые, он надеется, я буду испытывать в отпуске. Мне приятно видеть, что впервые он реагирует несколько аффективно на наше разделение. Однако, страдать предстоит не ему, а мне.]* Так что я могу отправляться в отпуск при условии, что мысленно возьму вас с собой, «раздираемая» изнутри тревогой? Как вы думаете, это поможет вам избавиться от вашей внутренней тревоги, если вы переложите ее на меня?

Жан-Поль: Сука! Господи, что я теперь сказал? *[прижимает руки ко рту]* Простите... вырвалось, знаете. Вы не сердитесь на меня, я надеюсь? *[Пауза]* Скажите что-нибудь! Я боюсь!

Дж.М.: Опасных слов? Мыслей, которые могут убить? *[Здесь я ссылаюсь на более раннюю сессию, когда он боялся что-либо вообразить, в страхе, что так и получится.]*

Жан-Поль: А, ... да! Сейчас я не хотел это говорить, но думал... хорошо... о прекрасном детективном рассказе... преступник был душетельным. Но он душил только женщин. Возбуждающих желание. Ах, если бы только я был сумасшедшим! Знаете, в удушении есть что-то особенное... это почти ласка. *[Пауза]* Я пугаю вас?

Дж.М. *[Расцветающие фантазии Жана-Поля о насилии и физическом нападении на женщин находятся в таком разительном контрасте с предыдущим заявлением, что он «обожает женщин» и неспособен к агрессивным мыслям о них, что я спрашиваю его, не может ли быть «возбуждающая» идея об удушении женщин таким способом]*

эротического контакта с ними, при котором их опасные стороны остаются под контролем. Это вмешательство ведет к неожиданным свободным ассоциациям, касающимся мастурбации (никогда прежде не приводившимся), и указывает в направлении пренубертатных фантазий о садистском половом акте.]

Жан-Поль: То, что вы сказали, вызывает у меня странное чувство, точнее, напоминает мне: когда мне было около девяти, я душил свой пенис. Больно было ужасно, но и ужасное удовольствие доставляло.

Дж.М. [Так я впервые узнала о попытках Жана-Поля справиться с кастрационной тревогой через изобретение сексуального отклонения, при котором его страх (что его пенис будет «задушен» из-за запретных сексуальных желаний) становился источником возбуждения и удовольствия. Вытесненные фантазии, раскрытые в этой мастурбаторной активности, начали занимать свое место в цепочке архаичных образов первичной сцены: пожирающий и кастрирующий рот... душащая вагина с оральными и анальными качествами... отношения «душителю — удушаемый», в которых Жан-Поль душил бы за шеей женщину (вместо своего пениса) — и таким образом, через проективную идентификацию и отсутствие различия Я и объекта, ухитрился бы приблизиться эротически, и в то же время под контролем, к опасной женщине и пугающему импульсу.]

Жан-Поль: Скажите что-нибудь! Честно говоря, я думаю, что вы сегодня не очень-то ко мне расположены.

Дж.М.: Женщина-сука с половым органом, который душит?

Жан-Поль: Это важная мысль! [Все его тело, напряженное и закосневшее последние десять минут, заметно расслабляется, появляются новые ассоциации, несущие классический символ опасных женских гениталий.] То, что вы сейчас сказали, заставило меня вспомнить, как я боюсь пауков. Я их ненавижу. У меня в кабинете как-то появился один, на потолке. Я окаменел от страха.. не мог ни слова понять, что мне секретарша говорит.

Женщина-паук, пожирающая и душащая, парализующая жертву, теперь ясно была видна за «обожаемым» образом. В бессознательной фантазии Жана-Поля сексуальные отношения представляли собой дуэль, в которой ему противостоял ужасный противник: он встречался один на один с архаичным материнским образом, без всякого фаллического символического отцовского объекта, с которым можно было бы идентифи-

цироваться или искать у него защиты. Может быть, Жан-Поль должен был «приручать» свои сексуальные объекты, всячески их соблазняя? Или главенствовать над ними через фантазии о садистском нападении?

Затем Жан-Поль привел ряд воспоминаний о пауках. Маленьким мальчиком он обожал насекомых, *особенно пауков* и играл с ними часами. Это время, в латентном и раннем пубертатном возрасте, совпадало с периодом его изобретения душить свой пенис. Рассказывая, он неожиданно понял свои противоречивые чувства к паукам: любимые спутники его детства теперь стали источником фобийной тревоги. После этой сессии я снова отметила, что объекты деятельности, которые были сильно загружены запретными эротическими и садистскими значениями в детстве, должны быть контркатектированы (противозагружены) во взрослом возрасте, и что решение этого конфликта может принять разные формы, от невроза до психоза и до психосоматики.

Жан-Поль: Как это я вышел на этих пауков?

Дж.М.: Через женщину-паука, которая сегодня не очень-то к вам расположена?

Жан-Поль: Ужас! Я получил картину моего секса положительно искалеченную вами. *[Пауза]* Когда я хочу заняться любовью, а Надин мне отказывает, у меня возникает крапивница вокруг гениталий.

Дж.М.: Как будто вы заменяете крапивницей занятия любовью? О чем вас заставляет подумать крапивница?

Жан-Поль: Фу! Муравьи, черви, все эти, которые везде пробираются. Кошмар. От одного разговора об этом у меня уже везде чешется. Когда Надин отказывается от секса день за днем, именно так я себя и чувствую, словно покрыт насекомыми. Зудит во всех местах, даже где нет крапивницы. Волосы становятся сальными и прилипают к голове. Я чувствую себя грязным и все время должен принимать душ.

Дж.М.: *[Следы истерической конверсии и обсессивно-компульсивного поведения уже видны, но еще плохо организованы. Игры с насекомыми из прошлого и детские фантазии о первичной сцене теперь заменились кожными ощущениями и анальной фантазией; сама кожа Жана-Поля стала разъяряться, когда Надин отталкивает его, и весь его образ тела покрылся воображаемыми фекалиями.]* Как вы думаете, что говорит этот язык кожи?

Жан-Поль: Это напоминает мне мать и ее ужасные кожные высыпания. От одного взгляда на нее я чесался. *[Жан-Поль трясет руками в воздухе, чешет их и трет, будто сбрасывая насекомых.]*

Дж.М.: *[Я раздумываю об образах, которыми Жан-Поль передавал свою мать, так что она представляла одновременно соблазнительной и фрустрирующей. Теперь он, кажется, проживает регрессивную фантазию, что находится в ее коже (желание слиться? отменить отделение от нее?) и наказан за свое вторжение (фантазийная кастрация, которую он понес «на собственной шкуре»?). Какие бы ответы мы ни нашли, кажется несомненным, что холодность Надин, в совокупности с неминуемым расставанием на время отпуска, внесли большой вклад в реактивацию запрещения архаичных эротических стремлений Жана-Поля к своей матери.]* Так вы оказались «в шкуре матери», в ее коже?

Жан-Поль: Черт возьми! Стать матерью — не решение! Кроме того, идея жуткая. Сексуальное желание к матери не беспокоит меня — я всегда знал, что считаю мать сексуально привлекательной женщиной. Меня гложет сама мысль *быть в ее коже*. По мне везде мурашки ползут.

Здесь Жан-Поль дает намек на первичную природу своего желания стать единым целым со своей матерью, несомненно активизированного не признаваемой им угрозой отделения и того, что его бросят (мой отпуск, резкие отказы Надин). Орально-кастрационная и анально-выделительная токсичная фантазия делает первоначальный объект желания, материнское тело и гениталии, архаичной линией первичной защиты. Но смещение Я-объект (обязанное, отчасти, особому характеру отношений Жана-Поля с матерью и обедненной структуре эдипальной организации, которой эти отношения способствовали) могло привести только к смещениям, сгущениям, проекциям и контр-проекциям в нескончаемых циклических рядах: материнское тело... его содержимое... ее кожа... пенис-шея, за которую душат... женщина-толпа... паук.

Внутренняя борьба Жана-Поля со своей матерью и ее особыми либидинозными вложениями в него, казалось бы, нашла (и затем утратила) множественные физические выражения, которые были детскими попытками самоизлечения перед лицом психической боли и потери себя. Некоторые из этих решений только теперь возвращались в его сознание; многие были явно заброшены без всякой компенсации в форме новых психических конструкций: например, театр насекомых, наполовину эротизированный, наполовину сублимированный, уступил место сексуальной перверсии, истерической конверсии, фобии, аутентичной субли-

мации (Жан-Поль — специалист-любитель по энтомологии) и психосоматической болезни.

Дж.М.: Наше время на сегодня закончилось.

Жан-Поль: Хорошо. Я только хотел сказать, что начинаю видеть — что-то не так в моих отношениях с женщинами. Надин, вы, мать — мне есть чем заняться в летнем отпуске!

В моих заметках я размышляю о том, что пропасть между реальным телом Жана-Поля и воображаемым телесным Собственным Я становится уже, и что «бредовое» тело с расстроенным соматическим функционированием находится на пути к тому, чтобы стать символическим. С желанием успокоить себя относительно трудности аналитического путешествия, я добавила: «надеюсь, он становится способен скорее к невротическим, чем к соматическим решениям при психическом стрессе».

Размышляя о значении архаичных сексуальных образов, которые играют столь важную психическую роль для анализанта, цитированного в этой главе, я заметила, что эротизация — привилегированное средство победить очень ранние травматичные переживания. Когда такая защита рушится или действует лишь отчасти, тогда архаичные сексуальные импульсы, с их противоречивыми целями и путаницей Я-другой, исключаются из сознания. Это исключение оставляет психику и тело лишь с одной возможностью: соматический взрыв в качестве единственного средства выражения защиты.

Вновь открывающиеся в анализе фантазии — несомненно неотъемлемая часть вытесненных эротических инфантильных желаний каждого человека. Остается вопрос, почему у данных анализантов их вытеснение получило скорее соматическое, чем психологическое выражение. Присутствие сходных бессознательных фантазий у индивидов, чьим психическим предназначением руководил другой динамический субстрат и более подвижная психическая экономия, могло привести к созданию фобий или обсессивных и истерических конверсионных симптомов, вместо психосоматических расстройств.

В следующей главе, продолжающей описание клинического случая Жана-Поля, дана поразительная иллюстрация того, как психосоматические сообщения о его невысказанном конфликте медленно уступали место уверенному росту невротических конструкций. Связи, возникшие в результате проговаривания психосоматических явлений, постепенно упрочивались.

Глава 9

От молчания тела к слову псyxе

...Одна из наиболее интегративных и потому поддерживающих вещей, которые мы можем предложить клиенту, — это способность вербальных символов вмещать и организовывать мысли, чувства и ощущения... Иными словами, символы помогают творить нас, как людей.

Томас Огден

Пренатальное взаимодействие между матерью и еще нерожденным ребенком, в совокупности с влиянием бессознательного родителей на матрицу тело-сознание новой жизни, уже оставляет некий, пока еще не твердый, отпечаток в психических структурах. Клинические наблюдения (Морган, 1992) подтверждают, что родительские проекции на нерожденного ребенка, как и аффективно окрашенные внешние события во время беременности матери, играют определенную роль в контакте матери с плодом. Вслед за этими пренатальными влияниями и совместно с ними, ранние взаимодействия между матерью и предметом ее заботы могут определить тенденцию скорее к соматическому, чем к психологическому реагированию на внешний и внутренний стресс. Поскольку первичные психические структуры создаются через психические представительства доязыковых означающих, важно исследовать отношения между этим забытым языком и психосоматическими симптомами.

Протоязык соматизации

Риск соматизации выше для каждого, при нарастании внутреннего конфликта или внешнего давления более обычного. Вряд ли в психоаналитической практике найдется хотя бы один пациент или аналитик,

у которого не было бы, время от времени, соматических расстройств из-за психического дистресса. Мы все склонны соматизировать, когда внутренние или внешние события не вмещаются в рамки наших обычных защит против душевной боли и чрезмерного возбуждения или делают невозможными наши обычные пути разрядки напряженных эмоциональных переживаний. Однако нас как аналитиков больше заботят те пациенты, чьи психосоматические проявления составляют значительную часть их общей клинической картины, особенно когда в их психической структуре выявлена относительная бедность других форм психологической защиты.

Мой интерес к бессознательному значению психосоматических проявлений в курсе аналитического лечения проистекал из более широкого интереса, возникшего много лет назад, а именно, интереса к прослеживанию факторов, которые, как представляется, ускользают от аналитического процесса. Они включают конфликты, тревожные ситуации, фантазии и паттерны характера, которые никогда не упоминаются в курсе анализа, но через которые неосознанная душевная боль и психический конфликт (проистекающие из внутреннего давления, внешнего стресса в окружении или даже напряжений, создаваемых самим аналитическим процессом) разряжаются в неких действиях вне рамок аналитической ситуации. Типично, что анализант не ставит под вопрос это особое поведение, считая его неотъемлемым от своего бытия или способа справляться со стрессом, и аналитик остается в неведении о нем. Симптом проявляется в виде действия — вроде короткого замыкания, произошедшего в цепи психической переработки, необходимой для конструирования психологических симптомов. Он меньше зависит от языка и потому может считаться регрессией к ранним стадиям психической организации — образу мышления, характерного для детей. В течение жизни у всех нас есть доступ к этой форме первичного психического функционирования. Симптомы, будь это невротические или психотические проявления, организация характера, паттерны действия, дурные привычки или психосоматические проявления, все они без исключения — результат детских попыток найти ответ на душевную боль, психический конфликт.

У всех нас обязательно развиваются психические организации и ментальные структуры, имеющие дело с физической и душевной формой боли, ждущей нас с самого рождения. Но успех этого начинания зависит от двух взаимосвязанных факторов: от способности к развитию

символической функции и от того, в какой степени история личности и ее раннее окружение скорее облегчали, чем затрудняли это развитие. Здесь важно увидеть, насколько бессознательные проблемы родителей сделали задачу взросления еще труднее, чем она есть на самом деле.

Каждому человеку брошены два вызова — сложный процесс приобретения и усвоения чувства личной идентичности, за которым следует примирение со своей родовой идентичностью и усвоение будущей сексуальной роли; причем и то и другое включает в себя процесс оплакивания. Как уже упоминалось, индивидуальность и однополость — главные нарциссические раны для мегаломанической психе ребенка, но для них есть богатая компенсация. Преодоление требования прав слияния включает отказ от всемогущественного ожидания магического исполнения своих желаний, как это бывает в детстве, когда желания выполняются в обход необходимости быть закодированными в языке. Однако, этот отказ вознаграждается ощущением самоидентичности и свободы от контрфантазии о всемогущественном контроле матери. Преодоление бисексуальных и инцестуозных желаний включает отказ от невозможного желания быть и обладать обоими полами, а также от требований, связанных с эдипальным кризисом, в его гомосексуальном и гетеросексуальном измерении. Эта потеря компенсируется дарами сексуального желания и его удовлетворения во взрослых любовных отношениях.

Соматические симптомы всегда включают развал способности личности к символизации и, следовательно, способности к психической переработке воздействия стрессовых переживаний. Когда тревога, горе, неосознанная ярость, ужас или необычайное возбуждение соматизируются, вместо того чтобы быть признанными и пройти через процесс осмысления, личность погружается в первичные формы мышления, где означающие довербальны. Другими словами, наступает регресс к инфантильным методам обращения с аффективными переживаниями. Младенец может только соматически реагировать и на физический и на психический стресс, когда этот стресс «не переварен» с помощью материнской ласки и заботы. Соматизация может быть концептуализирована как форма довербального или протосимволического функционирования, которая, таким образом, образует «протоязык». В этой главе исследуется психическая экономия, лежащая в основе соматизации, первичный символизм и «протосообщения», которые ищут своего немного выражения через психосоматические симптомы.

Матрица тело-психика

Новорожденный еще не воспринимает свое тело и психику по отдельности и не делает различия между собственным телом и собой и материнским телом и бытием. Мать еще не другой человек, но, в то же время, она нечто гораздо большее: она — весь окружающий мир, а он — только крошечная часть этого мира. Мы должны постулировать существование универсальной фантазии в психических переживаниях младенца, где есть только *одно тело* и только *одна психика* на двоих.

Для матери нормально разделять с ребенком иллюзию слияния и единства в первые недели его жизни. Но некоторые матери, по разным бессознательным причинам, продлевают эту фантазию о слиянии и бессознательно воспринимают своих детей как интегральную часть их самих еще долго после периода младенчества. Не понимая или не принимая во внимание знаки и сигналы ребенка, они навязывают свою интерпретацию его потребностей и желаний. Другими словами, проблема в тревоге, связанной с отделением, у *матери*, а не у ребенка. (Детские расстройства сна, одна из самых ранних форм детских психосоматических нарушений,— пример ответа ребенка на такое материнство.)

Тревога матери впоследствии склонна тормозить вторую важную психологическую потребность ребенка, параллельную его желанию сохранять иллюзию слитного единства с матерью, а именно, его влечение к *отделению*. Мать, которая хочет оставаться одним целым с ребенком, из-за бессознательных конфликтов и нерешенных проблем, происходящих из ее собственных детских переживаний, склонна оставаться глухой к сигналам ребенка, указывающим на потребность в дифференциации от материнского тела и от нее самой. На самом деле, она может даже препятствовать любым спонтанным, не ею инициированным действиям своего ребенка.

В предыдущих работах (МакДугалл, 1989) я уже ссылалась на все те сведения, которые мы можем получить о диаде мать-дитя из детских психосоматических заболеваний. Эта диада включает отца и занимаемое им место, реальное и символическое, в материнской жизни.

Телесный язык и язык тела

Вербализация телесного опыта и воплощение языка поднимает много сложных вопросов. Начать с того, что предположение о раздельности тела и психики — весьма произвольное. Концепция дуализма душа-тело, наследство картезианской философии, может затемнить наше восприятие, искривить наши теоретические построения и даже исказить нашу клиническую работу. Точно так же, предположение, что у тела нет «языка», о чем заявляют некоторые теоретики,— опасный уклон для психоаналитика. Возможно, телесный язык — *единственный*, который не умеет лгать! По крайней мере, мы спокойно можем сказать, что тело, как и его соматические функции, обладает замечательной *памятью*.

Инфантильная псوخе явно артикулирована долингвистическим образом, хотя первые взаимодействия матери и младенца происходят в атмосфере, где речь уже готова распусться,— в воздухе «материнского языка». Начиная с рождения, крошечный ребенок окружен влияниями среды, организованными системой вербальных знаков и смыслов. В то же время, там звучит и *другой язык*. Тело ребенка, с его сенсорным восприятием, находится в постоянном контакте с телом матери (с ее голосом, запахом, прикосновением и теплом). Ребенок получает эти невербальные сообщения в форме телесных впечатлений, хотя и сопровождается человеческой речью.

Эта парность сенсорного и вербального,— конечно же, причина того, что соматические переживания обычно переводятся в словесное выражение таким способом, с которым каждый может идентифицироваться. Эта же идентификация происходит всякий раз, когда мы обращаемся к важным эмоциональным переживаниям. Слова, используемые для передачи эмоций, неизменно укоренены в сенсорных метафорах: мы *дрожим* от страха, *раздавлены* горем, *нагружены* заботами, *задышаемся* от гнева, наше сердце *бьется* от радости, и его *пронзает* печаль. Аффект никогда не бывает ни чисто психическим явлением, ни чисто соматическим.

В определенном смысле, соматическое переживание переплетено с символическим словом прямо с рождения, когда еще нет вербальных означающих. Прославленный принцип Лакана, «бессознательное структурировано, как язык», может быть скорее вводящей в заблуждение, чем

полезной метафорой, когда исследуются ранние довербальные взаимодействия между псюхе и сомой и инфантильные истоки психической структуры. За годы работы я стала скептически по отношению к тем последователям Лакана, которые утверждают, что символическое слово языка — единственный надежный носитель для понимания психоаналитического процесса, в особенности, когда речь идет о концептуализации первичных состояний сознания.

Большинство из нас делят фрейдовскую зачарованность словом. Как указывает Понталис в своей побуждающей к размышлению статье, Фрейд проявлял большое доверие к власти языка. Слова наделялись им волшебной силой и, на самом деле, были «волшебными, в самых своих истоках». Стоит также заметить, что Фрейд никогда не сходил с этой позиции, даже после того, как открыл сокрушительное воздействие того, что он назвал «демонической властью инстинкта смерти». Даже это всевластное влечение не могло нападать на написанное слово! Хотя Фрейд был свидетелем расстройства, фрагментации и неумолимого разрушения внутреннего психического мира своих пациентов, коллег и друзей (и разоренного войной мира внешних событий), его вера в язык была непоколебима в разгаре каждой катастрофы (Понталис, 1990).

В данном контексте в голову приходит библейское «в начале было слово». Возможно, эта почтительность к языку — наследство патерналистской религии. В начале был все же *голос*, но даже прежде голоса, во внутриутробном мире, уже был звук и ритмическое биение — зачатки музыки. Фрейд сам признавал, что, за малым исключением, он не понимает музыки, нечувствителен к ее власти. Конечно, он не мог позволить и не позволял такого прямого проникновения в его сердце и душу. Можно ли предположить, что Фрейд воздвиг фаллический барьер слов, уравнивая язык с отцовским приказом (как и Лакан), чтобы защититься от голоса сирен, власти первичной матери?

Каков бы ни был ответ, каждый знает, что мать дает ребенку, лежащему у нее на руках, нечто большее, чем слова и фразы. Сам тембр ее голоса наполнен ее телесностью и ее чувствами. Наши слова могут ласкать другого и так же легко ранить его. Звук голоса может согревать сердце и резать ухо; у него тот же эффект, что и у жеста или взгляда на другого человека. В диаде мать-дитя голос матери проникает в телесное Собственное Я ребенка, тогда как взгляд (зримое слово) склонен создавать расстояние, как и само слово. Зрительное восприятие

можно прекратить, просто закрыв глаза или отвернувшись, но не так-то просто закрыть уши!

Дидье Анзье (1986) соглашается с большой важностью раннего «кожного Я» («le Moi-peau»), в которое он включает многие другие смыслы. Я бы добавила к этой плодотворной концепции концепцию *обонятельного Я* (а еще — респираторного, висцерального и мускульного) в качестве красноречивых источников *довербальных означающих*, которые текут между матерью и ребенком и вносят основной вклад в раннее структурное развитие психики. В этом контексте следует подчеркнуть, что не восприятия сами по себе интересуют нас прежде всего, а способ, которым они регистрируются психически.

Важно также признать, что эти ранние означающие не могут быть вытеснены так, как определил вытеснение Фрейд (1915в); а именно, как психический механизм, сохраняющий в бессознательном интрапсихические представительства, связанные с влечениями через посредство вербальных мыслей и воспоминаний. Поскольку с довербальными воспоминаниями невозможно обращаться так, есть постоянный риск, что их динамическая роль будет выражена в неожиданном взрыве галлюцинационных переживаний или соматическом приступе.

Неопосредованная природа довербальной силы убеждения ускользает от осознания и от любой попытки уловить психические представительства сильно загруженных аффективных переживаний. Таким образом, пациенты, у которых этот тип психической экономии *преобладает*, испытывают затруднения в психическом представлении воздействия внешних событий и отношений, а также требований, исходящих из их внутреннего мира. Их сознательный контакт с собственной психической реальностью склонен к обедненности, в результате чего они кажутся неспособными видеть сны, фантазировать в бодрствующем состоянии и выражают конфликт скорее через действие, чем через психические переработки. Как уже указывалось, за нормопатическим фасадом прячется психотическая тревога, которая, в конце концов, выражается в словах и образах. Природа этой тревоги восходит к переживанию поглощающего ужаса, против которого аутичные дети пытаются защититься, в частности, отказом от участия в символическом общении через язык. У полисоматизированных пациентов «аутично» ведет себя тело, и это оно «отказывается» от вербальной переработки страха, глубоко «затопленного» или исключенного из сознательного понимания.

В этом отношении концепция Огдена (1989а) об «аутично-близкой» позиции помогла мне:

1) концептуализировать отношение явления полисоматизации у определенных анализантов к их использованию языка;

2) понять мои собственные контрпереносные чувства, которые удерживают меня в «аутичной позиции», или, напротив, делают мое тело неразличимо от тела пациента.

Таким первичным способом мои пациенты «сообщали» мне, как именно *они* сумели пережить раннюю психическую травму во взаимодействии с бессознательным родителей: положившись на аутично-близкую позицию в отношении и внутреннего, и внешнего мира. Это позволило мне глубже понять защитную ценность «псевдо-нормальности», которую я всегда рассматривала как знак глубокого, непризнаваемого дистресса (МакДугалл, 1985). Я заметила, что этот «щит» помогает этим анализантам справляться в повседневной жизни и часто позволяет им увлечься высоко интеллектуальными целями или с большой эффективностью управлять важными предприятиями. (Хотя не все нормопатичные пациенты соматизируют, годы клинического опыта научили меня, что их психосоматическая уязвимость чрезвычайно высока.)

С такими анализантами аналитик решает многостороннюю задачу: во-первых, внимание направляется на то, чтобы различить анонимный страх (тот, на который Бийон в 1962 ссылался, как на «безымянный ужас»), скрытый за аналитическими ассоциациями, и затем помочь анализантам найти в себе храбрость понять, что они чувствуют. По мере того, как захлестывающая тревога постепенно становится ощутимой, рамки анализа обеспечивают безопасную среду, которая позволяет пациентам вообразить, какие фантазии могли бы сопутствовать испытываемому чувству. Наконец, становится возможным *назвать* прежде безымянный ужас, против которого такие пациенты защищались всю свою жизнь. Фантазии оказывается возможным связать с конфликтами настоящего времени, которые, в свою очередь, раскрывают свое скрытое значение. Бессознательные тревоги такого рода обычно укоренены в травматичных событиях, произошедших в самом раннем детстве, до овладения речью.*

* Однако сходный безымянный ужас может также возникать у пациентов, которые пережили неизбывный страх в то время, когда полностью владели речью, если события были такого размаха, что их способность использовать словесную мысль временно угасла, например при ужасах войны или геноцида.

Когда садистский эротизм становится вербальным

Последующие заметки о сессии были сделаны при работе с Жаном-Полем (о которой говорилось в предыдущей главе) около трех лет спустя. В это время Жану-Полу стало заметно легче. Он мог смотреть на меня, и хотя он, как падающая звезда, «нырял» в кушетку, в целом он стал менее напряженным и странным.

На сессиях предыдущей недели Жан-Поль увлекся рассказыванием фантазий, в которых воображал, что он выкапывает «большие черные кратеры» в женских грудях, тема, на которую его вдохновил большой плакат, на котором он ежедневно видел женщину с обнаженными грудями. Центральная тема сопровождалась иной озабоченностью: быстро взглянув на меня перед тем, как броситься на кушетку, Жан-Поль говорил, что видит меня «разбитой» или «физически больной».

Жан-Поль: Вы устали? Если бы вы только знали, как это меня тревожит! Я всегда ужасно боюсь увидеть, что вы выглядите измученной. Я не знаю почему. *[Долгая пауза]*

Дж.М.: Вы, может быть, помните, что на прошлой неделе вы воображали, что копаете черные кратеры в женских грудях. Могла бы женщина от этого устать или измучиться?

Жан-Поль: Теперь это раздражает меня, потому что в этом нет ничего общего с реальностью. Меня вовсе не интересуют фантазии!

Дж.М.: Вы видите меня истощенной, а однажды описали мое лицо как «сдвинутое». Не могли ли эти впечатления заместить собой какие-то образы или чувства, касающиеся меня?

Жан-Поль: Я иногда «вижу» странные вещи перед тем, как заснуть, и это пугает меня. *[Жан-Поль редко запоминает сновидения.]*

Дж.М.: Как будто и здесь тоже вы могли бы «увидеть странные вещи», чтобы избежать фантазий или не позволить себе вообразить что-то, похожее на сон? Может быть, раз вы отказываетесь позволять себе такие мысли, они появляются перед вами, как реальные восприятия?

Жан-Поль: Но у меня есть все причины душить мои сумасшедшие идеи. Они приводят меня в гораздо большую панику, чем странные вещи, которые я воображаю, что вижу. Мои мысли правда ужасны!... Но что-то важное изменилось. Теперь я могу смотреть людям в глаза, и я больше не боюсь, что и они посмотрят на меня. Это все еще беспокоит меня,

потому что я вижу их всех разбитыми, почти все время, но это больше не расстраивает меня, как раньше. Таким образом, если они так выглядят... *[долгая пауза]*... или это я делаю так, чтобы они так выглядели?

Дж.М.: Так, как вы видите меня сейчас?

Жан-Поль: Да, точно так! *У меня разрушительный взгляд.* Господи, зачем я так делаю? В чем я вас упрекаю? ... Нашел! ... Ваши интерпретации! Я ненавижу их, особенно если чувствую, что они важны и полезны мне. *[Пауза]* Я не могу вынести, когда вы о чем-то успеваете первой подумать.

Дж.М.: Словно вы боитесь быть в зависимости от меня? Как будто у меня может быть что-то нужное вам?

Жан-Поль: Точно! Особенно если это что-то, о чем я мог бы подумать сам. В такие минуты я готов разорвать вас на куски.

Дж.М.: *[Вспомнив, что Жана-Поля кормили грудью чуть не до четырех лет.]* Как голодный маленький мальчик, который мог быть в ярости, оттого что должен зависеть от матери, от ее груди, чтобы быть сытым? Мог бы он от этого захотеть — «разорвать их на куски»?

Жан-Поль Вы знаете, я думаю, что это очень верно. И я ненавижу вас за это! Вот дерьмо, почему я должен *нуждаться* в вас?

Дж.М. *[Далее на сессии Жан-Поль опять возвращается к его образу моего разбитого лица.]*

Жан-Поль О-ля-ля! Теперь это *вы* — тот, кто все это получил. Но я не должен даже думать о таких вещах, или вы действительно можете заболеть. Вы знаете, я ужасно боюсь таких мыслей.

Дж.М. Боитесь, что ваши фантазии могут оказаться волшебными и исполнятся сами собой?

Жан-Поль Вот вы опять! Ну хорошо, давайте нырнем. Почему это так ужасно — вообразить вас с черными кратерами на месте сосков, в любом случае? *[мотает головой из стороны в сторону]* Я знаю почему! Потому что для меня груди — самая красивая, мягкая и чувствительная часть женского тела. Я просто не могу вынести вида, как я сам нападаю на них.

Дж.М. *[Его голос дрожит, и он, видимо, на грани слез. Это можно рассматривать как приближение к «депрессивной позиции», согласно определению Мелани Кляйн (1957).]*

Жан-Поль: Я чувствую себя так, словно я всех разрушаю. Надин... мать... Я смотрю на них и вижу, что они выглядят гротескно-бесформенными, старыми. Но с вами — хуже всего. *Вам* я назначаю смерть. Это

правда страшно. *[Долгая пауза]* Я действительно больше ничего не понимаю. Почему все эротическое неизменно полно ужаса для меня? Я хочу заниматься любовью, а вместо этого воображаю сцены пыток. Ой! У меня начинаются ужасные боли в желудке! Я твердо всем телом, напрягаю всё внутренности, чтобы *предотвратить* такие ужасные мысли. Если я напрягусь как следует, может быть, они и не придут мне в голову. Но это бред. Что ужасного в этих мыслях, все-таки?

Дж.М. *[Исследуя свою идею, Жан-Поль постепенно замечает, что его острая боль в желудке исчезла. Он удивлен этим «чудом» и начинает сомневаться в способе, которым он использует свое тело, чтобы не думать.]*

Жан-Поль: Но это значило бы полную неразбериху, если позволять какой угодно мысли овладеть мной. Дезорганизация... болезнь! Я этого не вынесу! ... Я сойду с ума.

Глаза нападения

В последовавшие за только что описаной сессией недели у Жана-Поля продолжали возникать неожиданные «видения» и псевдовосприятия, но он теперь мог анализировать их более глубоко и с меньшим страхом, что он сходит с ума. Следующий отрывок иллюстрирует постепенную невротизацию его конфликтов.

На какое-то время Жан-Поль стал замечать «слепые пятна» в своем поле зрения; его озабоченность этим явлением, которое он называл «скотомой» достигла ипохондрических размеров. После визита к офтальмологу он сообщил, что ничего плохого с его глазами нет вообще: «Я просто вижу все не так, как надо».

Важное изменение отражено в этом замечании: впервые Жан-Поль использовал свои телесные образы *метафорически*. Это значит, он начал «десоматизировать» свое самовосприятие. У него все еще были псевдовосприятия, но теперь он подвергал их сомнению. Далее, он сообщил на сессии, что разговаривал на работе с женщиной, которая привлекала его сексуально. Рассказывая о ней, он называл ее «молодой матерью». Следующая выдержка из сессии дает необычный пример внезапного вытеснения во время самой аналитической работы.

Жан-Поль: Я не могу перестать думать о ее грудях и ее хрупкости. Я должен быть осторожен в своих мыслях о ее... э-э-э... да, о чем это я?

Смешно, но я совсем утратил нить мыслей. Пустота. Как будто стою перед белой стеной. Милостивый боже! Опять моя скотома!

Дж.М.: [*Неожиданное вытеснение повело за собой возобновление истерических проявлений!*] О чем вы думали как раз перед тем, как возникла скотома? Когда вы сказали, что чувствуете себя, как будто стоите перед белой стеной?

Жан-Поль: Не имею ни малейшего понятия. Даже не помню, о чем говорил.

Дж.М.: Молодая мать, которая кажется такой хрупкой...

Жан-Поль: О ля-ля! Неужели я осмелился позволить себе хоть *что-то* думать о ней? Хорошо, я видел, как раздеваю ее и кусаю ее груди, и я стал с яростью заниматься с ней любовью, как помешанный, и я содомировал ее и ел ее испражнения... Послушайте, я не могу этого! Если я буду следовать вашей системе и говорить все, что приходит мне в голову, я прямехонько рехнусь. Царица небесная, скотома пропала!

Архаичная истерия и ее трансформации

Такие симптомы, как «скотома» Жана-Поля, можно вполне описывать как первичную форму истерии — защиту против догенитальных желаний, которые, скорее, остаются запертыми и закапсулированными, чем разворачиваются в фантазии, чтобы впоследствии подвергнуться вытеснению. «Черные кратеры в грудях» появляются, чтобы трансформироваться в «слепые пятна» в глазах Жана-Поля. Однако, в вышеупомянутой сессии Жан-Поль больше не встречается с кошмаром безымянного ужаса. Он теперь способен найти слова и психические представительства, подходящие для выражения своих болезненных аффективных состояний. Эти впервые идентифицированные состояния начинают отражать обычные инфантильные сексуальные теории, с сопровождающими их догенитальными импульсами. Во время последующих сессий я заметила, что у Жана-Поля часто появляется «скотома», когда он злится или переполнен яростными эротическими фантазиями.

Жан-Поль: Скотома тревожит меня. Я уверен, что это способ *не видеть*, то есть, не знать чего-то, но неприятность в том, что я не знаю, чего! В такие минуты меня переполняют жуткие мучения, безумный

первобытный страх, который сваливается на меня, особенно после занятий любовью — я тогда просто не могу смотреть на женщину. Она становится вампиром.

Дж.М.: И все-таки, это у вас были фантазии о поедании женщины, которая привлекала вас сексуально — молодая мать; вы хотели съесть ее груди и ее экскременты. Не думаете ли вы, что пугающие и деструктивные стороны ваших собственных фантазий могли заставить вас бояться, что женщина собирается высосать кровь у вас?

Жан-Поль: О, я этого не знаю! *[Пауза]*. Боже всемогущий! Меня трясет, стоит только подумать об этом... как раз так трясет, как теперь, когда я занимаюсь любовью... или даже думаю о том, чтобы заняться любовью. *[Пауза]*. Я опять думаю об этом фильме Поланского о вампирах и о той сцене, где мужчина уносит красивую девушку. Нате вам! Вампир-то мужчина!

Дж.М.: Так вампир-то это вы?

Жан-Поль: *[Смеется от удивления и удовольствия.]* Конечно, это я!! Как это я никогда не думал об этом? Я уверен что это связано с моей сексуальностью.

Дж.М.: *[Жан-Поль наконец осознает, что в его ребяческом представлении занятия любовью были эквивалентны разрушению партнера или партнером.]*

Жан-Поль: Почему все эротическое удовольствие для меня превращается в отраву? Я вижу эти черные дыры в грудях опять — как мертвые дыры, словно груди искушали шершни. Да, вот это что — ядовитые укусы в соски. *[Долгая пауза]* Я думаю, что всегда связывал эротизм со смертью. Недавно я побоялся заниматься любовью с Надин. Передо мной возник образ этих дыр от шершней, и неожиданно у меня пропала эрекция. Я хочу сказать, я не мог заниматься любовью с этой мертвой дырой!

Дж.М.: *[Жан-Поль дает дальнейшие свидетельства того, что он теперь конструирует невротические симптомы вместо психотических: на этот раз — форму временной импотенции; проблема, которой он не испытывал, когда его сексуальная жизнь была значительно более механичной и безэмоциональной, чем теперь.]* Как будто вы хотели избежать того, чтобы стать шершнем, который нападает на груди или улетает в мертвую дыру?

Жан-Поль: Именно! Я и есть шершень. Это я опасен; даже мои глаза могут разрушать. Вампир — вот теперь мой образ отца и часть меня тоже.

Так мы добрались до начала эдипального анализа Жана-Поля. Его психосоматика, прежде недоступная словесной мысли, постепенно стала анализируемым психоневрозом.

Анализ продолжался десять лет. Со времени его окончания пролетело много лет. Жан-Поль давал о себе знать, и несколько раз говорил мне, среди прочего, что его язва желудка и кожная аллергия больше не возвращались.

Истинной болезнью Жана-Поля была не язва желудка или нейродерматит, а его глубокий раскол между псюхе и сомой, между его вербальным повседневным Собственным Я и его эмоциональным Я; раскол, который был выстроен, чтобы не дать всплыть глубинной боли и психотическому ужасу, а также архаичной сексуальной фантазии. Его психика посылала только первичные сообщения об этих опасностях, но анализ продолжался, и постепенно его «бредовое» тело, с расстроенными соматическими функциями, становилось символическим, психосоматическим единством, которое позволяло ему соприкасаться со своей внутренней жизнью, продолжая осознавать воздействие на него внешнего мира. Бессвязные соматические сообщения были переведены в психические представительства, и силы жизни в нем искали новых путей выражения. Его отношения с детьми радикально изменились, а любовная жизнь стала богаче и много приятнее. Эрос в конце концов торжествовал над деструктивными и смертоподобными факторами, которые до анализа наполняли его жизнь и хозяйничали в ней.

От «био-логики» к «психо-логике»

Как же биологическое тело в конце концов становится психологическим — интегрированным телесным образом, который может быть назван, эрогенно загружен и когнитивно исследован?

С начала соматопсихической жизни, существуют двойные послания, которыми обмениваются псюхе и сома. Как об этом сказал Фрейд, сома «навязывает псюхе потребность в работе» посредством того, что он назвал ее «представительствами». Эти представительства или послания сообщают о состояниях потребности в чем-то, требуют удовлетворения. В ответ псюхе посылает телу сообщения, обычно исходящие из конфликтных переживаний, поскольку никаких приемлемых решений

в ответ на соматическое послания еще не найдено. Сомы, в свою очередь, должна отвечать на это эмоциональное послание. И так далее. Конечно, физические и психические потребности еще не разделены у крошечного ребенка. У взрослого, однако, такое разделение уже достигнуто.* Отрывки из анализа Жана-Поля открывают нам, что он часто путал соматические и психические переживания, трактуя их как одну и ту же вещь.

Не считая опыта телесного страдания (он может быть даже полностью исключен из сознательного признания), ясно, что тело, в котором мы живем, тело, о котором мы отдаем себе сознательный отчет,— это в значительной степени психологический конструкт. Те аспекты тела и его соматического функционирования, которые не достигают психического представительства, не существуют для нас. То же самое верно и для эмоций. Аффекты — наиболее привилегированные связи между сомой и псьюе; любое радикальное прерывание этих связей усиливает не только возможность патологии характера, но и психосоматическую уязвимость.

В итоге психосоматические симптомы выражают форму первичного языка тела, *протоязыка*, который предназначен для сообщения посланий во внешний мир в начале жизни человека. (Термин *сообщение* уместен в той степени, в которой существует образ «другого», наделенного способностью расшифровывать этот протоязык и отвечать на него.) Психоаналитику важно понимать, что, по мере продвижения анализа, этот протоязык с его протосимволизмом начинает использоваться как символический язык, так что границы между «чисто психосоматическими» и «чисто истерическими» проявлениями в конце концов становятся все менее отчетливыми (Сакс, 1985). Под влиянием аналитического путешествия все анализанты научаются воспринимать свои соматические симптомы как сообщения, обращать на них внимание и пытаться идентифицировать внутреннее или внешнее давление, которое и вызвало их, и таким образом наделять их метафорическим смыслом и значением. Многие пациенты будут использовать соматический симптом, как зародыш, вокруг которого надо построить защитную невротическую стену. Таким способом, немые соматические сообщения вторично приобре-

* Эта путаница также характеризует пациентов, страдающих от синдрома хронической боли. Для них типично уравнивать физическую и душевную боль. Но, в таких случаях, сцену для психосоматических постановок предоставляет схема тела в целом.

тают символический статус. Впоследствии, эти послания пригодны для прямого сообщения внутреннему и внешнему миру, через язык невроза, поддающийся расшифровке.

Помимо этого невротического «заслона», который часто уже есть до начала анализа, психосоматические проявления во многом похожи на процессы сновидения. Фрейд считал, что на службе у сновидения находится регрессивный способ выражения архаичного характера. Я часто говорила о психосоматических расстройствах, как о «снах, которые не снятся». Не можем ли мы рассматривать множество психосоматических выражений как регрессивную и архаичную форму сообщений, первичный язык тела, на передачу которого запрограммирована нервная система? Задача аналитика — создание (совместно с анализантом) словаря для перевода этой *био-логики* в *психо-логику*, что позволит архаичному, психосоматически выражающемуся телу наконец стать символическим.

Часть IV

ОТКЛОНЕНИЯ ЖЕЛАНИЯ

Глава 10

Неосексуальные решения

И я стал считать себя эстетом. А здесь — самоуверенный, как литературный критик — провозглашаю истинным свое убеждение в том, что здание эротического возбуждения, в каждом своем кирпичике, такое же хрупкое, сложное, вдохновенное, глубокое, приливно-отливное, восхитительное, устрашающее, проблемное, пропитанное бессознательным и отмеченное гениальностью, как творение сновидения или искусства.

Роберт Столлер

В 1984 году меня пригласили представить на Конгрессе Международной Психоаналитической Ассоциации в Гамбурге (Германия) доклад на тему «идентификаций и извращений, преимущественно с точки зрения клиники» (МакДугалл, 1986а). Первой моей мыслью было, что клинический подход позволит мне избежать сложностей, связанных с определением, что же является, а что не является *извращенным* в человеческой сексуальности. Однако мое успокоение было недолгим. Приняв во внимание, какой клинический материал подошел бы для доклада, я поняла, что провести более-менее ясное различие между «теоретическим» и «клиническим» психоанализом можно только искусственно. Клинические экскурсии *ничего не доказывают*. Они всего лишь служат иллюстрацией теоретической концепции. К тому же, теоретические достижения являются плодом обобщения бесчисленных клинических случаев, которые заставляли нас признаться, что мы в тупике, и подвергнуть сомнению уже существующие концепции. Более того, существует постоянный риск того, что наши теоретические убеждения настолько чрезмерны в своем влиянии на нашу технику, что наши анализанты иногда вынуждены использовать большую часть своего аналитического процесса лишь для того, чтобы подтвердить теоретические ожидания своих аналитиков! По всем этим причинам я почувствовала себя обязанной четко сформулировать то, что я понимаю под термином «сексуальное извращение».

Что составляет «извращение»?

Я критически смотрю на подобную терминологию, так как слово «извращение» всегда имеет уничижительное значение, подразумевая под собой деградацию, обращение во зло. (Никто никогда не слышал, чтобы то или это было *«извращено»* в хорошую сторону.) Но если подняться над моралистским подтекстом в общеупотребительном использовании этого слова, наш стандарт психиатрических и психоаналитических классификаций клинических единиц все равно остается сомнительным. Определение кого-то как «невротика», «психотика», «психосоматического больного» или «извращенца» может иметь мало отношения к реальности, особенно потому, что существует бесчисленное множество вариаций психических структур в каждой так называемой клинической категории. Примечательным аспектом психической структуры человека (как и его генетической структуры) является ее *единственность*. Психологические симптомы являются попытками самоисцеления, позволяющего избежать психического страдания; аналогично намерение и у симптоматичной сексуальности. Если смотреть более конструктивно на глубинное значение и цель симптомов, а также на причины их возникновения, мы неизменно обнаруживаем, что они являются детскими решениями конфликта, выходом из ситуации утраты себя и душевной боли. Столкнувшись с трудностями человеческого существования и с бессознательными конфликтами наших родителей, мы все должны изобретать пути выживания: и как личности, и как сексуальные существа; решения, которые мы находим, мы склонны применять всю последующую жизнь.

Около 25 лет я пыталась найти удовлетворительное определение «извращенной» сексуальности с психоаналитической точки зрения: что является, а что не является симптоматичным в отношении полового акта и отношений с сексуальным объектом. Взять, например, гомосексуальность: должна ли она при любых обстоятельствах рассматриваться как симптом? Или же — при любых обстоятельствах — как несимптоматичная форма мужской и женской сексуальности? Аналитики жестко разделяются в своих мнениях по этому вопросу. Например, Ливи (1985), Лиментани (1977) и Айси (1985) высказывают мнение, отличающееся от мнений Сокаридеса (1968, 1978).

Большинство так называемых извращенных сексуальностей, таких как фетишизм, садомазохистские практики, вуайеризм и эксгибиционизм

являются запутанными попытками сохранить некую форму *гетеросексуальных* отношений. Но на самом деле клинические вопросы гетеросексуальных отношений не более понятны, чем вопросы гомосексуальных действий и выбора объектов. Полиморфная природа неизвращенной взрослой гетеросексуальной активности не требует подтверждения. Наши анализанты описывают бесконечное разнообразие эротических сценариев, включающих переодевание в одежду другого пола, использование объектов-фетишей и украшений, садомазохистские игры и так далее, которые на поверку оказываются прелюдиями к акту любви, возможно, разжигающими эротическое наслаждение в стабильных любовных отношениях. Эти практики не порождают конфликтов, так как они не ощущаются как навязчивые или являющиеся необходимым условием сексуального наслаждения.

Далее, существуют гетеросексуальные пациенты, у которых в распоряжении имеются *исключительно* фетишистские или садомазохистические сценарии, и гетеросексуальные отношения они могут поддерживать только так. Также, как и с некоторыми гомосексуальными пациентами, мы могли бы желать, чтобы эти анализанты были чуть менее ограничены и менее подчинены безжалостным условиям в своей сексуальной жизни, но если эти пьесы эротического театра являются единственными условиями, позволяющими вступить в сексуальные отношения, нам следует поостеречься желать им потери этих неортодоксальных вариантов объектов желания, просто потому, что мы рассматриваем их как симптоматичные!

Большинство людей ощущают свои эротические действия и выбор объекта как *эго-синтоничные*, независимо от того, считают другие люди их «извращенными» или нет. Особенности сексуального предпочтения становятся проблемой, доступной анализу, только в той степени, в которой сам человек рассматривает нормальную для него форму сексуальности как источник *страдания*, и поэтому переживает ее, как эго-дистоничную. Эта проблема возникает у тех геев (и, в меньшей степени, у лесбиянок), которые чувствуют, что из-за мнения семьи, общественных норм, религиозных принципов и так далее им следует быть гетеросексуальными. В таких обстоятельствах может возникнуть сильный внутренний конфликт, сопровождающийся чувствами вины или стыда, несмотря на то, что сексуальные действия или отношения, о которых идет речь, являются единственными, приносящими удовольствие, а иногда — единственными, где исполняется надежда на любовь.

Некоторые гомосексуальные анализанты могут прийти к заключению, что они являются «латентными» гетеросексуалами и были бы счастливее в гетеросексуальных отношениях. Но таких меньшинство. Большинство гомосексуальных мужчин и женщин считают жизненно важным сохранять свою гомосексуальную идентичность и ориентацию. Учитывая это обстоятельство, нам ничего не остается, как только признать, что они правы. Кроме того, следует заметить, что существует множество форм гомосексуального поведения и типов отношений, так же, как и гетеросексуальных. Существует также и то, что можно назвать «отклоняющейся гомосексуальностью», где для достижения удовлетворения в сексуальной активности требуются фетишистские дополнения, такие как обувь или хлыст, или садомазохистские условия боли или унижения.

Какой бы ни была сексуальная модель, сами анализанты редко желают расстаться со своими эротическими решениями. Некоторые пациенты, под влиянием аналитической процедуры, развивают более богатые эротические и интимные отношения. Однако, если нет такого счастливого результата, то потеря единственной системы сексуального выживания была бы равносильна кастрации. И даже более того. Во многих случаях эти замысловатые и неизбежные эротические сценарии служат не только сохранности чувства сексуальной идентичности, сопровождающего сексуальное наслаждение, но часто одновременно оказываются техниками психического выживания, призванными также оберегать чувство личной идентичности.

Почему неосексуальности?

Я говорю об отклоняющихся формах гетеросексуальности и гомосексуальности как о «неосексуальностях» для того, чтобы подчеркнуть их новаторский характер и масштаб либидинозных вложений в них. Это наименование использует понятие *неореальностей*, которые создают хрупкие пограничные пациенты в иллюзорной или даже бредовой попытке найти решения переполняющих их конфликтов.

И при гетеросексуальных, и при гомосексуальных отклонениях потребность в изобретении нового сексуального акта часто может свидетельствовать о беспокоящих событиях, происшедших в детстве, или о дезинформации, касающейся сексуальной идентичности, сексуальных

ролей и понятий женственности и мужественности. В этих случаях взрослые отношения с партнерами требуют сложных маневров, условий и особых сценических аксессуаров.

Аналитики, считающие гомосексуальность патологическим образованием и «сексуальным извращением, как и любое другое», часто задаются вопросом о правомерности дифференциации между неосексуальными изобретателями и гомосексуалами. Фрейд (1905) и сам проводил различие между гомосексуальными и гетеросексуальными формами отклоняющейся сексуальности. Он рассматривал гомосексуальность как «инверсию», а отклоняющееся поведение фетишистов, эксгибиционистов, садомазохистов и т. д. как «перверсию». По его определению, обе они относятся к «отклонению от исходной сексуальной цели». Дифференциация Фрейдом *инверсии* и *перверсии* уместна, потому что часто существуют важные структурные и динамические различия между этими двумя типами психосексуальной организации. В то же время, многие аналитики наблюдали сходство их эдипальных структур. Например, такие анализанты часто рассказывают о чрезмерно близких отношениях с матерью, иногда с инцестуозным подтекстом, и об отце, который воспринимался, как ничтожество, или не допускался к своей символической роли в эдипальной конstellляции. Другие рассказывают об истории соращения отцом, в которых мать появляется в роли соучастницы; или историю о материнском пренебрежении, в которой она, по каким-то причинам, оказывается незаинтересованной именно в этом ребенке. Еще более осложняя клиническую картину, некоторые анализанты, чья сексуальность не ориентирована ни гомосексуальным, ни отклоняющимся образом (в смысле неосексуального изобретения), также демонстрируют схожие родительские модели!

Большинство гомосексуалов не интересуются неосексуальными изобретениями, а гетеросексуалы с отклонениями, в общем-то, мало заинтересованы в гомосексуальных отношениях. Возможно, единственная черта, присущая как гомосексуальным, так и неосексуальным пациентам, касается психической экономии, управляющей их сексуальностью. Эта экономия часто отмечена чертами безотлагательности и навязчивости, создающими впечатление, что сексуальная жизнь этих пациентов играет роль наркотической привычки. Этот важный аспект рассматривается в следующей главе.

Вариации психосексуальной структуры столь разнообразны, что мы обязаны говорить о них во множественном числе — о *гетеросек-*

суальностях и гомосексуальностях. К ним мы также должны добавить категорию аутоэротических сексуальностей, так как многие садомазохистские, фетишистские и трансвеститские практики разыгрываются в одиночестве. Эти действия могут рассматриваться как отклоняющиеся формы мастурбации, в которых одной фантазии не хватает; сгущенные эротические драмы должны быть выражены в действии.

Перверсия и сублимация

Интересно отметить, что Фрейд (1930) определял сублимацию в точно таких же терминах, которые он использовал для определения сексуальной перверсии! Понятно, что многие сексуальные отклонения — настоящие *произведения искусства*. Иногда они похожи на сложные театральные пьесы, тщательно распланированные на дни или недели вперед. Я вспоминаю эксгибициониста, который под разными углами фотографировал точное место в Булонском лесу, где он собирался «выставиться», принимая во внимание тропинки и дороги, вдоль которых можно было ожидать появления его потенциальных «партнеров», участвующих в его спектакле. Сценарий «выставки» во многом готовился так, как художник мог бы планировать важную выставку своих работ, или режиссер — постановку. Другой анализант, фетишист, чья пьеса, по-моему, заслуживала названия «Анонимный зритель» (МакДугалл, 1978а), расписывал все свои воображаемые действия за много недель до того, как поставить их «на сцене». Затем (перед зеркалом) проходило торжественное открытое представление, в котором он играл все роли: анонимной публики, наблюдающей в зеркале за тем, как «мать бьет маленькую девочку», а также — главного действующего лица, которое секут по ягодицам. Как и в случае с эксгибиционистом, расчеты и дотошное планирование, входящие в работу над сценарием, перед тем, как он будет готов для представления «публике», часто казались гораздо более либидинозно загруженными, чем сами действия.

Пациент-педофил, чей случай я супервизировала, также демонстрировал творческое планирование. Он днями бродил вдоль секс-шопов и стоял у ворот различных учебных заведений, фантазируя при виде того или иного подростка, что он находится с ним в любовных отношениях. Важно было, чтобы выбранный мальчик тоже интересовался

искусством, как и сам анализант, и это качество было включено в его фантазии. Его отыгрывание было жестко ограниченным; оно должно было следовать определенной модели, в рамках которой он был убежден, что именно этот подросток сам желает этих отношений и именно он сам начнет процесс обольщения.

Для всех этих личностей их тщательно разработанные построения представляют собой не только их единственные средства сексуального выражения, но и измерение их повседневной жизни, которое так же существенно для их психического равновесия, как и их сублимационная активность. (Эксгибиционист работал в сфере художественной рекламы; фетишист был профессором философии; педофил — учителем музыки.) Правдоподобно выглядит предположение, что их сексуальные построения, как и сублимированные либидинозные вложения, которые придавали высокое качество их профессиональной работе, возникли в качестве решений из одного первичного источника психического конфликта.

У всех анализантов, создававших сложные отклонения, я заметила одну общую черту: они часто были неспособны, или даже боялись, представить себе хоть малейшее изменение в своих ритуальных сценариях. Часто они оказывались неспособными свободно фантазировать на сексуальные темы. В психической экономии человека одной из основных функций фантазирования является способность достичь в воображении того, что считается запретным или невозможным для осуществления в реальности. Следовательно, ограниченная возможность пользоваться фантазией, также как и то, что проявляется во многих отклоняющихся сексуальностях, свидетельствует о некоем расстройстве важных интроспекций, происходящем в той области, которую Винникотт (1951) назвал *промежуточным феноменом*. Из этого расстройства вытекает неспособность свободно создавать иллюзию в пространстве, отграничивающем одно существо от другого, и использовать разнообразные иллюзии, чтобы выдерживать фрустрацию. Я вернусь к этому важному моменту в следующей главе, при обсуждении наркотической сексуальности.

Во всех остальных отношениях создатели неосексуальности мало чем отличаются от так называемых нормальных людей, которые наделяют свои сексуальные влечения и отношения (а равно и их сублимацию в своей профессиональной деятельности) тем же жизненно важным значением.

Что такое «извращенная» фантазия?

В царстве эротической фантазии каждый свободен от внешних ограничений; единственными тормозящими факторами являются лишь факторы, вызванные к жизни внутренними родительскими фигурами. Мы должны спросить себя, существует ли вообще такое понятие, как «извращенная» фантазия, и, если она существует, мы должны быть готовы к определению того, что может подразумеваться под «нормальной» эротической фантазией. С моей точки зрения, единственный аспект фантазии, который можно было бы законно считать извращенным, это попытка силой навязать свое эротическое воображение не согласному на это или не несущему ответственности другому лицу. В общем, я бы оставила термин *перверсия* для тех действий, в которых человек (1) навязывает свои желания и условия кому-либо, кто не желает быть вовлеченным в его перверзный сценарий (как в случае насилия, вуайеризма и эксгибиционизма); или (2) совращает неспособного нести за себя ответственность человека (такого, как ребенка или взрослого, страдающего психическим заболеванием). Наверное, в конечном счете, как перверсные или извращенные можно определить только такие отношения; и прилагать этот ярлык в дальнейшем к таким проявлениям сексуальности, в которых извращенная личность абсолютно равнодушна к потребностям и желаниям другого человека.

С этой точки зрения, уместен вопрос не о том, какие действия и предпочтения являются отклоняющимися, а о том, *при каких обстоятельствах* отклонение должно рассматриваться просто как одна из форм взрослой сексуальности в контексте значимых объектных отношений, и когда оно должно считаться симптоматичным. Я бы отнесла этот вопрос также и к гетеросексуальностям, гомосексуальностям и аутоэротическим сексуальностям. Качество отношений не может быть оценено чисто по каким-то внешним знакам. Существуют как качественные, так и количественные психические факторы, которые нужно принимать во внимание: качественные аспекты касаются динамической психосексуальной структуры личности; количественные факторы относятся к роли сексуальной активности в ее (или его) психической экономии. Человеческие сексуальные модели, как впервые указал Фрейд, не являются врожденными; они создаются. Эго-синтоничный аспект сексуального выбора и практики обнаруживает наличие системы мощных идентификаций и контр-идентификаций с интроецированными объектами очень сложной природы.

Эти внутренние психические представительства объектов и констелляции интроектов порождают значительные различия как с динамической, так и с экономической точки зрения, в сексуальных и любовных отношениях изобретателей неосексуальностей.

Интроективные образы далеко не сразу раскрываются на психоаналитической сцене, как и многие актеры в театре. Центральную роль в психической структуре каждого человека играет родительский сексуальный дискурс, проходящий через все детство ребенка. Но помимо детских интерпретаций родительских сообщений, как и их поразительных умалчиваний, существуют мощные идентификации и защиты, которые дети создают в отношении того, что они понимают в *бессознательных* сексуальных конфликтах и эротических желаниях своих родителей, а также — в отношении ролей, исполнения которых от них (детей) подспудно ожидают. Бессознательные требования часто противоречат тому, что сообщается на сознательном уровне, создавая замешательство и конфликт в душе ребенка. Эти конфликты и замешательства позднее проявляются в аналитической ситуации, и чтобы их распутать, может потребоваться несколько лет.

Что подразумевается под «выбором объекта»?

Не приходится говорить о свободном *выборе* личностью для себя самой сильно ограничивающих условий, навязанных компульсивными неосексуальными изобретениями, также как, например, и одиночества в жизни, в значительной степени ограниченной аутоэротическими творениями. Более того, в преимущественно гетеросексуальном обществе мало кто производит впечатление, что он «выбрал» гомосексуальность, или, напротив, «выбрал» гетеросексуальность, чтобы приспособиться к социальному большинству. В отношении отклоняющихся гетеросексуальных, гомосексуальных и аутоэротических изобретений этот, так называемый выбор, представляет собой наилучшее возможное *решение*, созданное ребенком в прошлом при встрече с противоречивыми родительскими сообщениями, касавшимися родовой принадлежности, мужественности, женственности и сексуальной роли. Эти решения переживаются ребенком или подростком как *открытие истины* о своей форме сексуальности, иногда с болезненным признанием того, что она каким-то образом отличается от сексуальности других людей. Разумеется, здесь нет осознания выбора.

Однако, разные авторы (в частности, занимающиеся исследованием природы гомосексуальных идентичностей) выделяют модель, рассматриваемую ими как «выбор»: например, Бурх (1989) проводит различие между «первичной» лесбиянкой и «бисексуальной» женщиной, выбирающей лесбийский стиль любовной жизни после нескольких лет гетеросексуальных отношений. Возможно, «бисексуальная» женщина (при такой формулировке) не столько *выбирает*, сколько наконец-то *допускает* свое желание и свою идентичность как лесбийскую. Это допущение, конечно, является сознательным выбором, но оно не обязательно означает, что индивидуум «выбрал» глубокие либидинозные загрузки и ориентации, с ними связанные, и которые, возможно, были сильно противозагружены до момента их позднего признания. Такая возможность не опровергает и не исключает предположения, что существуют заметные отличия в психических структурах этих двух групп.

В этой и следующей главе я обращаюсь к двум основным теоретико-клиническим вопросам, касающимся сексуальных отклонений: во-первых, это этиологические и качественные соображения, во-вторых, количественные аспекты, проявляющиеся в психической экономии. Обе эти темы тесно связаны с процессами интернализации в отклоняющихся сексуальных организациях, которые неизменно включают в себя некоторую неудачу в объединении и гармонизации различных инкорпораций и интроекций, которые структурируются, начиная с рождения.

Этиологические и качественные факторы отклоняющейся сексуальности

Ранние формулировки Фрейда (1905) определяли перверсии и инверсии как превратности сексуального влечения, обусловленные фиксациями на ранних стадиях развития либидо. Но с 20-х годов Фрейд (1915, 1922) связывал тайну их возникновения с эдипальной организацией и фантазиями по поводу первичной сцены. Не стоит снова говорить о хорошо известной значимости Супер-Эго идентификаций в психосексуальных структурах. Однако важно помнить о том, что эти структуры, по большей части созданные через язык (вербальные объяснения, поощрения и запрещения, распространенные в детстве), сами по себе основаны на архаичной субструктуре, которая предшествует усвоению языка. Заманчиво принять простое концептуальное положение Фрейда о важности роли

фаллически-эдипальной фазы в отклоняющейся сексуальности (что подтверждается клинически), но этого объяснения недостаточно; сам Фрейд задавался вопросом, адекватны ли его теории в этом отношении.

В попытке концептуализировать интернализации, происходящие в самых ранних сенсорных взаимодействиях между матерью и младенцем, термины *инкорпорация* и *интроекция* являются более подходящими, чем *идентификация*. На этой стадии развития материнские бессознательные страхи и желания играют преобладающую роль в раннем структурном развитии психики. Только когда символические сообщения начинают медленно занимать место телесного контакта между ребенком и его родителями, только тогда эти сексуальные идентификации и контридентификации становятся неизменной частью психического капитала каждого ребенка. В это же время консолидируется схема тела.

Именно мать первой обозначает эрогенные зоны своего ребенка, разными способами сообщая, какова должна быть либидинозная и нарциссическая нагрузка (или противонагрузка) этих зон и связанных с ними функций. В некоторых семьях может фактически отрицаться даже само существование некоторых органов и телесных функций. Из-за своего собственного внутреннего беспокойства по поводу зональных позывов и сексуальных запретов мать может легко передать своим детям хрупкий, отчужденный, лишенный эротизма или даже уродливый образ тела. Клинические исследования убедили меня в том, что дети, которых обрекли на отклоняющееся сексуальное поведение во взрослой жизни, изначально создают свой эротический театр как защитную попытку самолечения: поставленные перед переполняющим страхом кастрации, происходящим из эдипальных конфликтов, они, в то же время, сталкиваются с необходимостью примириться с интроецированным образом хрупкого или уродливого тела. Таким образом, они защищаются от пугающего чувства внутренней либидинозной омертвелости. Эти защитные меры часто вызывают страх потери телесного представительства в целом и, наряду с этим, ужасающей потери связующего чувства эго-идентичности.

Многое уже написано, и много еще должно быть сказано об основном психическом представительстве пениса, которое, в соответствии со своим характером интроецированного частичного объекта, определяет роль и организующую силу фаллоса как символа. Как уже отмечалось, понятие «фаллос» относится не к частичному объекту как таковому, а к изображению эрегированного пениса, который, как и в древнегреческих обрядах оплодотворения, символизирует плодovitость и сексуаль-

ное желание. Фаллос как таковой не принадлежит ни к какому полу; вместо этого он организует интроективную констелляцию и основные фантазии, определяющие взрослые психосексуальные организации у обоих полов. Лишаясь своей символической ценности, фаллос может низводиться до положения частичного объекта и затем расщепляться на два отдельных образа пениса у каждого пола: отчужденный преследующий объект, которого нужно избегать или ненавидеть, и идеализированный и недостижимый объект, за которым нужно неустанно гнаться. Хотя оба эти представительства пениса являются динамическим источником бессознательных фантазий и влияют на дальнейший выбор сексуальных действий и объектный выбор, тем не менее, ни одно из них не играет больше основной символической роли.

Иногда даже до рождения ребенка мать может сознательно или бессознательно относиться к ребенку как к своему либидинозному или нарциссическому продолжению, предназначенному уравновесить чувство внутренней ущербности. Этот тип материнской либидинозной загрузки часто приводит к желанию исключить отца как в реальной, так и в его символической роли. Если к тому же сам отец выбирает пассивную роль, то архаичные, младенческие либидинозные желания и страхи могут остаться непроработанными и не интегрированными гармонично в сексуальное представительство взрослого «Я», создавая тем самым то, что можно было бы назвать *символическим опустошением*.

Подводя итог, я считаю, что те личности, которые для поддержания либидинозного и нарциссического гомеостаза создают неореальность и неопотребности, в рамках сексуальных действий и объектов, прошли через короткое замыкание при проработке фаллически-эдипального страха кастрации. В то же время, путем отречения от проблем отделения и инфантильного садизма, они также «хитро обошли» то, что Мелани Кляйн определила как «проработку депрессивной позиции».

Глава 11

Неопотребности и наркотические формы сексуальности

...Неизбежен вывод, что предрасположенность к извращению является врожденной и всеобщей предрасположенностью человеческого сексуального инстинкта, и нормальное сексуальное поведение развивается из нее.

Зигмунд Фрейд

В этой главе исследуется психическая экономия заново изобретенных сексуальностей, в том случае, когда они выполняют функцию наркотика. Подчеркивая, что объекты потребности являются врожденными, тогда как объекты желания — созданными, Фрейд предполагал, что сексуальные влечения анаклитически происходят из потребностей самосохранения. Следовательно, сначала они должны быть отчуждены от исходного внешнего объекта и найти *аутоэротическое удовлетворение* прежде достижения стадии «объектного выбора» (Фрейд, 1905). Другими словами, изначальный эротический акт — не сосание груди, а сосание большого пальца.

Когда сексуальность продолжает функционировать как *анаклитическая активность* (то есть, когда человек должен использовать другого человека в том же качестве, в каком он использовал в младенчестве мать), сексуальные отношения остаются привязанными к внешнему объекту, и при этом не связаны с самими существенными интроектами, возможно потому, что они отсутствуют во внутреннем мире, сильно повреждены или слишком угрожающие. Такая «приклеенная» (адгезивная) привязанность к объекту предохраняет личность от идентификации с этими интроектами, но тем самым препятствует сохранению устойчивых сексуальных отношений, связанных с чувством любви, или пресекает любую попытку их установить. Отсутствие устойчивой интроективной

конstellляции, кроме того, делает личность неспособной поддержать себя и позаботиться о себе в стрессовых ситуациях. Неспособность найти успокоение в идентификации с материнской и отцовской функцией ухаживания не обязательно влияет на осознание родовой идентичности, но часто не позволяет интегрировать структурирующие эдипальные идентификации. И вместо них начинают преобладать нарциссические потребности и страхи. Когда сексуальное желание вызывает ужас, это отсутствие главных интроектов оставляет, так сказать, полную пустоту для создания *сексуально наркотического разрешения* психического конфликта и душевной боли. Когда родительские интроекты «достаточно хороши», личность может найти скорее *невротические*, чем наркотические или отклоняющиеся решения сексуальных конфликтов. (В невротических решениях сексуальное удовольствие стеснено такими проблемами, как импотенция, преждевременная эякуляция, вагинальная фригидность или нечувствительность клитора.)

К понятию неосексуальностей я бы добавила и понятие «неопотребностей», в которых сексуальный объект, частичный объект или практика неотступно ищется, как своего рода *наркотик*. Такая личность прибегает к помощи или только неодушевленных эротически нагруженных объектов (хлыст, наручники, обувь и т. п.), или к «наркотическому» сохранению партнеров, которые рискуют оказаться в роли неодушевленных или взаимозаменяемых объектов. Перед дальнейшим продолжением нашего исследования наркотической сексуальности давайте рассмотрим природу наркотического поведения в целом.

Что составляет наркотическую привычку?

Происхождение термина «*наркотическая привычка*» (*addiction*) восходит к рабской зависимости. Хотя наркоман может *чувствовать* себя поработленным табаком, алкоголем, пищей, наркотиками, психотропными препаратами или другими людьми, эти объекты далеки от того, чтобы быть для него «паразитами». Напротив, объект наркотической привычки переживается как «хороший» по существу; иногда он даже становится единственным занятием, которое, кажется, придает смысл жизни человека. Психическая экономия, лежащая в основе наркотического поведения, предназначена для того, чтобы рассеивать чувства

тревоги, гнева, вины, подавленности или любого другого состояния аффекта, которое вызывает невыносимое психическое напряжение. Это напряжение может также включать в себя приятные аффекты, но они вызывают чувства возбуждения или оживления, которые ощущаются запретными или даже опасными. (Про алкоголика говорят, что он всегда опаздывает на похороны и на свадьбы!) Однажды созданный или обнаруженный, источник наркотического состояния или действия должен быть всегда под рукой для ослабления этих эмоциональных переживаний, пусть даже ненадолго, когда бы это ни требовалось.

Между прочим, хорошо бы нам вспомнить самих себя: все мы склонны позволять себе наркотическое поведение в тех случаях, когда события не укладываются в наши обычные способы разрешения стрессовой ситуации настолько сильно, что мы неспособны сдерживаться и конструктивно их обдумывать. В такие моменты мы склонны есть, курить или пить больше обычного, принимать лекарства, ввязываться в мимолетные приключения и т. п., чтобы как можно быстрее убежать от болезненной аффективной ситуации.

Впервые я заинтересовалась психической экономией, лежащей в основе наркотического поведения, когда лечила мать маленького мальчика, который был психотиком (МакДугалл и Лебовичи, 1960). Анализ Сэмми был прерван предложением отправить его в Ортогенетическую школу в Чикаго, и тогда его мать спросила, не могла бы теперь *она* прийти поговорить о *своих* проблемах. Она была уже почти алкоголичкой и хотела понять, почему ей так часто нужно выпить виски. Я до сих пор помню мое удивление, когда она пыталась объяснить обстоятельства, сопутствующие ее непреодолимой тяге к выпивке. «Иногда я не знаю, то ли мне грустно, то ли я зла или голодна, или хочу секса — поэтому я начинаю пить». Хотя это, возможно, и кажется самоочевидным, но таков был мой первый шаг к пониманию, что одной из целей наркотического поведения является избавление от чувств!

Мое понимание сильно продвинулось, когда я сама решила бросить курить, и при этом «столкнулась лицом к лицу» с тем давлением, которое оказывала на меня моя собственная пагубная привычка. Я обнаружила, что хваталась за сигарету всякий раз, когда мне нужно было выполнить неприятную задачу, когда я была счастлива или возбуждена, грустна или тревожна, после обеда или перед завтраком. Фактически я осознала, что создаю дымовую завесу над большей частью своих аффективных состояний, тем самым нейтрализуя или рассеивая значимую

часть моего внутреннего мира. Я была ошарашена этим открытием и дала себе обещание использовать свое озарение в попытке понять психическую структуру наркотического поведения.

Готовясь к своей первой лекции по этому вопросу в Парижском Психоаналитическом Обществе, я обнаружила, что во французском языке нет слов, соответствующих английским «*addict*» (наркотически зависимый от чего-либо человек) и «*addictive*» (наркотический). «Да их нет даже в «Робере», нашем самом новейшем словаре!» — сказал мой добрый друг и высоко образованный коллега Ж.Б.Понталис. Поэтому первой моей задачей было принятие освященного веками французского эквивалента «*toxicomanie*», который литературно переводится как «безумное пристрастие к яду». Я объяснила, что погоня за «ядовитым» объектом не является сознательным желанием отравиться; напротив, человек действует под обаянием иллюзии, что он совершает то, что помогает ему в трудностях повседневной жизни. Затем я предложила английский эквивалент, обращаясь к моему этимологическому аргументу. (С тех пор слово *addiction* стало обычным в психоаналитических текстах во Франции, хотя «*toxicomanie*» все еще сохраняется как термин в психиатрической диагностике, где существуют строгие определения.) Я закончила свою лекцию, обозначив важные вопросы, которые, на мой взгляд, остались без ответа: «Почему мы не выбираем менее ядовитые средства, чтобы справиться с эмоциональным переживанием? И каковы источники наркотических решений в случае душевной боли?»

Истоки наркотической экономики

Ранние отношения матери и ребенка могут быть решающими в формировании основ некоторых моделей психического функционирования. «Достаточно хорошая» мать — в винникоттовском смысле (1951) — переживает чувство слияния со своим ребенком в первые недели его жизни. Однако, как отметил Винникотт, если это отношение слияния продолжает существовать и в дальнейшем, оно становится патологическим, превращается в преследование младенца. Находясь в состоянии полной зависимости от матери в младенчестве, дети имеют склонность приспосабливаться к чему бы то ни было, спроецированному на них. Двигательная активность младенца, его эмоциональная живость, мышленность, чувствительность и телесная эрогенность могут развиваться

только до той степени, до которой сама мать позитивно загружает эти аспекты. Она так же легко может *тормозить* нарциссическое усиление этих аспектов в соматопсихической структуре своего младенца, если ее ребенок служит для смягчения переживаний по поводу неосуществленной потребности в ее собственном внутреннем мире.

Эта модель мать-младенец затем влияет на развитие переходного феномена (переходная деятельность и/или объекты) и порождает у ребенка страх перед развитием собственных психических ресурсов, позволяющих справляться с напряжением самому. Развитие того, что Винникотт (1951) обозначил как «способность быть одному» (то есть, «одному» даже, когда мать рядом), подвергается опасности: ребенок постоянно ищет материнского присутствия, чтобы справиться с любым аффективным переживанием, независимо от того, происходит ли оно из внутреннего психологического конфликта или из столкновения с внешней средой. Из-за своей собственной тревожности или бессознательных страхов и желаний мать потенциально способна исподволь внушать своему младенцу то, что может быть определено как *наркотическое отношение к ее присутствию* и ее функциям по уходу за ним. В определенном смысле, мать и сама находится в состоянии «зависимости» от своего ребенка.

Следовательно, существует потенциальный риск того, что маленькому ребенку не удастся сформировать интрапсихическое представительство заботящейся материнской (а позднее и отцовской) фигуры, выполняющей функции, включающие в себя способность выдерживать душевную боль или состояния перевозбуждения и умение обращаться с ними. Неспособный идентифицироваться с таким интрапсихическим представительством, ребенок остается неспособным к самоуспокоению и заботе о себе в моменты внутреннего и внешнего напряжения. Ответ на отсутствие интроектов заботы о себе взрослый неизбежно пробует найти во внешнем мире, так же, как это происходило в раннем детстве (Кристал, 1978). В этом отношении наркотики, пища, алкоголь, табак и т. п. оказываются объектами, которые можно использовать для смягчения болезненных душевных состояний: они исполняют функцию матери, которую взрослый не способен выполнить сам для себя. Эти наркотические объекты занимают место переходных объектов детства, которые воплощают материнское окружение и в то же время освобождают ребенка от полной зависимости от материнского присутствия. Однако, в отличие от переходных, наркотиче-

ские объекты обязательно терпят неудачу, потому что они являются скорее *соматическими*, чем *психологическими* попытками справиться с отсутствием матери, и потому обеспечивают только временное облегчение. По этой причине в более ранних работах (МакДугалл, 1982) я рассматривала наркотические объекты скорее как «преходящие» (временные), чем как «переходные».

Чего достигают неопотребности?

Итак, наркотическое решение является попыткой самолечения при столкновении с угрожающими психическими состояниями. Эти психические состояния делятся на три категории, которые определяют, какую «работу» наркотическое решение должно выполнить, и дают некое указание на тяжесть наркотической склонности:

— Попытка предотвратить *невротическую тревогу* (конфликт вокруг взрослых прав на сексуальные и любовные отношения, а также на нарциссическое удовольствие в работе и социальных отношениях);

— Попытка побороть состояния *сильной тревоги* (часто параноидной природы) или *депрессии* (сопровожаемые чувствами внутренней смерти);

— Бегство от *психотической тревоги* (такой, как страх телесной или психической фрагментации; глобальный ужас перед столкновением с пустотой, в которой подвергается опасности само чувство личной идентичности).

Очевидно, что депривация в мире интрапсихических объектных представительства не может быть восстановлена при помощи сущностей или объектов, встречающихся во внешнем мире, отсюда — компульсивность обращения к наркотическому объекту. Если же психоаналитическое лечение кажется несоответствующим или противопоказанным (что иногда случается), мы должны признать, что для некоторых наркотических привычек (например, алкоголизма) важную терапевтическую функцию могут выполнять такие организации, как Общество Анонимных Алкоголиков, обеспечивая заботящееся окружение для каждого своего члена, создавая, так сказать, новую семейную атмосферу, с более адекватной материнской заботой, чем это было доступно в прошлом.

Наркотические привычки и вызывающее поведение

Вдобавок к безнадежной потребности разрядить непереносимое давление аффектов, все формы сильных наркотических привычек стремятся восстановить разрушенный образ «Я», что неизменно включает в себя попытку установить связь с родительскими фигурами прошлого (иногда проецируемыми на общество в целом). Это тройной вызов:

1. Это *вызов внутреннему материнскому объекту* (который ощущается, как отсутствующий или мало способный успокоить беспокойного внутреннего ребенка). Наркотический эрзац всегда будет доступен как замена недостающих материнских функций. (В сущности, это послание: «Ты никогда не сможешь бросить меня; с этого момента я управляю тобой!»).

2. Это *вызов внутреннему отцу*, который, согласно убеждению сына (дочери), не смог выполнить своих отцовских функций и потому был изгнан. Эта установка обычно проецируется на общество («Мне плевать, что вы думаете обо мне или моих действиях, — идите к черту!»).

3. Наконец, это *вызов самой смерти*, принимающий две формы. Первая — состояние всемогущества («Меня ничего не касается, смерть — удел других людей»). Затем, когда эта грандиозная форма защиты рушится и становится невозможно более отрицать чувство внутренней неодушевленности, возникает уступка зову смерти («Возможно, следующий раз я хвачу через край — и что? — кого это волнует?»).

Наркотический объект

«Выбор» наркотического объекта редко является вопросом случая. Каждое избранное действие или объект имеет тенденцию соответствовать конкретным периодам развития, на которых интеграция помогающих, заботящихся интроектов потерпела неудачу. К тому же выбранный объект обнаруживает поиск «идеального состояния», которого человек надеется достичь путем использования желанного вещества, личности или действия: состояния изобилия, экзальтации, могущества, отсутствия боли, нирваны и т. д. Любой, кто работал с наркоманами, знает, что практически бесполезно предлагать им заменить объект своей пагубной привычки на другой — менее губительный. Например, если предложить

наркоману, употребляющему героин, заменить его на переедание, это вызовет только удивление и еще большее отчуждение, вызванное ощущением, что его абсолютно не понимают.

Как уже отмечалось, объекты наркотических привычек не ограничиваются вещами; другие люди также могут служить этой цели. Существуют люди, которые «питаются» другими, как объектами нарциссической потребности, когда они сталкиваются с угрожающими аффективными переживаниями (обычно депрессивной природы), с которыми они неспособны совладать или обдумать их самостоятельно. Отношения, установленные по такой причине, часто строятся на требовательной зависимости и инфантильном чувстве беспомощности. Другие находят отношения, в которых можно установить агрессивные взаимодействия, постоянно провоцируя склоки. Под такими стычками часто скрывается параноидное измерение личности. Действительно, агрессивное взаимодействие служит (на какое-то мгновение) защитой от страха преследования. Некоторые используют своих сексуальных партнеров как некое устройство для снятия напряжения, причем сам партнер при этом может не играть никакого значения.

Наркотический аспект человеческой сексуальности, независимо от ее контекста — гетеросексуального, гомосексуального или аутоэротического, можно также концептуализировать, как очерченные выше нарушения интернализации родительских функций, в частности, внешней материнской: беспомощный младенец воспринимал мать как неспособную смягчить его физическое или психологическое страдание. В этом случае сексуальные отношения могут стать драматическим и компульсивным способом предохранения от распада нарциссического образа Собственного Я. Тогда половой акт используется не только для разрядки аффективной перегрузки и восстановления поврежденного нарциссического образа собственной родовой идентичности, но и для того, чтобы не обращать против себя или интернализованных родительских представлений инфантильную ярость. Таким образом, использование сексуальности как наркотика становится необходимым для временного освобождения от чувства ярости, а также для обезболивания, хотя бы временного, кастрированного образа «Я», угрожающей потери границ эго или чувств внутренней омертвелости. В этом отношении партнеры и сексуальные сценарии становятся вместилищами опасных и поврежденных частей наркотически зависимой личности, которые затем можно иллюзорным способом полностью подчинить, путем достижения

эротического контроля над партнером, или — через игру в господство в рамках сексуального сценария. В то же время партнеры становятся заменой недостающих или ущербных родительских интроектов, и используются для восстановления хрупкого сексуального образа, созданного ребенком в прошлом, из негативных родительских сообщений. Наркотическое разрешение от психической боли снова обнаруживает свою двойную нарциссическую цель: *восстановить поврежденное «Я»* и одновременно поддержать иллюзию *всемогущего контроля* через обращение к наркотической привычке.

Компульсивность и наркотическая сексуальность

По мере продвижения аналитической работы с анализантами, которые используют сексуальность как наркотик, неизменно раскрываются первичные эмоциональные состояния, проникнутые оральным и анальным садизмом и эротизмом. Психотерапевтический процесс может помочь сексоманам научиться отличать тревогу от депрессии в контексте отношений переноса, «обманывая» тем самым внутреннее принуждение разрядить эти аффекты в немедленном действии. Осознание различия между тревогой (страхом перед будущим) и депрессией (болью из прошлого) также подготавливает личность к трудной встрече со своей неспособностью выдерживать и сдерживать сильные аффекты в течение хоть какого-то времени. Аналитический процесс старается создать основу для развития психологических (вместо наркотических) способов преодоления депрессивного настроения и ситуаций, вызывающих тревогу, а также нарциссическими ранами, в особенности, когда эти аффективные переживания ассоциируются с пугающими аспектами текущих сексуальных или любовных отношений.

Клиническая иллюстрация: неосексуал в поисках идентичности

Джейсон, хирург лет сорока с небольшим, обратился за помощью, потому что, как он это обозначил, у него был «тяжелый невроз навязчивости». Этот диагноз был поставлен ему психиатром, у которого он консультировался по поводу своей проблемы. Затем Джейсон обсуждал свой

«случай» с другом, тоже психиатром, который предостерег его: «Что бы ты ни делал, не ходи к аналитикам — ты самый обычный истерик. Психоанализ тебе не поможет. Ты только потратишь зря время и деньги». Помимо этих негативных заявлений третьих лиц, Джейсон и сам бросал дерзкий вызов и мне как аналитику, и аналитическому процессу.

Джейсон подробно объяснил, как тяжелые симптомы навязчивости мешают его сексуальной и общественной жизни (хотя его профессиональная жизнь, казалось, не была затронута симптомами). Среди его навязчивых размышлений сильнее всего была озабоченность группами национальных меньшинств, по отношению к которым он был положительно настроен: «Не хуже ли я арабов? Не хуже ли я черных? Не хуже ли я евреев?». На нашем первом собеседовании обнаружилось, что эта озабоченность была тесно связана с его сексуальной жизнью. «Многие женщины сами предлагают себя. Если это арабки, вьетнамки, африканки и т. п., я всегда соглашаюсь, и мои навязчивости ненадолго оставляют меня в покое». Он загадочно добавил: «Когда нет смешивания, нет и проблемы».

Я спросила его, не мог бы он развить это свое высказывание, и он объяснил, что сексуальные отношения с женщинами неизбежно запутывались, если эти женщины, подобно ему, не принадлежали к вышеупомянутым этническим группам и, возможно, имели любовников другого этнического происхождения. Однако, если у женщины другого этнического происхождения, нежели он, был мужчина той же расы, что и она, ему не надо было беспрестанно спрашивать ее об этом.

Когда ему было чуть больше двадцати, он был женат на молодой француженке, к которой он испытывал желание, казалось, потому, что у нее когда-то был короткий роман со знаменитым евреем. «Годами я каждую ночь мучил свою жену, заставляя ее рассказывать мне детали о ее прошлом романе с Х. Допрос длился часами. Затем я заставлял ее надевать рваные трусики, связывал и насиловал ее. Но секс был так себе. Допрос занимал слишком много времени».

На всем протяжении его брака, который закончился через 10 лет, у Джейсона были бесчисленные «приключения» с тем же этническим уклоном. Затем он рассказал о другой женщине, с которой у него были длительные отношения. У нее был неясный роман с черной знаменитостью. Она тоже подвергалась бесконечным расспросам перед тем, как Джейсон становился способным заняться с ней любовью. Казалось, что женщины в конечном счете признавались или выдумывали то, что, по их

мнению, он хотел услышать. Джейсон заявил, что это было для него так же мучительно, как и для его любовниц, и однажды эта навязчивость наверняка сведет его с ума.

Во время нашего первого собеседования я получила некоторое представление о том, что стоит за его беспокойством по поводу этнических различий. Джейсон кратко рассказал о его своем детстве в семье. «Мои родители бесконечно ссорились, потому что моя мать англичанка, а отец — француз. Он был слегка смуглым и походил на еврея, но был всего лишь гоем». У Джейсона была единственная сестра, на четыре года старше его. Все свое детство они оба страдали от постоянных порочащих замечаний матери об отце. Джейсон помнил, что мальчиком он чувствовал унижение из-за материнского акцента и ее ненависти к французам и многим сторонам французской культуры. Через стол летали оскорбления, отец парировал тем, что называл ее «уродливой английской сукой».

«Моя мать открыто говорила об изменах отца в присутствии нас с сестрой», — продолжал Джейсон. — Я знаю, у него были ежедневные приключения с его клиентками, особенно с женщинами других рас». После паузы Джейсон добавил: «Все, что у меня было, это мастурбация. Возможно, поэтому я в юности мастурбировал много раз в день. Фактически, я и сейчас мастурбирую в среднем дважды в день». Он добавил, что образцом истинной мужественности в глазах матери был ее собственный отец, который потерял ногу на поле боя.

Из нашей первой встречи я вывела, что с детства Джейсон сместил на различие национальностей своих родителей не только свою навязчивость по отношению к женщинам другой этнической принадлежности, но также и свою тревогу, касающуюся различий между полами. Также оказалось, что Джейсон наделял этнические различия и постоянную сексуальную активность фаллическим значением (отец с идеализированным пенисом). Место женщины было менее ясным. Однако было очевидно, что *женщину-аналитика с выраженным английским акцентом*, которая также *жила среди французов*, Джейсон выбрал не случайно! Даже хотя ему пришлось ожидать начала нашей работы в течение года, он отверг другие предложения. Я уже предчувствовала, что мне придется заплатить за весь стыд и психологический ущерб, в котором Джейсон обвинял свою мать.

Как мы договорились, анализ начался годом позже, встречи происходили четыре раза в неделю. Хотя Джейсон говорил о многих професси-

ональных и фобийных проблемах, для целей этой главы достаточно будет клинического материала, ограниченного различными аспектами сексуального поведения Джейсона и внутренними структурами, которые и вызывали его неосексуальные изобретения.

Путаница в сексуальных идентичностях

Во время нашей первой встречи Джейсон рассказал лишь о тех компонентах своей сексуальной активности, которые заставляли его страдать. Позднее он описал, как он начал переодеваться в латентный период в женскую одежду (в платья своей старшей сестры, особенно в ее платья для танцев) и, нарядившись, мастурбировать перед зеркалом. Его многочисленные эротические изобретения были, видимо, в значительной степени эго-синтоничными. Например, в одной сильно либидинозно загруженной сексуальной игре он настаивал на том, чтобы его подруга надевала искусственный пенис и занималась с ним анальным сексом. В других случаях он связывал, с ее согласия, партнершу, сек ее и вводил ей в задний проход палец или, если это было возможно, всю ладонь. Эти практики обнаруживали явное расстройство чувства сексуальной идентичности Джейсона, а также то, что он в значительной мере путал собственное тело с телом партнерши.

Сейчас, на нашей второй сессии, Джейсон обсуждает то, что он описывает как свою «гомосексуальность».

Джейсон: Я годами ходил на вечеринки с групповым сексом, особенно — чтобы понаблюдать за тем, что мужчины делают своим пенисом. Есть что-то дешевое в моих отношениях с женщинами. Хотя я прекрасно работаю с ними, как хирург с пациентками, вне больницы я, наверно, ненавижу их. В сущности, я убежден, что я гомосексуал, за исключением того, что я никогда не хотел секса с мужчинами. Все это, должно быть, связано с моей английской сукой-матерью... я полагаю, вам интересно, почему я хочу проходить анализ у вас?

Дж.М.: Может быть потому, что я — женщина и английская сука?

Джейсон: Правда, ваш акцент напоминает мне мою мать, но в вас есть и кое-что другое. Вы заставляете меня чувствовать, что я существую. *[К моему удивлению, его глаза наполняются слезами.]*

Хоть я и была хорошо подготовлена к тому, что ожидает меня в переносе, все-таки меня поразили такие ранние его проявления. Во время первой сессии на кушетке Джейсон обращался ко мне «Джойс» (что совершенно не принято во Франции), а также «на ты» (tu), что позволено в семье, по отношению к близким друзьям, детям и собакам. Время от времени мне предстояло побывать ими всеми! На протяжении всего анализа я всегда обращалась к Джейсону, используя формальное «вы» (vous). Его способ нападения на рамки анализа привел ко многим интерпретациям по поводу его нарциссической хрупкости и потребности быть соблазнителем. Вдобавок к путанице формального и неформального, Джейсон часто обращался ко мне, пользуясь *своим* именем, а также использовал *мое* имя, говоря о себе: «Вчера после сессии меня снова обуял ужас на твоей улице; все мне угрожало. Но я сказал себе: «Теперь, *Джойс*, ты знаешь, что ты всего лишь наделяешь этих людей своей собственной яростью. Они не хотят тебя обидеть».

И хотя я сосредоточусь в основном на психической экономии, лежащей в основе эротических изобретений Джейсона, в его анализе было много и других измерений, наводящих на размышление. Особенно необходимо здесь привести одну деталь из общей картины внутреннего мира Джейсона. Ребенком он, видимо, сильно страдал от некоторых психотических проявлений, длившихся около года. Он слышал голоса, приказывающие ему делать оскорбительные замечания в адрес друзей семьи, особенно — подруг матери. Подчинение голосам приводило к регулярным взбучкам от отца, которые только усиливались, когда маленький мальчик протестовал, говоря, что это не он виноват, а голоса. Я предполагаю, что в этот период жизни Джейсон сумел изгнать из своего сознания все злобные и эротические мысли, касающиеся различных интроецированных образов своей матери, и они возвращались в классической шреберовской форме слуховых галлюцинаций. По рассказу Джейсона, отец пообещал, что он будет пороть его до тех пор, пока он не перестанет слышать голоса. В конце концов эта отцовская «терапия» оказалась эффективной!

Мы с Джейсоном пришли к выводу, что где-то в это время слуховые явления были замещены компульсивными вопросами к матери и ее подругам, по сути — допросами, иногда длившимися часами. Часто Джейсон расспрашивал о том, что стоит дороже из женской одежды, а что дешевле, и зачем нужна, например шуба. Когда подобные вопросы возникали в аналитической ситуации (а я должна признаться, что они сводили меня

с ума), у меня порой складывалось впечатление, что я тоже слышу голоса! Нам удалось воссоздать детскую озабоченность Джейсона тем, что касалось сексуальных различий, и, в частности, формирования и функционирования женского тела. Мои интерпретации этой темы в многочисленных контекстах заставили Джейсона подробно вспомнить ежедневные перекрестные допросы, которые его мать устраивала за обеденным столом, язвительно расспрашивая отца, со сколькими женщинами он переспал сегодня. Очевидно, она шпионила за ним, и если видела, как он оживленно беседует с женщиной, особенно с женщиной другой этнической группы, чем она сама, мать приходила к убеждению, что у них не могло не быть сексуальных отношений. Навязчивыми вопросами своих любовниц Джейсон снова разыгрывал этот паттерн из детства, идентифицируясь с бесконечными материнскими вопросами о сексуальных подвигах отца.

В первые годы анализа Джейсон твердо верил в то, что у его отца были отношения с четырьмя или пятью женщинами в день; но шло время, и его потребность в этом убеждении уменьшалась, и наконец он смог уверенно сказать: «Знаете, я понял, что моя мать была патологически ревнивой. Я думаю, у нее были гомосексуальные проблемы. Я забыл, что мой отец часто протестовал, говоря, что ни один мужчина не сможет заниматься сексом столько, сколько мать ему приписывает». Этим инсайтам и восстановленным воспоминаниям способствовал продолжавшийся анализ гомосексуальных страхов и желаний Джейсона. С течением времени стало ясно, что его яростное недовольство матерью не ограничивается ее постоянными нападками на отца и его предполагаемые сексуальные измены. Вдобавок к этому, он ощущал, что его мать неспособна понять какую-либо другую точку зрения, кроме своей собственной. Наиболее драматическими и острыми моментами его анализа были те, когда он выражал свое убеждение в том, что в глазах матери он реально не существовал. «Я стучался в стены души матери, но единственным ответом мне было эхо».

Когда похожие страхи возникли в переносе (например, если я молчала какое-то время), Джейсон внезапно повышал на меня голос, спрашивая, сплю я или умерла. Иногда он кричал так громко, что я с трудом различала, что он говорит. Когда я спросила его, не пытается ли он разбудить или оживить меня своим криком, он ответил, что он вынужден был закричать, чтобы установить со мной контакт, потому что я англичанка, и никогда бы не поняла, что он говорит. Мы смогли проинтерпретировать эту

странную манеру говорить, как выражение мучительного ощущения, что ребенком он не мог «достучаться» до матери, не мог заставить ее понять его страдания, что заставляло его ощущать себя неживым для нее, или же ее неживой для него. (Другие, более благоприятные версии его матери должны были появиться позднее.) В сущности, первичной целью компульсивных сексуальных практик и отношений Джейсона казалась потребность защитить хоть какое-то чувство безопасности и нарциссической уверенности в своей мужской идентичности.

В течение еще двух лет нашего аналитического путешествия одержимость Джейсона этническими различиями и его сложные сексуальные практики начали терять долю своей компульсивности, но затем он обнаружил, что столкнулся с катастрофической тревогой психотического плана, которую он описывал как ощущение «небытия» или «мертвости». Он называл эти ощущения «пустотой» или «состояниями пустоты» (*etats de vide*).

К этому времени Джейсон больше не кричал так оглушительно и редко путал наши имена, но явно боялся потерять рассудок, свои профессиональные навыки или совершить что-нибудь «сумасшедшее», чтобы заполнить пустоту. Эти состояния деперсонализации приступообразно появлялись примерно в течение двух лет и требовали постоянной интерпретации, дополнительных сессий, иногда — телефонных контактов и применения психотропных препаратов в качестве временного средства. Мы анализировали прием лекарств как способ поиска переходного объекта для временного заполнения пустоты в его психическом мире, а именно, отсутствия интроецированного образа заботливой матери. Вслед за нашей проработкой Джейсон прекратил прием лекарств.

На этой фазе нашей совместной работы поведение Джейсона было похоже на то, что Малер (1968) описала как подфазу практики, в которой дети возвращаются к матери-дому, чтобы обрести уверенность перед новым уходом, так как интернализованный образ матери еще быстро теряется. В это время также активизировалась непрерывная мастурбация Джейсона. Мы смогли понять, что, прежде всего, это прибежище представляло осязаемое средство убедиться в том, что самые опасные из различных материнских интроектов не разрушили его мужественности; и во-вторых, мастурбация давала ему ощущение того, что он существует, и что его тело имеет определенные границы. К тому же ненадолго исчезало ощущение внутренней мертвенности. Игра с искусственным пенисом выполняла похожую функцию.

В этот период особенно напряженным был наш анализ фаллически-эдипальных страхов Джейсона, а также их первичных прототипов в форме тревог, связанных с отделением и уничтожением, что дополнило наше понимание прочности его сексомании и навязчивостей, а также понимание содержания их фантазийной основы. Клинический фрагмент, взятый из третьего года нашей совместной работы, служит примером этого процесса раскрытия.

Джейсон: Когда я занимаюсь любовью с черной женщиной, чей мужчина тоже черный, не возникает никаких проблем, никаких навязчивостей, потому что, беря эту женщину, я получаю его пенис, и ненадолго чувствую себя мужчиной. Черные мужчины, арабы, вьетнамцы, евреи — у них у всех настоящие члены. Но я все еще чувствую сильную панику с моими женщинами, у которых не было до этого аналогичных постоянных отношений. Снова повторялись часы допросов. Почему?

Дж.М.: Если у женщины не было внутри нее ни одного из этих могущественных пенисов, она кастрированная, точно такая же, каким вы себя чувствуете. Когда вы можете заставить ее признаться в том, что у нее были подобные приключения, вы способны проникнуть в нее, но тогда зависть и ненависть к ней растет безгранично, как мы часто видели. *[Здесь я ссылаюсь на аффекты в переносе, а также на детское чувство зависти к матери. Мы расценили эти чувства, как нападение на идеализированный образ женственности, в котором всесильной женщине приписывается обладание органами обоих полов и магическими силами, положенными каждому полу.]*

Джейсон: Да! Это напоминает мне о тех случаях, когда я секу женщин. Я не хочу причинить им боль; это просто для того, чтобы удостовериться, что им *не* больно, и они *не* собираются умирать. В этих случаях у меня есть искусственный пенис, который может довести женщину до оргазма. Это великолепная система!

Дж.М.: А когда у вас нет этого хлыста-пениса, то тогда женщина должна передать вам могущественный пенис, который она взяла у другого мужчины?

Джейсон: Да, наверное, так я думал в детстве. *[Длинная пауза.]* Но я еще не знаю, почему я всегда страстно желал быть женщиной.

Дж.М.: Возможно, потому что женщины с их женскими половыми органами привлекают мужчин и их пенисы?

Джейсон: И я не знаю, почему я никогда не хотел секса с мужчинами, потому что я — *гомосексуал!* [*Он начинает кричать.*] Не отрицай этого теперь!

Дж.М.: Почему я должна это отрицать?

Джейсон: А ведь эта задница, доктор Р. [*аналитик, с которым Джейсон встречался короткое время, предшествовавшее нашей работе, и к которому он не выказывал особого уважения*], сказал, жопа, что я не гомосексуал, потому что я никогда не спал с мужчинами!

Дж.М.: [*Джейсону отчаянно необходимо, чтобы его гомосексуальные стремления признавались, так как он чувствует, что его потребность в мужской идентификации была запрещена матерью.*] Здесь говорят два Джейсона. Один — гомосексуал и хочет получить в подарок мужской пенис, чтобы стать мужчиной; другой же — гетеросексуал и хочет заниматься любовью с женщиной, в то же время удерживая фантазию о получении от нее пениса, как будто женщина должна дать вам разрешение обладать вашим собственным пенисом.

Джейсон: Все эти забавы с моими подружками и дилдосом: ты однажды сказала, что эти игры представляют мою мать с обвязанным вокруг нее пенисом отца, который она давала мне анально проглотить. [*Длинная пауза, затем он начинает кричать.*] Мать ненавидела отца! Она не позволила бы мне быть похожим на него и не позволила бы любить его! Все, что у меня могло быть — это ее отец, восхитительный безногий военный герой! [*Он разрыдался.*]

К этому моменту нашего аналитического путешествия мы оба поняли, что одной из детских сексуальных теорий Джейсона была следующая: чтобы стать мужчиной, он должен был буквально принять в свое тело мужские гениталии. В то же время, он не хотел этого «усвоения» от мужчины, потому что для него равно значимым было то, чтобы мать дала ему доступ к пенису отца, чтобы он затем мог обладать ею. В сексуальной игре с искусственным пенисом Джейсон разыгрывал нередкую для маленьких детей фантазию, в которой они лежат между двумя родителями; отец вкладывает свой пенис в маленького мальчика, у него затем отрастает сильный пенис, который может войти в его мать: конкретная версия фантазий об интернализации в их оральном, анальном и фаллическом аспектах. Эти объектные интрапсихические представительства в конечном счете стали центрами устойчивых (пусть и отклоняющихся) идентификаций с родительской парой в фантазийной первичной сцене,

оказавшись, таким образом, фундаментом для высоко обусловленных и компульсивных форм сексуальности во взрослой жизни. Все, чего Джейсон достиг путем идентификации с фаллическими качествами отца, была погоня за бесчисленными сексуальными приключениями — поверхностный, «приклеенный» (адгезивный) вид идентификации, за которую, как мы увидели, ему пришлось дорого заплатить. Эта идентификация в дальнейшем осложнилась тем, что мужественность символизировалась погоней за партнершами, чье этническое происхождение отличалось от его собственного.

После большой и кропотливой работы мы пришли к заключению, что Джейсон интроецировал то, о чем он теперь думал, как о «сумасшедшей» части своей матери. Этот объект интроекции создал два противоречивых родительских образа: с одной стороны, он воображал отца обладателем идеализированного, постоянно эрегированного, не поддающегося кастрации пениса, за которым не было реального мужчины; с другой стороны, отец был опасной и низменной ролевой моделью, не заботливым и не основательным, а потому — равно удаленным от истинно мужского образа. Эти отцовские психические представительства, предположительно, не оставляли матери иного, как быть незавершенной, пустой и сумасшедшей. Джейсон чувствовал себя обделенным фаллическим обогащением, как и его мать (по его мнению). Его основной эротический сценарий, как и многие неосексуальные творения, был составлен наподобие сновидения. Как показывает предыдущий фрагмент сессии, Джейсона сексуально возбуждали женщины, которые, в его фантазии, инкорпорировали могущественный пенис, который он, в свою очередь, анально поглощал, тем самым делая свой собственный пенис *фаллическим* и способным к проникновению.

Сильно либидинозно загруженная сексуальная игра Джейсона с дилдосом исполняла в его психической экономии ту же роль, что и компульсивный поиск наркотических существей. В последнем случае целью акта являлось поглощение заменителя успокаивающих материнских функций первичной «матерью-грудью». Компульсивные сексуальные цели Джейсона имели то же значение. Хотя буквальная инкорпорация частичных объектов-заменителей основывается на бессознательном желании получить или воссоздать недостающее или разрушенное во внутреннем мире, очевидно, что эти действия не являются эквивалентом *психологических* процессов инкорпорации и интроекции. Напротив, *ощущаемая потребность во внешних объектах в форме компульсивной сексуальности или злоупотребления субстанциями свидетельствует*

о расстройстве в процессах интернализации. Наркотические действия неспособны восстановить поврежденные психические представления пениса или груди до их символических значений. Они только временно смягчают тревогу и поэтому приобретают наркотический характер — их требуется постоянно выполнять.

В последующие три года Джейсон создал устойчивые отношения с женщиной, своей коллегой, и они стали гордыми родителями двух детей. Хотя Джейсон все еще время от времени нуждался в одиночестве в своей собственной квартире, когда чувствовал себя неспособным выполнять требования совместной жизни, он все больше и больше привязывался к своей партнерше и становился все более и более любящим и заботливым отцом для своих детей. Он все еще находил убежище в мастурбации, когда в его жизни возникали тревожные события, но утверждал, что полностью потерял интерес к своим предыдущим садомазохистским практикам и больше не хочет, чтобы его любовница пользовалась дилдосом. У него сохранился эротический интерес к анальному сексу как к одному из вариантов, но это желание лишилось компульсивных элементов. Его бесконечные допросы, предшествующие половому акту, значительно сократились. Он доложил, что его друзья и коллеги с трудом его узнают, потому что он стал «совсем не таким психом». Сам Джейсон утверждал, что он научился различать *свою* реальность от реальности других людей. Он повторял, что в течение последних двух лет он впервые в жизни испытывает настоящее счастье.

Мы достигли этапа психоаналитического путешествия Джейсона, на котором наркотическая сторона его сексуальной жизни полностью исчезла. Однако, нарциссический ужас перед потерей границ своего эго и чувства личной идентичности, который придавал силу его компульсивным потребностям, все еще был очевиден в других аспектах его жизни и сам по себе заслуживает отдельной главы.

Глава 12

Сексуальное отклонение и психическое выживание

Для меня большинство психоаналитических теорий о садизме и мазохизме — все равно что кипяток, который пытаются выдать за изысканную еду... Мы должны быть осторожны, особенно те из нас, кто гордится своей эмпатией, чтобы не подумать, будто мы понимаем определенные переживания, лежащие далеко за границами нашего собственного опыта; особенно осторожны мы должны быть тогда, когда наши убеждения общественно одобряемы.

Роберт Столлер

Среди множества эротических техник, используемых для того, чтобы дать нарциссическое успокоение телу и Собственному Я как целостной, либидинозно вполне живой сущности, мастурбация играет выдающуюся роль. Переживание боли, тревоги и даже смертельной угрозы может стать существенным «музыкальным сопровождением» к мастурбаторной активности. Здесь вполне уместно упомянуть отклоняющийся мастурбаторный ритуал Джейсона, при котором он рисковал своей жизнью. Его сценарий является живой иллюстрацией двойной полярности неосексуальных изобретений: с одной стороны, они служат попыткой обойти запреты и кастрационную тревогу фаллически-эдипальной фазы; с другой стороны, это безнадежная попытка справиться с тревогой, возникающей на более ранней фазе, когда отделение от матери возбуждает ужас перед телесной дезинтеграцией, уничтожением и ощущением внутренней смерти. Эта тревога также часто сопровождается эмоцией инфантильной ярости. Другими словами, наркотическое действие служит защите от тревоги и *невротического, и психотического* уровня.

В детстве и подростковом возрасте Джейсон жил в одном из тех старых зданий, которые были обычны для Парижа 30 лет назад: каждый человек, выходявший из лифта, должен был отправить его обратно на первый этаж. При мастурбации Джейсон вызывал лифт на верхний этаж,

где жили его родители, затем посылал его вниз, а в это время карабкался по стальному тросу, пока не добирался до механизма под самой крышей. Вися над сорокаметровой пустотой, он цеплялся за трос, одновременно зажимая его между ног, и таким образом используя стальной кабель для мастурбации. Такая практика была преисполнена опасности с различных сторон, из которых главный риск был в том, что в момент эякуляции он мог ослабить захват и разбиться, пролетев несколько этажей. На самом деле, его страх был в высокой степени эротизирован.

В процессе анализа мы смогли реконструировать многие до сих пор бессознательные значения его мастурбаторного изобретения. Джейсон использовал всю имеющуюся в его распоряжении инфантильную магию, чтобы заполнить бессмысленные или мертвые пространства, где он не находил никакого успокаивающего отражения у своей матери, которое подтверждало бы его индивидуальное существование или сексуальную идентичность. *Пустота* в конце концов стала означать сам ужасный женский половой орган, воображаемый как опасный и пустой, — поскольку у Джейсона не было представительства отцовского пениса, играющего хоть какую-то роль в сексуальной жизни матери. В нем не было веры во внутреннего отца, который бы защитил Джейсона от смертельного втягивания в материнское тело, к чему призывали его инфантильные сексуальные стремления. Первичная форма кастрационной тревоги, которая, как мы видели, является динамическим фактором во многих серьезных психосоматических расстройствах, с равной частотой проявляется и у тех, кто создает неосексуальные акты и отношения, чтобы избежать ужасающих или откровенно психотических фантазий. Не подозревая об этом, Джейсон принес свой устрашающий образ полового акта во все свои взрослые любовные отношения.

Кроме эротизированной опасности, подразумеваемой его аутоэротическими действиями, была возможность, что отец Джейсона может поймать его за мастурбацией о стальной кабель и убить его. Для Джейсона его действия были бессознательным эквивалентом инцеста и поэтому могли спровоцировать отца на убийство. (Я иногда думала, что весь сценарий также напоминает внутриутробную фантазию, где стальной трос занимает место пуповины!)

В конечном итоге мы пришли к заключению, что сценарий Джейсона представлял собой средство сделать терпимым и возбуждающим свой страх стать *пустым местом* в глазах своей матери или превратиться в ничтожество как личность. Пустое пространство, с которым

надо было смело встретиться, было также связано с пробелом в знаниях, с пустотой, относящейся к истинной природе человеческих сексуальных отношений. Например, по мере продолжения анализа, для Джейсона было шоком осознать, что его мать не была асексуальной, а напротив, была очень заинтересована в сексуальной жизни со своим мужем, а его отец чувствовал к ней и влечение, и восхищение. (Вероятно, сами родительские ссоры были пропитаны эротизмом.) Ужас превратиться в пустоту, в ничто, чем, как он был уверен, он представлялся своей матери, и связался у него с его гениталиями. Следовательно, его пенис, в свою очередь, стал ничем, лишился качества мужественности и нуждался в подкреплении через магическое поглощение воображаемого пениса, принадлежащего другому мужчине.

В своем мастурбационном сценарии Джейсон сумел эротизировать и свою кастрационную тревогу и свои первичные страхи уничтожения и смерти. Как и многие наркоманы, он заигрывал со смертью в своих сексуальных играх, в попытке доказать, что несмотря на свои агрессивные импульсы и сексуальные желания, несмотря на свое убеждение, что он не существует в глазах матери — *ни она, ни он не умрут*. Он не только торжествовал над смертью, но сами его тревоги были причиной величайшего сексуального наслаждения. В этом мы увидели троекратное торжество наркотического решения: вызов матери, отцу и самой смерти. Ритуал Джейсона, хотя и безжалостно компульсивный и наркотический, фактически был большим открытием, триумфом перед лицом ужасающего восприятия пустоты.

То, что он попытался создать преграду против погружения в мир без смысла и отогнать фантазию о том, что его засасывает в бесконечную бездну, пришло к Джейсону, как поразительное открытие, когда он отыграл это в переносе. Такое поведение постепенно стало доступным для интерпретаций в период, когда он переживал фазы деперсонализации. По его собственным словам, ему постоянно угрожало, что его «засосет в пустоту». Сам анализ стал мучительным переживанием, в котором я играла двойную роль: я была матерью, которая доводила его до смерти, и отцом, который находил слова, придающие смысл его глубоким страхам, тем самым защищая его от распада. Следующий фрагмент взят из сессии шестого года нашей совместной работы. К этому времени страх Джейсона перед пустотой полностью исчез, но мы продолжали достигать дальнейших инсайтов о значении этой тревожащей пустоты и ее связи с воспоминаниями детства.

Пустота продолжает заполняться

Джейсон: Я смотрю как вы одеты, рассматриваю каждую элегантную деталь. Но здесь важно, что ваша одежда теперь становится *моей*. Мне хорошо, когда я ложусь. Вы бы видели, какую чудную одежду я теперь позволяю себе покупать. *[Джейсон одевался несоответственно ни своей профессии, ни своим средствам.]* Но галстук у меня очень старый и грязный — и мне запрещается его стирать, потому что тогда он больше не будет мной. Как когда я был ребенком. Я вопил, когда мать настаивала на том, чтобы купить мне новую одежду, и закатывал отвратительные публичные сцены. Мне было хуже, чем ей! Она пыталась сокрушить мой борющийся дух; я боролся за жизнь.

Дж.М. *[Хрупкость ощущения Собственного Я у Джейсона в детстве ясно видна в том, что ему нужно чувствовать, что его одежда сохраняет его целостность. Он, видимо, либидинозно загрузил одежду в качестве переходного объекта; кажется, она играла роль материнского окружения раннего детства, подтверждая его телесную целостность и психическую безопасность.]*

Джейсон: Это приводит меня к мысли о моем ужасе перед этими состояниями пустоты — вы помните,— когда я смотрел в ничто и не знал, кто я. *[Пауза]* Именно это я чувствовал, когда бы мы ни шли покупать новую одежду. Мать хотела сорвать с меня одежду, так что у меня не было бы защиты — и тогда она могла бы сожрать меня. От нее все надо было прятать, чтобы существовать. Я думаю о ритуалах моей мастурбации, как я висел на сорокаметровой высоте.

Дж.М.: Еще одна пустота? *[Впервые Джейсон смог связать свои состояния внутренней смерти, за которыми скрывалось предчувствие не-существования, с детскими страхами и подростковой сексуальной практикой. Более ранние попытки интерпретировать его ассоциации в такой перспективе, в связи с переносом или объектами из прошлого, просто приводили Джейсона в растерянность.]*

Джейсон: Ах да! Но эта была пустота, которая возбуждала! Именно реальная опасность ситуации была такой эротичной, что я эякулировал. И, конечно, риск, что поймают!

Дж.М.: *[Наконец Джейсон понимает, как он сумел, через эротизацию, сделать терпимыми те психические факторы, которые были причиной его величайших тревог. Родительские сообщения о сексуальности казались бессмысленными уму маленького мальчика. Следовательно,*

Джейсону понадобилось изобрести новую первичную сцену, которую он впоследствии интегрировал в свои неосексуальные творения, тем самым придавая смысл своей субъективности, существование своему пенису и получая доступ к сексуальному удовольствию.] Так что вы отказались чувствовать страх перед пустотой и страшными фантазиями о теле матери?

Джейсон: Да, и отказался соглашаться с тем, чего она хотела — а она хотела, чтобы я был бесполом.

Дж.М.: Отказались быть для нее пустым местом?

Джейсон: *Вот!* Как вы однажды сказали, я был не больше чем прилагательным. Я был уверен, что для родителей я не больше чем прилагательное: «Ты прекрасный, ты противный, ты ненормальный!» Но никто, понимаете, *никто* никогда не говорил мне, что я мальчик! *[Длинная пауза, Джейсон плачет. Справившись со слезами, он продолжает.]*

Откуда мне было знать, что я мальчик? Или что это значит, быть мальчиком? И что это *хорошо*, просто быть мальчиком? Я случайно стал мужчиной. А на самом деле и не был им. Я просто был похож на мужчину, вел себя так. Мне надо было быть лучше арабов, евреев, африканцев! Способным повалить больше девок, чем могли они. Вечное прилагательное! *Большой раздолбай.* Я так и не стал мужиком. Просто пустозвоном. А теперь становлюсь. Из пустоты я создал настоящий член! Наша работа была здесь, это как роды. Вы помните мою самую первую сессию на кушетке? Я сказал, что выхожу у вас между ног. Я словно наблюдал собственное рождение. Как желание, которое я никогда бы себе не позволил. Почему же я не существовал как мальчик для матери? *[Неожиданно кричит.] Джойс! Ты слышишь? Бога ради, скажи что-нибудь!*

Дж.М.: Бойтесь, что вы не существуете как мальчик для меня?

Джейсон: Хуже того. Словно и вы не существуете тоже.

Дж.М.: Так вы превратили меня в ничто, в пустоту? Словно вы осуждены опустошить меня — свою мать — до конца? *[Это относится к материалу предыдущей сессии, на которой Джейсон выражал страх, что он может истощить все мои идеи и стать для меня невыносимо тяжелым бременем.]*

Джейсон: Да, теперь я вижу. Я сжирал свою мать. Опасность была в том, что я опустошу ее, ее превращу в пустоту. Она всегда говорила мне, каким прозорливым я был ребенком, как ей приходилось зажимать мне нос, чтобы я отпустил ее сосок... и как она много для меня делала в детстве — кишки я из нее тянул! Видите, даже грудным я был только прилагательным — *плохим был!* *[Смеется, что расходится с его словами.]*

Дж.М.: *[Я остро чувствую его тревогу и ищу фантазии об инкорпорации, стремящиеся наружу.]* Словно ваша мать тоже боялась, что вы ее сожжете?

Джейсон: *Боялась!* И заставляла меня чувствовать себя опасным. Почему она так боялась? Я знаю, это называется *проекцией*. Я боялся съесть ее, и она боялась желания съесть меня! Я думаю об отсутствующей ноге деда. Я часами выпрашивал, где же она? Еще одно пустое место!

Дж.М.: Вы воображали, что она ее съела?

Джейсон: Да! Но этой пустотой я должен был восхищаться, а мой отец, с двумя ногами, не стоил ничего. *[Начинает кричать.]* Я мог хромать на одной ноге, но от отца мне не позволялось брать ничего! Совсем ничего!

Дж.М.: *[Он кричит все громче, словно все сильнее чувствует и вновь переживает свою детскую муку исчезновения в качестве личности для матери. Кажется, важно напомнить ему, что мы уже обнаружили, что существование его отца было драгоценным элементом в его дилемме, как и предоставление ему возможности принять, что он, в свою очередь, может существовать как сексуальное существо.]* За исключением «постоянного соблазнителя». Пусть это прилагательное, но это все же взято от отца.

Джейсон: *Вот ведь!* Действительно взято! Без этого у меня был бы психоз. Я был сумасшедшим, знаете, как мальчик Сэмми, о котором вы писали. Мы были очень похожи. Когда я пришел в первый раз, я был законченным психом!

Дж.М.: Но прилагательные помогли вам выжить.

Джейсон: Да... действительно помогли. И отец гордился моим интеллектом. Он не раз говорил, что я стану всемирно известным профессором. Ну да! Я стал хирургом для них всех — чтобы починить мать, приделать деду ногу, удовлетворить честолюбие отца. Годами я чинил весь мир, а сам оставался пустым и искалеченным. Как вы однажды сказали — психическое кровоизлияние.

В этой точке нашей работы компульсивная мастурбация у Джейсона заметно уменьшилась, хотя он и склонен был обращаться к ней в муках нарциссической боли или тревоги. Он все еще был подвержен неожиданному фобийному страху перед толпой, особыми взглядами, покупкой цветов или еды и определенными блюдами, но он постоянно пытался выяснить, что же значит его тревога.

Выживание Собственного Я

После восьми лет работы все эти симптомы исчезли. «Почему надо было 45 лет терпеть боль, чтобы узнать настоящее счастье?» — с удивлением спрашивал Джейсон. Хотя он преодолел все свое компульсивное сексуальное поведение и теперь не чувствовал, что его сексуальной идентичности что-либо угрожает, он все еще боролся с проблемой психического выживания и потребностью утвердиться в своей личной идентичности.

Джейсон: *[Не ложась; Джейсон сидит на кушетке, как это часто бывает, когда ему тревожно.]* Дела идут, работа успешна как никогда. Меня опять пригласили за границу читать лекции по моей хирургической специальности. *[Затем он говорит о двух своих детях и о том, как для детей важно «иметь отца, который знает, как установить законы и твердые правила, особенно, когда дети все время капризничают».]*

Дж.М. *[Чувствуя напряжение в его словах и поведении, я замечая, что он, кажется, хочет мне сказать, какой он замечательный мужчина, хирург и отец, но не похож ли он еще и на капризного ребенка, который не хочет следовать аналитическому правилу — лечь на кушетку и говорить все, что приходит в голову?]*

Джейсон: *[Ложась.]* Вы не любите работать лицом к лицу? Так?

Дж.М.: Мне интереснее, что вы пытаетесь контролировать, когда сидите, и не позволяете мыслям гулять свободно. У вас на уме есть что-то, что заставляет вас избегать момента отделения, когда вы теряете меня из виду... и рискуете снова окунуться в пустоту? *[Несомненно, желание Джейсона сидеть совпадает с надеждой получить подтверждение своего существования в моих глазах, как указывают последующие ассоциации.]*

Джейсон: Конечно, это всегда проблема! Но сегодня я особенно не хотел говорить, что у меня на уме: я встретил клошара по дороге сюда. Я их ненавижу! Не могу даже сказать — до чего ненавижу!

Дж.М.: А что для вас означает клошар?

Джейсон: О, я прекрасно знаю: это люди, которые не могут о себе позаботиться, всегда зависят от других — попрошайки. Мне... Я ходил в школу один с трех лет, а идти было очень далеко. Я боялся, конечно, но мать настаивала. «Ты должен научиться справляться», — говорила она.

Дж.М.: [*Я представляю себя маленьким Джейсоном: я прошу у матери то, на что не имею права (например, на материнскую защиту). Он не мог бы пойти на риск выглядеть попрошайкой в глазах матери!*] У вас не было права попросить мать о присутствии?

Этот ряд напомнил мне наблюдение, которое часто меня трогало: дети вроде Джейсона, с очень ранним развитием, ведут себя подчеркнуто независимо. Джейсон научился читать и писать до того, как пошел в школу; школьником он часто помогал отцу в аптеке, находя прописанные клиентам лекарства, а иногда даже сообщая, как их надо принимать. В дальнейшей жизни такие дети часто чувствуют, что их подтачивает их ранний успех, словно маленький ребенок из прошлого так и не получил ни признания, ни заботы. Успех трехлетнего Джейсона, самостоятельно отправляющегося в детский садик, был верным знаком его неудачи, чувства беспомощности, которые нужно было спрятать. Он был непризнаваемым *попрошайкой*, прося у матери заботы и внимания. Это отец Джейсона поддерживал его в том, чтобы быть умным, мечтал о великом профессиональном будущем для него — мечта, которую он исполнил, но дорогой ценой: его профессиональный успех стоил ему мук почти во всякой другой сфере жизни. С самых разных сторон, сексуально и социально, ему все еще было три годика, когда он пустился в свое психоаналитическое путешествие.

Джейсон: Иногда я не чувствую себя вправе купить новый галстук или цветы. Если куплю, то умру. Она покупала одежду, она покупала цветы. Если я буду это делать, я боюсь, что стану ею и должен буду снова драться за то, чтобы быть собой. [*Семейный человек, хороший отец и успешный хирург согласился наконец прислушаться к испуганному ребенку, неуверенному в границах его Собственного Я.*] Не знаю почему, я внезапно подумал, что я ужасно боюсь растолстеть. [*По-французски «grossir» (растолстеть) имеет тот же корень, что и «grossesse» (беременность).*]

Дж.М.: Бойтесь «нагулять брюхо»?

Джейсон: Да, может быть именно поэтому я особенно боюсь толстого живота! Но как этот страх растолстеть или забеременеть связан с моей ненавистью к попрошайкам?

Дж.М.: Возможно, часть вас тоже настойчиво просит о чем-то; та часть, о которой мы много говорили, что ей хотелось бы быть женщиной и вынашивать детей? [*Я подумала, но не сказала, что, возможно, он сам*

хотел бы стать матерью маленькому Джейсону, через идентификацию с заботливым материнским интроектом. Последовала длинная пауза, во время которой я вспоминала разные пути, которыми мы исследовали его глубокую зависть к женщинам и желание занять их место.]

Джейсон: Да! Я думаю о своей прекрасной профессиональной работе, что это, наверно, мой способ делать детей. Мне приходит в голову, что мое теперешнее удовольствие от работы больше, чем страх, что ценой за такой успех будет смерть. В конце концов, несмотря на все плохое, чем мой отец мне представлялся,— даже если это было гадко в глазах матери, даже если меня мучает мысль, что мой отец всегда умолял женщин — по крайней мере, он дал мне *какой-то мой образ!* Ха! Да я могу говорить об Эдипе и всем этом. Я читал книги, но есть кое-что гораздо глубже, чем моя влюбленность в мать.

[Джейсон вспоминает полотно Сальвадора Дали «Дева и младенец», где ребенок виден сквозь материнский живот. Он снова обращается к своей первой сессии на кушетке, где он воображал, что рождается из моей матки. Позднее я интерпретировала этот образ как желание родиться как личность, которая больше не боится, что ее спутают с другими людьми.]

Долгое время я сочинял себя, не оглядываясь на реальность. *[Долгая пауза.]* Но даже если у меня был психоз, по крайней мере он не позволил мне совсем перепутать себя со своими родителями и не дал матери высосать из меня кровь. Я стал зрителем, всегда смотрел, как другие выясняют, как мне положено действовать. Я много заплатил за это, все эти годы, разве не так? Хотя бы эти приступы постоянной тошноты и ужасные годы с гипертонией.

Дж.М. *[Я не делала ссылок на соматические стороны аналитического приключения Джейсона. В общем, его повышенное давление было психосоматической природы, а тошнота — чисто истерическим симптомом. Как и все люди, он сохранил возможность использовать любой тип регрессии или компромисса в состоянии стресса. Но теперь он излагает совершенно новый материал.]*

Джейсон: Знаете, когда я был маленьким (не помню, рассказывал ли я вам), я ужасно боялся воды. Мать подгоняла меня: «Давай, давай! Все любят плавать в бассейне. Прыгай в воду!»

Дж.М.: *[Долгое молчание. Я вмешиваюсь, потому что мне кажется, что Джейсон опять стал, как маленький ребенок, который дрожит на краю бассейна.]* И как вы справлялись?

Джейсон: Знаете, если бы она только сказала: «Прыгай в *свою* воду», не просто в воду, куда *все другие* прыгают, мне было бы не страшно. Но я до сухости во рту боялся, что растворюсь в других, не буду больше *собой*. Я убегал с воплями.

Этот рассказ Джейсона о психотической тревоге интересно сравнить с рассказами людей, страдающих астмой, которые тоже часто упоминают о своем страхе прыгнуть в воду или даже страхе опустить голову под воду, но не осознают своей фантазии исчезнуть в другом (матери). Когда случается астматический приступ, испуганный ребенок вынужден задерживать дыхание по непонятным причинам. В итоге работы с многими респираторными больными, мне открылся похожий ужас потерять свои границы. В дополнение к факторам, изложенным в Части III, эти клинические наблюдения привели меня к выводу о скрытой связи между психозом и психосоматикой.

Здесь мы видим, что Джейсон должен был сохранять осторожную дистанцию с другими, чтобы избежать риска слиться с ними и в результате больше не существовать, как отдельная личность. Подобные эпизоды мы анализировали несколькими годами раньше: его паническую реакцию на перспективу есть курицу, потому что она будет клевать его изнутри и съест. Продолжительные пищевые фобии Джейсона были основаны во многом на его неосознанных психотических тревогах. У других пациентов, поглощенных теми же ужасными фантазиями, могут развиваться пищевые аллергии. В таком контексте теорию Биона (1967) о «странных объектах» можно приложить как к психосоматическим, так и к психотическим способам психического функционирования.

Джейсон: Этот ужас перед водой — это все тот же ребенок. Он все еще здесь, во мне, и все еще говорит со мной. Но разница в том, что теперь и я с ним говорю. И даже больше, теперь я убежден, что и в вас есть маленький ребенок. Я слышу эту девочку, когда вы смеетесь, или когда говорите такие вещи, на которые отзывается маленький ребенок во мне. Когда знаешь, что и у аналитика тоже есть маленький ребенок внутри, тебе уже больше не угрожает опасность. Мне нужно было быть как вы, чтобы я сам мог вернуться к жизни. Но главное, мне надо было знать, что я *другой* и что нас никогда нельзя спутать!

Дж.М. [Джейсон наконец стал хорошим родителем самому себе, используя и материнскую, и отцовскую способность заботиться об обезумевшем внутреннем ребенке. Он больше не возлагает на родителей

ответственность за все свои несчастья в прошлом. Сейчас он позволяет им тоже быть отдельными от него людьми со своими проблемами, как у всех других.]

Джейсон: Мне так важно знать, что ваш внутренний ребенок и мой — не одно и то же, что мы два разных человека, и всегда будем разными.

Дж.М. [Этот страх потери границ в начале анализа Джейсон не признавал. Такие страхи predisполагают одних людей к психотической декомпенсации, других — к психосоматическому взрыву. Свой ужас перед потерей чувства идентичности Джейсон победил сложными сексуальными построениями, каждое из которых «работало» с особыми элементами его глобальной тревоги.]

Джейсон: Годами я путал мечты с реальностью. Теперь я пользуюсь ими при встрече с реальными трудностями. Я вам говорил о своем страхе перед водой, но теперь я обожаю плавать. [Замолкает, и у меня создается впечатление, что он ищет, какими средствами передать трудную мысль.] Но вы знаете, мне все еще нужна внутренняя картинка, чтобы нырнуть.

Дж.М. [Джейсон ссылается здесь (как он уже много раз это делал) на ужасную сцену, свидетелем которой он был еще мальчиком, во время немецкой оккупации во Франции. Он видел, как четыре немецких солдата схватили девушку за руки и за ноги и швырнули в плавательный бассейн в Сене. Он говорил, что эта сцена возбуждала его сексуально, но никогда до этого он не говорил, что использует этот самый образ сейчас, чтобы нырнуть в плавательный бассейн!]

Эротизация ужаса

Откровенность Джейсона позволила нам еще раз увидеть, как самые страшные переживания можно сделать терпимыми, если удастся их эротизировать. В сцене из воспоминаний Джейсон становится девушкой, которая должна умереть в плавательном бассейне; но одновременно — он центр интереса четырех солдат. Таким образом удовлетворяются и бисексуальные желания, и гомосексуальные стремления. Создавая таким образом свою псевдомужественность, Джейсон может нырнуть в бассейн без страха уничтожения.

Его изобретение было торжеством над многими внутренними преследователями: над его глобальным страхом перед матерью, над его

верой, что у него нет права отделиться от нее, над страхом, что он перепутает себя с ней и так утратит свое чувство идентичности. Четыре солдата из его псевдомужественной фантазии надежно стояли между ним и самым страшным внутренним образом матери (спроецированным на воду, которая примет его в себя и поглотит).

Джейсон: Знаете, мать играла важную роль во французском Сопротивлении во время немецкой оккупации, и она пришла бы в ярость, если бы узнала, как я увлекался эсэсовцами. Но мне нужно было убежище, чтобы отделиться от нее. Теперь я знаю, что использовал немецких солдат для этого. Когда я увидел ту сцену — их жуткую униформу, огромные ботинки,— это так возбуждало. Я представлял, что я *тоже* ношу эти огромные ботинки, и мог идти по улице без страха.

Дж.М.: Расскажите мне побольше об этом «убежище», которое было вам так нужно. [*Я тоже пытаюсь найти себе «убежище» в этот момент, потому что конец сессии приближается.*]

Джейсон: Я всю жизнь боролся за свое место, чтобы не чувствовать, что меня с кем-то спутают. Я пытался пользоваться словами, чтобы закрепиться на месте... как когда я ребенком... целый день задавал вопросы... и когда пришел на анализ. Вы помните? Я путал и нас тоже. Я путал наши имена.

Дж.М.: Да. Но может быть это был еще один способ найти себя?

Джейсон: Да, конечно! Теперь я знаю, что я лишь пытался выяснить, кто же я и что отличает меня от другого... и пытался найти разницу между матерью и отцом, и разницу между женщиной и мужчиной, и... и кем из них я должен быть, чтобы просто *быть*. Я вряд ли осмеливался надеяться, что я смогу быть мужчиной! [*Долгая пауза.*]

Быть или не быть... иметь собственное имя, не быть просто прилагательным... быть кем-то было возможно, пока я отличаюсь от всех других. Разве не вот в чем вопрос? [*Долгая пауза.*] Ну а в глубине меня всегда был гермафродит, и маленький ребенок тоже был, который *хотел* путать одного человека с другим. Но и ребенку, и мне теперь известно, что я могу за ним присмотреть, и он будет жив. *Вот так-то!*

Конец сессии. Поднимаясь, чтобы уйти Джейсон замечает: «Вы знаете, это очень важная сессия». Я отвечаю, что я тоже так думаю и что я когда-нибудь, возможно, попрошу его позволения процитировать ее на научной конференции.

По его требованию, два дня спустя я дала ему копию того, что я успела записать на сессии. Он указал, что я пропустила его ссылку на Сальвадора Дали и «роды Девы». (Этот пропуск, возможно, произошел из-за неосознанной реакции контрпереноса: хотя моим сознательным чувством было безмерное удовольствие от такого заметного прогресса Джейсона, возможно, что другая часть меня, понимая, что Джейсон теперь родился как личность, сожалела, что скоро он не будет во мне нуждаться.)

Анализ продолжался еще два года. К концу нашего аналитического путешествия я формально попросила у Джейсона разрешения использовать записи сессий. Он любезно дал такое позволение и прибавил несколько страниц собственных комментариев к материалу сессий, своим ассоциациям и нашей работе в целом. В конце он выразил свое убеждение, что особенно полезным было его впечатление, что я проявляю большую заботу о нашей работе, о том, чтобы его понять и идентифицироваться с его страданием. Он добавил, что я «вкладывала много души» в наше совместное путешествие. С тех пор Джейсон время от времени давал мне знать о своей профессиональной и личной жизни и о постоянном чувстве свершений и творчества в обеих сферах.

Возможно, некоторые читатели сочли, что у этого анализанта был психоз, серьезная истерофобия, тяжелые навязчивости, нарциссические нарушения или перверсный невроз характера. Какая разница, что за ярлык мы наклеим? Лучше скажем, что это просто человек, пытающийся выжить психически, любыми средствами, которые есть в его распоряжении. И, конечно, он выживал более, чем одним единственным способом. Хотя определенные стадии нашей работы его тревожили и мучили, он добился успеха в том, чтобы жить полной жизнью, какой только может надеяться жить большинство людей, благодаря своей неослабевающей смелости в нашем аналитическом приключении.

Анализ Джейсона, как и анализ других неосексуальных изобретателей, помог мне обрести опыт переживания всепоглощающей тревоги, которая лежит под компульсивной и наркотической природой отклоняющихся сексуальных действий. Сила нестерпимых мучений исходит отчасти из несмягченных оральных и анальных импульсов, которыми характеризуется инкорпоративная инфантильная любовь. Существенно важно понять, в какой мере неосексуальные творения являются отчаянными попытками как примириться с трудностью жизни, так и победить

страхи кастрации и уничтожения. *Тревога* — мать многих изобретений в театре психического. Мои анализанты научили меня, что их эротические изобретения служат тому, чтобы залатать разрывы в ткани сексуальной и личной идентичности, а также защитить интроецированные объекты от ненависти и деструктивности субъекта. Этим путем перепутанные сексуальные идентичности, инфантильная ярость и внутренняя омертвелость могут быть трансформированы в эротическую игру (если уж она так неизбежна).

Если нет способности эротизировать архаичные конфликты, они потенциально могут стать основой для более тяжелых исходов психотического и психопатического характера. С чудесным открытием неосексуального решения на месте бессмыслицы появляется смысл; на месте внутренней смерти — ощущение жизни. В таких аналитических путешествиях осознание динамического значения неосексуальностей помогает нам терпеливо ждать ослабления их хватки в сознании анализанта, пусть даже такие пациенты шумно требуют немедленного освобождения от власти, которую захватили над ними их творения. Несмотря на жесткие ограничения и компульсивность, жертвами которых становятся многие сексуальные новаторы, несмотря на огромные мучения и угрожающие жизни обстоятельства, которые иногда сопутствуют наркотическим и неосексуальным практикам, мы должны признать, что эти попытки самоисцеления и цели восстановления сковывают деструктивные импульсы Танатоса, и Эрос торжествует над смертью.

Часть V

ПСИХОАНАЛИЗ НА КУШЕТКЕ

Глава 13

Отклонения психоаналитической установки

Я не хочу убеждать; я хочу лишь пробудить мысль и поколебать предрассудки ... мы даже не требуем от наших пациентов убежденности в правоте психоанализа при лечении или приверженности ему. Такая установка часто даже возбуждает наши подозрения. Самой желательной мы находим установку благожелательного скептицизма.

Зигмунд Фрейд

Несколько лет назад меня пригласили участвовать в симпозиуме по обсуждению «извращений и близких к ним расстройств в клинической практике» (МакДугалл, 1988). Моим первым вопросом было: «Поскольку наша практика неизбежно включает двух активных участников, по какую сторону психоаналитического забора мы должны искать признаки проявления извращений и близких к ним расстройств?» У наших анализантов? Или у себя? В идеале мы, конечно, пытаемся глядеть по обе стороны забора сразу. И поступая так, мы могли бы спросить себя, встречается ли такая вещь, как *извращенные психоаналитические отношения*, или не может ли контрперенос быть проникнут извращенными элементами, тем самым создавая невыявленные осложнения в работе с определенными анализантами. Утверждения аналитиков, что психическая структура данного индивида извращена, обычно раскрывают тенденцию говорить о так называемом извращенце, как о том, кто стоит по другую сторону забора (он или она — ненормальны, а мы — нормальны). К таким клиническим рассуждениям как к теоретическим аспектам вопроса не так часто обращаются в психоаналитической литературе: что составляет извращение и близкие к нему расстройства у наших *пациентов*?

Написав за многие годы весомое количество работ по бессознательному значению отклоняющейся сексуальности (МакДугалл, 1978а, 1978б, 1985а, 1986б, 1989), я получила хорошую возможность подвергнуть

сомнению как мой собственный интеллектуальный вклад, так и вклад коллег в эту особую область, клинически. Мне вспомнилось, как небольшая группа парижских аналитиков, куда входила и я, решила регулярно встречаться, чтобы обсуждать свои находки в сфере сексуальных отклонений. В то время я была достаточно сильно поражена тем особым либидинозным интересом, который каждый из нас проявлял к определенным сторонам человеческого сексуального поведения, возможно, как раз тем, которым не уделялось должного внимания в течение персонального анализа! Один коллега, не принявший участия в подготовке книги, которую мы впоследствии опубликовали (Баранд и соавторы, 1972) (поэтому он может остаться здесь анонимным), рассказывал, что провел много часов в местном зоопарке, старательно изучая то, что он называл «зоо-перверсиями». Коллега предоставил снимки своих наблюдений, сделанные скрытой камерой, с такими пикантными деталями, что я задумалась о том, кто был более возбужден — мальчики, которые под видом изучения обезьян потихоньку мастурбировали, или он, который под видом научного интереса потихоньку наблюдал за ними?

Мы могли бы задуматься и над зачарованностью Фрейда человеческой сексуальностью и его неустанными исследованиями ее бесчисленных осложнений и аберраций. Возможно, его важные открытия бессознательного и тайн детского эротизма, спрятанных в сновидениях, обязаны тому факту, что он и сам страдал от сексуальных проблем, но был достаточно любопытен и достаточно честен, чтобы желать понять их происхождение.

Эти размышления поднимают сложный вопрос об отношении формирования симптома к творчеству. Я уже замечала, что фрейдовское определение перверсий по сути такое же, как и определение сублимации. Была ли активность моего коллеги, так приятно увлеченного своими наблюдениями над мальчиками и обезьянами, перверсией или сублимацией? Хотя мы с готовностью признаем связь между вуайеристом и художником, садистом и хирургом, эксгибиционистом и актером или фетишистом и философом, мы не очень склонны анализировать либидинозные корни нашего собственного выбора профессии. Не заместили ли мы свое вуайеристское желание похитить тайны первичной сцены на достойную восхищения страсть к познанию? Не заместили ли мы свое желание обладать мужскими и женскими фертильными способностями наших родителей страстью понять наших анализантов и создать объяснительные теории их поведения? Не заместили ли мы свою вину за воображаемые

нападения на значимые объекты нашего внутреннего мира потребностью исцелить и починить психический мир других? До какой степени мы, через свою аналитическую работу, постоянно имеем дело с нашими собственными непризнаваемыми аспектами личности? А что сказать о наших, часто полностью бессознательных (или, по меньшей мере, отрицаемых) гомосексуальных, нарциссических, криминальных и мегаломанических тенденциях? До какой степени мы используем теоретические убеждения как защиту против слишком тесной идентификации с нашими пациентами?

По отношению к теме вышеупомянутого симпозиума, вероятно, можно сказать, что извращение, как и красота, зависит от взгляда смотрящего. Не вызывает сомнений, что ведущая «эрогенная зона» человечества расположена в голове. И это верно и для аналитиков, и для анализантов. Это глаза аналитика видят и затем создают ярлыки, по которым определяется, что извращено, а что — нет как в человеческой сексуальности, так и в повседневной жизни! Мы должны напомнить себе, что с точки зрения анализантов, их отклоняющееся и близкое к отклоняющемуся поведение (выраженное в выборе сексуальных действий или объектов, в «наркотическом» стремлении к сексу или в извращенности черт их характера) почти неизменно воспринимается ими как интегральная часть их личности и идентичности, даже когда они страдают от общественных запретов на их пристрастия. Когда же мы, наблюдающие специалисты, «эксперты», провозглашаем то или иное поведение, отношения, действия или фантазии извращенными, на каком основании мы даем такое определение? По *чьим* нормам и ценностным суждениям: нашим, Фрейда, психоаналитических институтов или общественным?

В последние годы было много написано об этике психоаналитической практики. Однако нам не удалось исследовать, в какой степени на нашу теорию и практику повлияли ценностные суждения наших теоретиков и практиков. Более того, присущая нашей науке в целом система ценностей, за немногими исключениями, редко становится темой исследования, словно цели и ценности нашей метапсихологии и подразумеваемые задачи лечения самоочевидны. Как и любые другие искусства или науки, психоанализ включает основные ценности Западной культуры, что справедливо отметила Этель Персон (1983) в побуждающей к размышлениям статье о ценностных суждениях и сексизме в психоанализе.

Фрейд заявлял, что самой существенной ценностью психоаналитической мысли и практики является поиск истины. Но эта ценность,

конечно же, не уникально психоаналитическая; приверженность истине — основа этики любого научного исследования.* Одна ценность несомненна: психоанализ, независимо от того, считать ли его антропологической наукой или искусством врачевания, с момента своего появления был признан дисциплиной, чья цель — спрашивать об очевидном, бросать вызов установившимся верованиям и разоблачать бессознательные элементы, вносящие пристрастность и искажения в общественный, политический, культуральный и религиозный выбор. Следовательно, психоаналитики и сам психоанализ, конечно, не отказались бы подчиниться той же самой суровой проверке, которой мы, в идеале, ожидаем от ученых из других областей знания (Персон, 1983).

Статья Персон о ценностных суждениях Фрейда и их влиянии на его теорию женской сексуальности демонстрирует ту степень, в которой сам Фрейд был под влиянием нравов и ценностных суждений викторианской эпохи. Персон предполагает, что он принял викторианскую женщину своего времени за представительницу неизменного примера женственности. Хотя он считал себя объективным наблюдателем, две его прославленные статьи о женской сексуальности дают ясное представление о том, в какой мере он сам был проникнут условными, моралистическими установками своего времени. Как уже говорилось, в конце своей жизни Фрейд признавал, что он жил достаточно долго, чтобы понять, что он ничего не понимает в женщинах и их сексуальности!

Более того, Фрейд был убежден, что психоаналитики, если они сами прошли анализ, будут полностью свободны от моральных суждений о своих анализантах. Не наивная ли надежда? Несмотря на наше уважение к фрейдистским идеалам, возможно ли хотя бы представить себе такую свободу от личных ценностных суждений?

Цели и ценности аналитика: поле для размышлений

Придя к понятию о психоаналитических ценностях в отношении извращений и близких к ним расстройств в клинической практике, давайте рассмотрим, насколько нестойкими оказываются аналитики

* В этом отношении мы могли бы вспомнить позицию Карла Поппера (1959), который заявлял, что поскольку теория должна делать прогнозы, доступные проверке, проверка никогда не может подтвердить теорию, она может только ее опровергнуть.

к отклонениям и извращениям с точки зрения психоаналитического идеала несудящей нейтральности:

— Как наши ценностные суждения влияют на конструирование психоаналитических теорий о сексуальных отклонениях или близком к извращению поведении?

— Каково воздействие (явное или неявное) этих ценностных суждений на нашу клиническую работу?

— Принимая во внимание значительные расхождения, существующие среди множества школ психоаналитического знания, в какой мере наши знания и практика слегка извращены идеализацией теорий и теоретиков?

— Сверх и помимо нашей приверженности истине, сверх и помимо различных психоаналитических школ, возможно ли найти идеал, в рамках утверждаемых целей и подразумеваемых ценностных суждений, который был бы специфически психоаналитическим? А именно, есть ли у нас фундаментальная система ценностей, сверх и помимо неизбежных социокультурных ценностей, которая отличала бы психоанализ от других научных и художественных дисциплин?

— Если эта уникальная система ценностей может быть выделена, в какой мере наши личные (признаваемые и непризнаваемые) ценностные суждения могли бы увлечь нас в сторону от нее, тем самым позволяя некоторой доле извращения вмешиваться в нашу клиническую работу?

— В какой мере наша идеальная система ценностей совпадает или отклоняется от общественной системы ценностей? Должны ли мы судить о себе, как об извращениях, если увидим, что находимся в оппозиции к общественным суждениям о том, что является и что не является извращением?

Подразумевается, что, предлагая потенциальным пациентам, «извращенным» или иным, возможность пуститься с нами в психоаналитическое приключение, мы, как практикующие аналитики, всегда ориентируемся на их цели. Большинство аналитиков согласились бы, что общая цель психоанализа и психоаналитической терапии направлена на приобретение знания о себе. И, несомненно, мы добавили бы, что надеемся на то, что наши анализанты будут использовать это знание во благо, и что в результате их жизнь будет восприниматься, как стоящая затаея, несмотря на страдания и разочарования, присущие человеческому существованию.

Если мы исследуем фрейдовские топическую и структурную модели психической организации, желая выявить специфически аналитические цели, скрытые за ними, то можем найти следующее: во-первых, цель сделать сознательным бессознательное; во-вторых, достичь инсайта в структурах Эго-Суперэго и эдипальной организации, которую эти структуры порождают. Неявными можно полагать следующие цели: позволить индивиду выяснить правду о своих инфантильных инцестуозных желаниях и сопутствующих им страхах, а также правду о своем мегаломаническом нарциссизме и деструктивных импульсах. Надо надеяться, что, озаренные этими истинами, люди будут лучше вооружены, чтобы судить о себе, своих отношениях со значимыми другими и своей роли в обществе, коего гражданами они являются. Подразумеваемая ценность этих целей, наверное, в том, что так достигнутое самопознание не только само по себе стоящее приобретение, но и в жизни весьма пригодится.

Однако почтение к самопознанию, как и приверженность истине, никоим образом не уникально для психоанализа. Ясно, что нам надо заглянуть по ту сторону этих целей, если мы хотим найти более фундаментальные ценности, уникальные для психоаналитического образа мысли и работы,— измерение, которое можно были бы считать оригинальным вкладом в систему ценностей нашей культуры. Надеюсь, это прояснение открывает также широкие перспективы в нашей клинической работе с пациентами, описанными как пациенты с перверсными характеристиками.

«Любить и работать»?

Фрейд первым обратился к теме психоаналитических ценностей и целей. В своей статье «Типы начала невроза» (1912) он предложил определение душевного здоровья как «способности к достижениям и радости, в целом неограниченной». К концу жизни, в «Новых вступительных лекциях», он пришел к заключению, что психоанализ неспособен создать собственное мировоззрение (*Weltanschauung*), да и не нуждается в этом; как наука он просто принимает научное мировоззрение. Тем не менее, целью психоаналитического лечения Фрейд назвал способность человека «любить и работать» (с удовольствием).

На первый взгляд, такие цели кажутся неоспоримыми ценностями. Кто бросит им вызов? Но при дальнейшем размышлении встают

трудные вопросы. Как отнести эти цели к тем, кто может достичь любовных отношений, только если они подчинены жестким условиям, таким как наличие садомазохистского или фетишистского поведения? Будет ли нашей целью помочь пациентам раскрыть свой садомазохистский или фетишистский потенциал? А что можно сказать о тех, чья работа и заработки основаны на незаконной деятельности? (Я вспоминаю, как расстроился мой коллега, когда узнал, что его пациент, молодой врач, оплачивает анализ, делая криминальные аборт.) А что касается способности любить, годы психоаналитического опыта научили нас, что есть анализанты, которым нужно осознать свою *ненависть* и научиться управлять и мудро пользоваться агрессией, которая при этом поступает в распоряжение эго. Помимо злости за неизбежные фрустрации жизни, глубоко похороненной в сердце каждого, есть и внешние обстоятельства, которые требуют честной оценки их ненавистных сторон (как, несомненно, признал бы и Фрейд).

Что касается фрейдовского определения душевного здоровья как «способности к достижениям и радости, в целом неограниченной», и способности работать, есть пациенты, которым нужно научиться, как *перестать* работать, или открыть, что их удовольствие от своей работы скрывает за собой вынужденное, возможно, даже извращенное измерение; те пациенты, например, которые используют работу как наркотик для того, чтобы избежать душевной боли и уйти от размышлений о том, что ее породило. Люди, постоянно озабоченные тем, чтобы «делать», вместо того, чтобы «быть», не оставляют в своей жизни места воображению и сну. В курсе аналитического лечения оказывается, что эта психическая деятельность воспринимается ими как бессознательно запрещенная (ведущая к мыслям, которые считаются сексуальными табу), опасная (потенциальный путь к безумию), или пугающая (в которой может открыться тотальная пустота).**

При внимательном чтении Фрейда, открывается его двойственное отношение к воображаемой жизни, находит ли она свое выражение извращенным или сублиматорным путем. Когда воображению дают

* В защиту воображения приходит на ум фильм Вуди Аллена «Роза Каира». Молодая замужняя женщина, лишенная всякого удовольствия в жизни, страстно влюбляется в кинематографический образ. Персонаж «живьем» сходит с экрана, сохраняя черты своего образа. Но наступает момент, когда молодая женщина должна выбрать между реальным актером и любовником с экрана. Она выбирает реальность — и теряет все!

волю ради личного удовольствия и не преследуют творческие цели, Фрейд склонен трактовать это как симптоматичное избегание внешней реальности. Даже на его собственном удовольствии от творческой работы стоит отметка «недозволено», когда он говорит о том, как «поддался» очарованию гения Леонардо да Винчи, словно это было слабостью. В замечательной книге о Фрейде и фантазии, Моника Шнайдер (1980) замечает, что «кажется, борьба между силой дедукции и силой соблазнительного очарования творческой работы уподобляется им проступку, признаваясь в котором, он [Фрейд] должен извиниться». Таким образом, ближайший взгляд на фрейдовский идеал сделать человека способным любить и работать без помехи открывает нам, что стоящие за этим идеалом ценности, как и те, которые стоят за его концепцией женственности, покрыты тонким слоем викторианской двуличности, что выражается в скрытом моральном осуждении любого удовольствия, происходящего из мира фантазии. (Ту же самую двуличность можно проследить и в двойственном отношении Фрейда к мастурбации, которую он, с одной стороны, признает в качестве составной части человеческой сексуальности, а с другой — считает патологическим проявлением.)

Пытаясь понять тех анализантов, которые постоянно избегают воображаемой жизни, каждую секунду заполняя действием, я ввела термин «нормопаты», чтобы обозначить тех, чья видимость нормальности часто служит патологической защитой от психотических форм тревоги (МакДугалл, 1978а, 1985б). Более того, во многих случаях именно такие пациенты через постоянную критику жестко навязывают свой симптом другим, с целью заставить менее нормопатичных людей почувствовать себя виноватыми! Используя определение извращенного поведения, данное Робертом Столлером (1988), как поведения, стремящегося причинить вред и «расчеловечить», нельзя ли рассматривать такую личность как предъявляющую «близкое к извращенному» поведение? Позаимствовав столлеровскую метафору о двойственной природе извращенно-близкого типа, мы могли бы сказать, что нормопат как близкий к извращенцу тип, по Столлеру, «все делает в миссионерской позиции». Можно добавить, что эти бесконечные труженики, которых можно включить в категорию «трудоголиков», предъявляют форму психического функционирования, которая часто повышает психосоматическую уязвимость. (Возможно, это лишь извращенная попытка с моей стороны, объяснить, почему я не хочу походить на них!)

Расширение горизонта психоаналитических ценностей

Со времен Фрейда многие аналитики, испытывавшие влияние современных им теорий и харизматичности определенных теоретиков, пытались сформулировать дополнительные аналитические цели с сопутствующими им ценностными суждениями. Это включало «достижение генитальности», «адаптацию к реальности», «приобретение автономного функционирования эго», «способность к стабильным объектным отношениям», «желание родительства» (особенно для девушек), «радости здорового нарциссизма» и т. п. Хотя нет причин возражать против «достижения генитальности» как возможной цели психоанализа, хотелось бы знать, согласно какой модели судить об этой генитальной сексуальности. Согласно нормативному подходу Фрейда (1905), определенному в «Трех эссе»? «Конфронтация с реальностью» равно приемлемое добавление, но как цель она подразумевает концепцию того, что же составляет «реальность». Реальность, как признает ее эго любого индивида, это *конструкт*, медленно создаваемый дискурсом родителей и общества, начиная с детства; это вовсе не непреложная данность. Следовательно, чьему же определению реальности и чьему ощущению реальности служить нашим стандартом? Ту же критику можно приложить и к стандартам нарциссического здоровья. Что касается целей достижения «стабильных объектных отношений» или желания родительства, то хотя отдельный аналитик может лично ценить их, но не дело психоаналитика желать этого или подспудно навязывать своим анализантам или детям! Если мы неумышленно пропагандируем эти нормативные стандарты как часть нашей аналитической цели, кто мы, как не слегка извращенцы? Не идеализируем ли мы себя, не ведем ли себя так, как будто мы всемогущи?

Ясно, что нам нужно заглянуть за лежащие на поверхности ценности, такие как генитальность, адаптация и нарциссическое удовлетворение, если мы хотим определить более специфично психоаналитические цели. Из множества перечисленных ценностей наиболее прочным и недискредитируемым ценностным суждением остается поиск истины — при том, что мы представляем себе, что можем ее определить! Бийон (1965, 1970) — аналитический мыслитель, который наиболее последовательно развивал концепцию Фрейда в этом отношении. Бийон предполагает, что психе имеет способность распознавать истину, так как именно эмоциональный

удар заставляет истину звучать. Для Биона, аффект — это сердце смысла, и, таким образом, — самый точный индикатор истинности восприятия и суждения; и следовательно, неотъемлемой целью анализа становится открытие «психической реальности» в этих рамках. Бцион также развивает идею, что псьюхе способна нападать на истинные мысли и искажать их, а следовательно, может рождать *ложь*, которая затем служит деструктивным и относящимся к смерти импульсам.

Несмотря на мой глубокий интерес к концепциям Биона, я по-прежнему нахожу необходимым заглянуть по ту сторону поиска «истины» и «реальности», даже если они обретают валидность приложением к ним определения «психический». В той мере, в какой эти цели в своей основе нормативны, они не могут считаться существенными составляющими *психоаналитической установки*. Напротив, они могут извратить ее. Приняв их за основные психоаналитические ценности, мы легко подвергаемся опасности того, что станем навязывать ценности нравственного, религиозного, эстетического или политического характера. Такое навязывание затруднило бы наше психоаналитическое функционирование и давило бы на пациентов, заставляя их втискиваться в *нашу* систему ценностей, вместо того, чтобы открывать свою и принимать или изменять свои ценности, в соответствии с ней.

Такая позиция была бы немалым извращением психоаналитического идеала нейтральности! И все-таки в той мере, в какой затрагиваются общественные ценности, она неизбежна. Психоаналитики обычно не стоят в оппозиции к основным социокультурным ценностям общества, к которому принадлежат они и их пациенты. Любое общество, желающее согласия и последовательности, будет устанавливать законы для сохранения этических ценностей, которые считает (справедливо или нет) существенными для своего выживания. Однако, принимая во внимание природу психоанализа, аналитик в своей работе едва ли избежит вопросов о месте отклонений или близких к извращению качеств с точки зрения своего конкретного общества.

Отклонения и психоанализ

Когда социально отклоняющееся поведение можно рассматривать как приемлемое и когда считать его патологическим? Запретить все отклоняющееся поведение, в некоторых или во всех общественных

институтах, означало бы положить конец любому прогрессу в рассматриваемой области, потому что отклонение несет в себе семя новизны. Если, с другой стороны, любое отклонение открыто признавать и одобрять (в особенности, угрожающее самой личности или другим членам общества), то выживанию институтов или самого общества грозит взрыв анархии. Как аналитики мы не можем уклониться от проблемы общественных ценностей, поскольку они имеют отношение к нашим исследованиям отклонений в человеческой психике.

На самом деле, психоанализ подвергается риску быть осужденным как ниспровергатель основ (если не извращение), поскольку практикующие его исповедуют нейтральность. Мы не хотим судить наших пациентов, а тем более осуждать или презирать их. Наша единственная открытая цель — понять их психический опыт и сообщить о своем понимании, в надежде, что они, впоследствии, примут полную ответственность за свой выбор и свои действия. Наша практика (как и основы этики) сосредоточена на том, чтобы помочь каждому анализанту осознать его или ее вытесненные фантазии и конфликты, в результате чего ценности, прежде принятые как те основополагающие истины, в которых не отдают себе отчета, становятся сознательными. Впервые видя их ясно, пациенты часто подвергают сомнению как свои религиозные, политические, этические или эстетические убеждения, так и свой сексуальный выбор и практику.

Развитие психоанализа как учения или как практики подвергается опасности, если утверждаемая нами цель — сделать человека в большей степени осознающим свои, прежде бессознательные конфликты (и, следовательно, более склонным сомневаться в стандартных общественных верованиях) — рассматривается как отклонение и угроза существующему порядку. (Как известно, есть страны, где психоаналитическая практика запрещена!) В то же время, если мы как аналитики будем подспудно соглашаться на компромисс с ценностями, которые угрожают нашей неотъемлемой нейтральности по отношению к анализантам, или примем ценности, которые затрудняют развитие нашей теоретической мысли, тогда мы сами рискуем потерять свою идентичность и войти, скорее, в религиозные или политические группы, чем в научные круги. Я вернусь к этому вопросу в следующей главе, когда мы будем рассматривать квазирелигиозную установку по отношению к психоаналитическим концепциям и школам, которая, проникая в наши аналитические цели, может исказить их.

Сексуальные отклонения и закон

В вопросе сексуальных отклонений у общества есть определенный выбор возможностей. Любое общество непременно заботится о сохранении своей этической структуры и поддерживает ее стабильность. При этом оно склонно считать незаконным всякие сексуальные действия, которые предполагает угрожающими благополучию детей или посягающими на права и свободы взрослых граждан. Понятно, например, что сексуальное оскорбление малолетних или сексуальное поведение, навязанное не принимающему его лицу (такое как эксгибиционизм или изнасилование), обычно караемые законом действия. Другие сексуальные отклонения, такие как фетишистская или садомазохистская практика по взаимному согласию между взрослыми, не задевающие никого, кроме непосредственных участников, не подпадают под действие законов в большинстве Западных обществ.

В этом отношении гомосексуальность требует дальнейших размышлений. В обществах, где гомосексуальность незаконна и даже считается преступлением, за которое в некоторых случаях выносят смертный приговор, гомосексуальная ориентация рассматривается как серьезная угроза обществу, как зараза. Убеждение, видимо, состоит в том, что гомосексуальность — неограниченное явление, что она может распространяться в обществе, угрожая выживанию всех людей. Однако менее поверхностные наблюдения подтверждают, что гетеросексуалы не становятся гомосексуалами от взаимодействия с ними, и наоборот! Хотя как аналитики мы находимся в прекрасной позиции для наблюдения этих фактов, в дискуссиях на симпозиумах и психоаналитических конгрессах всегда находится хоть кто-то из членов нашей профессии, кто, кажется, считает гомосексуальную ориентацию патологичной. Вероятно, такое мнение показывает, что мы имеем дело с бессознательными проекциями данных аналитиков, касающимися предполагаемой опасности гомосексуальных отношений.

Мы все, наверное, сталкивались с тем, что кто-то из наших пациентов участвует в неодобряемых законом сексуальных действиях (развращение детей, эксгибиционизм, изнасилование). Например, в ходе анализа анализант может рассказать, что он педофил или вуайерист, способный на садистское нападение на предмет своего наблюдения. Даже слушая с кажущимся хладнокровием ассоциации нашего анализанта на эту тему и сосредоточиваясь на их бессознательном значении, мы в то же время склонны сильно идентифицироваться с целью общества — защитить своих граждан.

Когда эта тема была поднята в кругу почтенных аналитиков Парижского Психоаналитического Общества, обсуждавших этические вопросы, двое высказались за то, что «нужно отказываться брать на лечение таких пациентов». Но другие заметили, что мы редко осведомлены заранее о сексуальных пристрастиях пациента, особенно если не они являются причиной обращения за психоаналитической помощью. Тогда протестующие коллеги предложили немедленно прекращать лечение таких пациентов. Другие (и я тоже) утверждали, что этот способ решения проблемы никак не отражает аналитическую установку — на понимание, а не на осуждение.

Когда у нас на кушетке оказывается педофил, эксгибиционист или сексуальный садист, мы обязаны хорошо изучить нашу контрпереносную установку, если мы хотим хладнокровно интерпретировать незаконное измерение такого пациента (часто связанное с историей отсутствия отца или матери, или их оскорблениями, а иногда с сексуальным возбуждением и отвержением с их стороны). Переработка наших контрпереносных аффектов должна помочь нам сохранить рамки анализа, которые хотя и отвергаются такими пациентами особенно резко, но одновременно действуют также глубоко успокаивающе, как родительское присутствие. Тогда мы можем эмпатически интерпретировать фрагментированные догенитальные импульсы и связать их с непоследовательными эротическими отношениями с отцом или матерью в раннем детстве. Может быть, обнаружится, что мы сами должны анализировать бессознательные инцестуозные желания к своим детям, или исследовать свои безотчетные склонности к садизму, вуайеризму или эксгибиционизму. Тот факт, что они могли быть успешно вытеснены или сублимированы, не должен останавливать наши попытки более глубокого проникновения в свои бессознательные психосексуальные измерения, и, на самом деле, такая интроспекция существенна, если мы надеемся продвинуться в своем самопознании так же, как и продвинуть самопознание своих пациентов.

В отношении гомосексуальности дело обстоит несколько иначе, так как в большинстве Западных обществ этот вариант сексуальности больше не считается противозаконным, пока все происходит по взаимному согласию взрослых. Но хотя гомосексуальность больше не карается законом, как сказано, ряд аналитиков занимает позицию, что любая гомосексуальность симптоматична. Эти аналитики питают тайное желание превратить своих гомосексуальных пациентов в гетеросексуальных, и, на самом деле, некоторые открыто провозглашают это целью лечения.

Позиция такого рода вызывает неизбежный вопрос о контрпереносе аналитика на гомосексуальных анализантов. Такое желание аналитика было бы понятно и приемлемо, если бы желание жить полной гетеросексуальной жизнью было бы сознательным стремлением и утверждаемой целью анализанта. Понятен и случай, когда гомосексуальные отношения образуют защитную структуру против воображаемых опасностей гетеросексуального влечения; однако, дело обстоит не так в большинстве случаев гомосексуальных мужчин и женщин. Ричард Айси (1985, 1989) опубликовал очень уместные статьи по этому контрпереносному переживанию, которое он приравнивает к гомофобии. Лиментани (1977) и Ливи (1985) также сделали достойный вклад в этой области.

В отсутствие признаваемого или открывшегося желания сексуальной переориентации мы должны спросить себя, какое оправдание может быть аналитику, навязывающему свои сексуальные предпочтения пациентам с другими склонностями. Даже когда аналитик считает, что гомосексуальность всегда указывает на решение внутреннего конфликта в форме симптома, нужно помнить, что такие «решения» часто отражают наилучшее приспособление, которое ребенок-внутри-анализанта мог найти перед лицом обстоятельств, неблагоприятных для гетеросексуального развития. В результате родительских бессознательных проблем и их влияния на семейный дискурс, эти «приспособления» часто включают в себя то, что человеку трудно понять сексуальные роли, трудно перенести неизбежные отказы и нарциссические раны, наносимые сексуальной реальностью. Принимая это во внимание, весьма вероятно, что подрыв гомосексуальных решений может породить депрессивные симптомы или серьезные нарушения чувства идентичности.

Некоторые выдающиеся аналитики даже убеждены, что гомосексуалов нельзя лечить психоаналитически. Два опытных коллеги, один из Европы, другой из Соединенных Штатов, рассказывали о почти одинаковых инцидентах. Оба делали доклады о некоторых аспектах гомосексуальности, проиллюстрировав их клиническими случаями. И обоих публично вопрошали негодующие коллеги, как они осмелились взять «таких людей» на лечение, и почему они считают свою работу «анализом» — ведь «гомосексуалы не анализируемы». (Конечно, некоторые гомосексуалы действительно не анализируемы, — как и некоторые гетеросексуалы!) Предъявление таких предрассудков может указывать на определенную идеализацию гетеросексуальности. Но нам ли не знать, что гетеросексуальность не защищает от психологических расстройств!

Когда аналитик устанавливает гетеросексуальные цели для гомосексуальных пациентов, которых пациенты сами не преследуют, или утверждает, что анализ не подходит для гомосексуалов, возможно, что стоящая за этим контрпереносная позиция связана с бессознательными гомосексуальными страхами и желаниями. Они, в свою очередь, порождают ценности нормативного и (в рамках аналитического идеала) близкого к извращению характера. Аналитическая кушетка не должна превращаться в Прокрустово ложе!

Пытаясь выделить истинно психоаналитическую установку в отношениях аналитик-анализант, видимо оправдано утверждать, что аналитик никогда не должен нарочно навязывать пациентам свою систему ценностей, сексуальные предпочтения, политические мнения, или теоретические убеждения своей особой школы психоаналитической мысли. Любая другая установка — *извращение нашей аналитической роли*. Я не могу заявить, что эту особую этику чтут все аналитики; я лишь говорю о таком идеале (как он провозглашался Фрейдом).

Отклонение или правонарушение?

Удивительно, что и аналитики иногда не могут отличить *отклоняющееся* поведение от *правонарушающего* (делинквентного). Эта недостаточность разграничения особенно видна, когда сексуальное отклонение выявляется в ходе анализа. Например, недавно (наряду с другими двумя-тремя аналитиками со всего мира) я получила приглашение сотрудничать с небольшой группой клинических и прикладных аналитиков, чьей миссией была борьба с «извращениями». Лидеры группы завоевали финансовую поддержку и интерес высокопоставленных политических фигур к их цели — запрещению всякой порнографии и эротики в средствах массовой информации, в особенности в кино. Я возразила, сказав, что просмотр порнографических или эротических фильмов вовсе не обязательно является извращением и что не дело аналитиков решать, какие фильмы смотреть или не смотреть взрослым людям; что проект лучше бы осуществлять конкретно тем, кто чувствует, что его это лично касается, а не коллективу, да еще под эгидой психоанализа.

В ответ мне стали объяснять, что эротические фильмы разрушают счастливые браки. В поддержку этого утверждения я получила «историю случая», где женщина, на середине шестого десятка, которая описывала себя как «очень религиозную», жаловалась, что ее всецело гармоничный

брак распался потому, что ее муж стал смотреть порнографические фильмы, в которых половой акт представлялся «во всем своем безобразии». Эти фильмы были ей «отвратительны», и она считала, что именно они виной тому, что муж завел роман с другой женщиной.

Когда я бросила вызов теории, что «всецело гармоничный брак» протяженностью в 30 лет может рухнуть лишь оттого, что один из супругов будет смотреть эротические фильмы, и предположила, что брак, возможно, не был таким уж гармоничным, как заявляла леди, мне представили следующий аргумент в поддержку движения, а именно, что на роли в порнографических фильмах нанимали маленьких детей. Меня шокировало это известие (и равно растревожила мысль, что для такого приема на работу требовалось соучастие родителей), но я снова повторила, что это проблема лежит вне психоанализа — на самом деле, это скандал, требующий вмешательства закона и обеспечения защиты с его стороны для таких детей. Первый аргумент касался области отклонений, которым с аллергической непереносимостью был поставлен диагноз правонарушения; тогда как второй аргумент никак не касался отклонений, попадая полностью в категорию противозаконных действий.

Мне кажется, что путаница такого рода проистекает столько же из бессознательных страхов и желаний, сколько из психологических и правовых убеждений. Когда аналитик (или любой другой человек) заявляет, что та или эта теория, практика или личность «извращенны», он или она, в конечном счете, говорит: «Нечего смотреть на меня, образец нормальности, вы *сюда* гляньте». Извращенец — всегда кто-то другой! Если в нашей аналитической позиции мы не станем интерпретировать наши собственные расщепления и проекции с тем же усердием, которое требуется для анализа расщеплений и проекций пациентов, мы рискуем стать правоучительным, морализирующим и лицемерным сообществом.

Глава 14

По ту сторону психоаналитических сект в поисках новой парадигмы

Я уменьшу свое рвение и признаю, что, возможно, и я тоже гонюсь за иллюзией. Возможно, влияние религиозных запретов на мысль не так уж плохо, как я полагаю.

Зигмунд Фрейд

Вдобавок к исследованию, в какой мере мы испытываем почтение к личным системам ценностей наших пациентов, давайте взглянем на уважение, которое мы проявляем (или не проявляем) друг к другу, на собственном поле. Проповедуя беспристрастность как ценность, которой надо держаться в отношении идеалов и выбора других людей, мы вовсе не прилагаем этот принцип к своим коллегам, когда их теоретическим и клиническим убеждениям случится прийти в противоречие с нашими собственными! Даже понимая, что их теоретическое видение, как и наше собственное, обычно является плодом серьезных клинических исследований и долголетнего опыта, мы склонны отметить его, как ересь. В то же время, к идеям лидеров *своей* школы аналитической мысли мы испытываем квазирелигиозное рвение. Концепции и открытия воспринимаются, скорее, как догматы веры, чем как научные теории; лидеры идеализируются, будто священники и пророки. Фрейд (1927, 1930), по-своему, возглавил крестовый поход против того, что он называл «религиозными иллюзиями» (хотя сам был склонен заменять религиозную веру верой в психоанализ!). Психоаналитическая теория и практика сегодня бесконечно сложнее: сегодня у нас, скорее, секты, чем школы, учения, чем теории. Мы часто не желаем помнить, что теория — это только набор постулатов, *которые никогда не были доказаны* (и которые, возможно, никогда и не удастся доказать). Если бы было иначе, наши концептуальные модели

уже были бы не теориями, а законами. *Не наше ли основное извращение — вера, что у нас в руках ключ от истины?*

Хотя теория суть любой науки, в других профессиях мы не встретимся со столь страстной защитой теорий, как у нас, когда почтенные общества раскалываются надвое, с необычной яростью, которая может продолжаться десятилетиями и ведет к тотальному отказу даже от обсуждения теоретических и клинических различий во мнениях. Как мы могли бы объяснить это явление?

Психоанализ отличается от других наук тем, что очень мало из его теоретических концепций доступно для демонстрации. (В этом отношении наши понятия носят некое сходство с религиозной верой — в поддержку обоих нет достаточных данных.) Но сверх и помимо этого очевидного объяснения мы, возможно, являемся также свидетелями явления *переноса*. Опыт личного анализа и супервизии, как и тесные отношения учитель-ученик, характерные для передачи психоаналитического знания, все отмечены сильными позитивными и негативными переносными аффектами. Если их не признавать, они легко могут быть использованы близким к извращенному способом. Они постоянно вносят вклад в ту ярость, которая обычно сопутствует нашим теоретическим и клиническим расхождениям. Освящение понятий и поклонение (или поругание) их авторам кажется мне последствием неразрешенных уз переноса. Сторонники превращаются в «учеников», которые больше не сомневаются в теоретических моделях и не продолжают собственных творческих исследований. Несомневающаяся преданность таких учеников своим аналитическим школам мышления может не позволить им по-настоящему *услышать* своих пациентов и тем самым помешать поиску дальнейших инсайтов, необходимому, когда пациенты не укладываются в теорию. В определенном смысле кажется, что эти ученики усвоили теоретическую позицию своих вождей без всякой истинной интроекции и идентификации с психоаналитической целью: постоянный поиск истины — своей собственной и своих анализантов.

Другой неприятный аспект психоаналитических сект, что их теоретические верования часто мешают их приверженцам (будь то Хартманныанская, Кляйнианская, Лакановская, Винникоттовская, Салливе-новская, Когутовская или Бионовская группа) получить пользу от открытий друг друга. Вместо этого они направляют все силы на то, чтобы обратить друг друга в свою веру! «Свободные мыслители» этих общин рискуют быть отлученными; интеллектуальный терроризм приобретает

вид религиозного преследования «неверных», которые осмеливаются вопрошать о святой доктрине. В этом отношении их можно сравнить с тем, кто выстроил отклоняющийся сексуальный сценарий, который защищает силой, заявляя, что его сексуальность — истинная и что «другие» просто не хотят это признать.

Теория и наблюдения

Несмотря на опасность извращения аналитической установки через идеализацию аналитических теорий и теоретиков, мы должны обратиться к парадоксальному отношению теории к практике. Очевидно, что теоретические убеждения играют фундаментальную роль во всех областях науки и искусства. Никто не сможет практиковать анализ без солидной теоретической основы; на самом деле, без основы метапсихологии Фрейда было бы невозможно думать психоаналитически. Наблюдение, в какой угодно области, никогда не свободно от теории; оно всегда направлено на доказательство или опровержение некоторых существующих теоретических положений. Нет такой вещи, как «чистое» наблюдение (Рус, 1982, 1986). Такая точка зрения утвердилась за годы творчества Поппера (1959), Куна (1962) и Фейербенда (1975). Тем не менее, именно *наблюдение* в первую очередь мотивирует новые гипотезы; проблема возникает только тогда, когда привязанность к теории мешает дальнейшему наблюдению.

Хотя подтверждение существующей теории — составная часть любой научной дисциплины, примечательно, что убежденные исследователи в любой области склонны находить то, чего они ищут для подтверждения своих теорий. В психоанализе (как и в любой другой науке), мы открываем только то, что позволяют нам выйти на наши теории, пока изменение клинических проблем не заставляет нас усомниться в существующих концепциях. Возможно, когда речь идет об исследованиях, поговорку «поверю, когда увижу», следует читать, как «увижу, когда поверю». Наши самые драгоценные концепции постоянно оказываются самоподтверждающимися. В то же время желание подтвердить существующие концепции следует принять как неизбежную данность, когда предпринимаются такие исследования; оно *не обязательно* извращает или обесценивает открытия, о которых идет речь. (Есть много дорог к клинической истине, и в этом отношении мы похожи на слепцов вокруг слона.)

Таким образом, в подтверждение своих предшествующих теорий аналитики объясняют, что психические изменения и излечение симптомов обязано тому факту, что какая-то часть того, что было бессознательным, стало сознательным... что «где было Оно, стало Я»... что «усилилась автономность эго-функционирования»... что пациент «проработал депрессивную позицию»... что были раскрыты «базисные означающие желания»... что «бета элементы развились в альфа-функционирование»... что «переходное пространство» было создано там, где его раньше не было»... что Собственное Я было освобождено от его «грандиозности и Я-объектов»... (или что «внутренний театр» был восстановлен к удовольствию аналитика и анализанта!). И так далее. Безотносительно системы аналитических объяснений, здесь предложенных, каждое объяснение показывает нам, что *отчет об анализе — всегда повествование двух человек.*

Таким образом, нас не удивляет наблюдение, что пациенты, находящиеся в лечении у аналитиков, придерживающихся широко расходящихся между собой теоретических концепций и клинических подходов, производят важные психические изменения в своем способе функционирования. Было бы дерзостью вообразить, что это наши теории принесли психические изменения и симптоматическое излечение! Тем не менее, нам нужны теории, чтобы привести в порядок хаос мыслительного функционирования и попытаться понять, почему психические изменения вообще должны происходить в результате «лечения разговором». Вдобавок, наши теории помогают нам встретиться с неуверенностью, которая осаждает нас ежедневно в нашей клинической работе, а также предоставляют некоторую защиту против неизбежного чувства одиночества, которое создает клиническая ситуация. Принадлежа к особой школе психоаналитической мысли, мы члены семьи, и потому менее одиноки перед всем тем, что не поддается нашему пониманию, потому что на любой психоаналитической сессии всегда будут элементы, ускользнувшие от нашего внимания. Таким образом, хотя мы не можем работать без наших теорий, в то же время мы должны быть готовы оспорить их, когда к этому склоняют наблюдения.

Я ни принижаю ценность теории, ни сожалею о расхождениях и кажущихся противоречиях, очевидных между различными школами аналитических исследований. Мы все принадлежим к одной семье, в той мере, в какой нас интересует психика и способы ее функционирования или его нарушения. Давайте попытаемся теперь различить более глобальную психоаналитическую позицию, которая, надеюсь, перекроет теоретические различия.

Системы ценностей и психоаналитические парадигмы

В плодотворной книге Томаса Куна (1962) «Структура научных революций» сформулировано понятие «парадигма», которую он определяет, как констелляцию убеждений, техник и ценностей, разделяемых членами данного научного сообщества. Вопрос изменения парадигмы в нашей метапсихологии заслуживает более полного исследования, чем я могу предоставить на данном этапе моих размышлений. Психоаналитические исследования очень даже могут быть переходным периодом, из которого возникнут новые парадигмы. Хотя создатели главных школ психоаналитической мысли привнесли много важных модификаций в основные концепции Фрейда (иногда расширяя его мысль, иногда сужая ее размах), по моему мнению, истинного изменения парадигмы (по определению Куна) психоаналитической теории не было со времени публикации трудов Фрейда.

Однако, если мы коснемся диагностических категорий как части психоаналитической парадигмы, там «сдвиг» мы найдем в том, что психоанализ изначально был построен для изучения и лечения так называемых классических неврозов, а не для пограничных, психотических, психосоматических состояний или состояний наркотической зависимости. Сегодня эти состояния составляют значительную часть рабочей загрузки аналитика. Я оставляю в стороне спор о том, существовали ли невротические состояния, в их классическом определении, в чистом виде (кроме как в уме психоаналитика), как и неадекватный характер их концептуализации, когда их ограничивали фаллически-эдипальным уровнем психической структуры. Сложное единство, которое представляет собой человеческая личность, не может быть замкнуто в одном измерении. В конечном счете очевидно, что постоянно расширяющийся объем психологических проблем, которые пациенты выносят в анализ, заставляет нас пересматривать наши концептуальные рамки и теоретические и клинические модификации, которые они влекут за собой.

Прежде чем оставить эту тему, я бы хотела подчеркнуть следующее. Существовала тенденция говорить об анализантах, страдающих от психосоматической, нарциссической, пограничной, психотической или так называемой перверсной симптоматики, как о «трудных пациентах» (хотя, возможно, более уместно было бы говорить о трудности *взаимодействия* аналитика и анализанта). Мы должны помнить, что психическая

организация, которая порождает невротические симптомы, тоже содержит много загадок и создает нам так же много трудностей в ходе анализа, как и более первичные системы защит. По моему мнению, нет такой вещи, как «легкий психоаналитический пациент»! Тот факт, что бессознательные конфликты и фантазии пациента можно легко понять, еще не значит, что их легко анализировать. Психотический бред часто легко расшифровать, но аналитический процесс от этого не становится легче.

Что гарантирует психическое выживание?

Настало время вернуться к исследованию основной ценности, стоящей за теориями психического функционирования и клинической практики. В голову приходит итоговый силлогизм: если общество хочет надежного общественного выживания, медицина — надежного биологического выживания, не может ли психоанализ объявить своей этикой охрану факторов, которые вносят вклад в *психическое выживание* людей?

Но что такое психическое выживание? Возможно, его можно концептуализировать как способность поддерживать чувство своей идентичности, в личном и сексуальном плане, а также сохранять ощущение нарциссической стабильности, несмотря на то, что на самооценку постоянно влияют изменяющиеся обстоятельства. При таком определении мы все еще рискуем попасть в ловушку собственного бессознательного и его извращающего влияния на наши суждения. Что рассматривать, а что не рассматривать как существенное для психического выживания людей? Как нам судить о психической организации человека, чей способ выживания весьма отличается от нашего или от способа большинства граждан? Оставляя в стороне проблему бессознательных коллизий при составлении таких ценностных суждений, нелегко дать само определение того, что составляет «нормальное психическое здоровье». Как и с физическим здоровьем, всегда проще указать на «ненормальность», чем определить «нормальность», и все же мы не можем исключить этот вопрос.

Концепция «симптома» сама по себе нормативна — «нормально» быть свободным от невротических или психотических симптомов. Перверсные и близкие к ним проявления, уже от одного использования этих терминов, попадают в категорию симптомов. И в то же время все симптомы — это детские попытки вылечить себя перед лицом неизбежной

душевной боли.* У будущего пациента, приходящего для лечения, чтобы избавиться от своих страданий, есть в уме некое парадоксальное требование. Даже если некоторые философии и религии смотрят на жизнь как на юдоль печали, считая страдание нормальным уделом человечества, социальные ценности двух последних столетий говорят прямо противоположное: мы вовсе не «должны» страдать. Следовательно, страдание будущего анализанта бессмысленно, не только потому, что его источник бессознателен, но и общество осуждает его, поскольку «нормально» — не страдать! То, что симптомы являются результатом напряженных усилий выжить психически и, в то же время, быть способным к функционированию во взрослом мире, компрометирует большую часть психической энергии, доступной для сражения с ними. Выраженное желание анализанта избавиться от своих симптомов всего лишь продукт сознательных намерений. Причины, которые изначально сделали конструирование симптома необходимым, возможно, жизненно необходимым, неизвестны анализанту. Их раскрытие — одна из целей лечения, и надо надеяться, это приведет к психическим переменам и изменит что-то в душевных страданиях пациента.

Хотя элементы, которые вносят вклад в психическое выживание данного человека и человечества в целом, не обязательно совпадают, определенную общность можно выделить. Мой собственный взгляд (что психологические симптомы и затруднения, как и сексуальные отклонения, — это всегда попытки самоисцеления перед лицом конфликта и необходимости разрешения проблемы человеческого бытия) приложим и к выбору объекта, и к действиям, которые не считаются симптоматичными, поскольку они приемлемы социально. Наша, например, сублимационная деятельность — тоже попытка вылечиться психологически. Универсальные травмы, перед которыми стоит человеческое дитя, созданы неудобоваримой реальностью: существование других, открытие различия полов и поколений, неизбежность смерти. По общему признанию, некоторые решения в этих конфликтных ситуациях более приемлемы, чем другие. Те, кто ищет помощи в психоанализе, приносят с собой последствия неудачных попыток справиться с универсальными травмами человеческой жизни, в особенности когда их борьба была осложнена бессознательными конфликтами родителей,

* Я не претендую на то, чтобы все аналитики отвели этой концепции главное место в своем собственном ряду психоаналитических ценностей, и я должна принять в расчет ее возможное отклоняющее влияние на мое собственное мышление и практику!

наряду с проблематичными родительскими решениями для тех же самых реалий (МакДугалл, 1982b).

В некоторых случаях непоследовательность и извращения внутри самих обществ (внутренние столкновения, войны, ужасы геноцида) наносят травму людям, вынуждая их к решению о всепоглощающей тревоге и депрессии, от которых родители не могли защитить своих детей. Эротизация — одна из попыток справиться с травматическим страданием. По каким бы то ни было причинам, события, приведшие к потрясению или разрушительной травме, вынудили ребенка тогда привнести смысл в то, что казалось неприемлемым или бессмысленным, чтобы сохранить свое право на существование и наделить значением свой собственный образ и личную жизнь. Этот смысл, созданный таким образом, другие считают патологичным, симптоматичным или извращенным, но это не обесценивает его позитивную цель — влечение к выживанию. Этот непреклонный поиск смысла психологического выживания кажется так же глубоко и неистребимо укорененным в человеке, как инстинктивный порыв к биологическому выживанию. Более того, когда способы психического выживания истощаются или уничтожаются, подвергается опасности и само биологическое выживание: внезапная неудача симптоматических защит может привести к смерти, которая не была запрограммирована биологическими часами индивида, например самоубийство или фатальное психосоматическое «решение». Бессознательная ориентация на перспективу самоисцеления в качестве причины всех психологических симптомов — не только метапсихологическая позиция. Как и любая другая ценность, явно или неявно относящаяся к психоанализу, эта концепция также оставляет свой отпечаток на развитии теории и на способе проведения аналитического лечения. В свою очередь, ее влияние распространяется на диагноз и прогноз, на характер интерпретаций и выбор того, что интерпретировать, а что обойти молчанием. Таким образом, этот теоретический подход к клинической работе следует подвергнуть критике, уже высказанной относительно других теоретических взглядов.

Большинство аналитиков согласится, что их пациенты склонны *охранять* свои прошлые решения, найденные для преодоления психических конфликтов и травм, даже несмотря на страдания, которые они влекут за собой, несмотря на сознательное желание найти другие, менее деструктивные способы реагирования, несмотря на надежду найти творческое удовлетворение, установить более адекватные отношения и жела-

ние получать большее удовольствия от жизни. Аналитик, чья цель *не* «социализовать» или «нормализовать» анализанта, будет сознательно стремиться к тому, чтобы с глубоким уважением относиться к хрупкому симптоматическому равновесию, выстроенному ребенком в горе и тревоге, продолжающем жить в каждом взрослом. Такой подход требует от нас, аналитиков, внимательно исследовать наши невротические бастионы, социальные фасады, перверсные измерения и психотические центры. Если мы принимаем психическое выживание за фундаментальную психоаналитическую ценность, мы также обязаны глубоко прозондировать различные теоретические соотношения: отличие отклонения от правонарушения, сходства и различия между перверсией, творчеством и преступлением; роль, которую играют нарциссическая и психотическая организации в различных «решениях», перечисленных здесь.

Текущие исследования все больше обращаются к сложностям нарциссической экономии и природы психотического мышления. Переплетение неизбежных проблем нашей психосексуальной организации, желаний и фрустраций, из которых складывается неотторжимая часть нормальной взрослой жизни,— трудный вызов сохранению, прежде всего, нашего чувства идентичности. Здесь борьба больше не сосредоточена на конфликтах вокруг «права любить и работать», она перемещается на «право существовать».

Адресуясь к проблемам, возникающим из различия полов и поколений, из кастрационной тревоги и природы эдипальной организации, Фрейд (1937a) заявлял, что «краеугольный камень», с которым нам приходится бороться,— это анатомия. Возможно, наш сегодняшний краеугольный камень включает еще и драму существования другого, что возбуждает связанные с уничтожением тревоги нарциссического или психотического порядка. Эти тревоги можно рассматривать как психотическую форму кастрационной тревоги, связанную с исходно травматичным открытием присутствия своей длительной зависимости от существования и желаний других и неизбежного им подчинения.

Любовь, ненависть и равнодушие

Когда попытка самоисцеления, содержащаяся в построении невротических или сексуально отклоняющихся симптомов, при встрече с этими универсальными травмами оказывается неудачной, человеческая

психика прибегает к более ранним защитным механизмам: расщеплению, патологичным проективным и интроективным идентификациям, отречению и крайней форме психической защиты, которую Фрейд назвал *исключением*. Теперь они должны заменить работу вытеснения и попытаться завершить ее. Независимо от того, к какой организации ближе решение — невротической, перверсной или психотической, — в каждом случае доминирует борьба между любовью и ненавистью. Невротическая и перверсная организации, в общем, ограничивают воздействие этой борьбы расстройством сексуальных и нарциссических желаний взрослого, тогда как психотический исход глобально связан с защитой личного существования и чувства личной идентичности. Психотическая часть личности более сильно отмечена силами ненависти и разрушения; и здесь есть риск, что они обернутся против самой личности.

По ту сторону невротического/перверсного и психотического решений есть третий возможный исход в изнурительной борьбе против аффективного поглощения и психической боли, наступающий, когда происходит столкновение с трудностями в значимых отношениях и достижении нарциссического удовлетворения; а именно, решение о тотальном *равнодушии*. Страсти любви и ненависти, хотя и противоположны друг другу, находятся все же на стороне жизни. Истинная противоположность любви не ненависть, а безразличие. Любовь и ненависть, во всех своих бесконечных формах и бесчисленных взаимопревращениях, которые они порождают (творческая и сублимационная деятельность, невротические, психотические, перверсные и характерологические решения), — все это лишь баррикады, выдвигаемые на пути к окончательной защите: *разрушению аффекта* в сочетании с неизбежной при этом потерей смысла во взаимоотношениях.

Отсутствие либидинозной загрузки собственной психической реальности, как и психической реальности других, ведет к разрушительному симптому, который я назвала «бесчувствием» (МакДугалл, 1984). Состояние бесчувствия, следующее за отсутствием либидинозной загрузки, обесмысливает мир и взаимоотношения. Неосексуальные, невротические и психотические конструкции — это все отчаянные попытки придать жизни смысл. Равнодушие и бесчувствие делают человека неуязвимым для душевных страданий. Такие люди падают жертвой зова того, что Фрейд назвал «принципом нирваны» (1920), и последовательно прекращают какую бы то ни было обработку психического конфликта,

обрезая психические связи (разрушая сообщения и их значение), таким образом соскальзывая к психологическому и, потенциально, биологическому угасанию.*

Хотя в этой точке занавес психического театра может подняться над картиной психотической или суицидальной природы, обычно мы видим, что «опустевшие укрепления» психоза, за которыми пытались выжить тайное Собственное Я, превратились в фальшивые стены, скрывающие истинную пустоту, наступившую в результате уничтожения смысла и разрушения желания. Психотические компромиссы, какой бы крайностью они ни казались, — это все-таки попытки найти решение для душевной боли путем языковых и смысловых нарушений. Напротив, результат решения о бесчувствии — изгнание из психики любого интрапсихического представительства, способного к мобилизации аффекта; следовательно, разрушение самого осознания страдания. Поскольку аффекты — принципиальные передатчики сообщений между телом и сознанием, разрушение многих, возможно, всех психических представительств, сопровождающих аффективное возбуждение, имеет тенденцию заканчиваться радикальным расщеплением психе и сомы. (МакДугалл, 1982b). Регрессируя к довербальному миру ребенка, психе, лишенная словесных представительств, не имеет иной защиты против чрезвычайно динамичных воздействий того, что Фрейд назвал «предметными представительствами». Эта бессознательно изобретенная организация против душевной боли не требует ни осторожного отступления от мира, как это случается при шизофрении, ни обращения к параноидной или депрессивной защите против отношений с другими, ни обращения к отклоняющимся моделям и манипуляциям в качестве способов сохранить некую форму отношений к внутренним и внешним объектам.

Напротив, взаимоотношения с людьми лишаются их либидинозного и нарциссического значения, и тогда пораженная таким образом личность может идти по жизни только с приспособлениями «Фальшивого Я», с помощью которых она стремится найти ключи к существованию, глядя на других и затем реагируя так, как, по ее мнению, требует внешний мир. По всей вероятности, такие личности не будут ни извращенцами, ни психотиками. Это «сверхнормальные» (то есть псевдонормальные) люди, более других уязвимые для наркотических решений, фатальных несчастных случаев и психосоматической смерти.

* Тема более полно развивается в «Театре тела» (МакДугалл, 1989).

В каждом из нас скрывается «нормопатический» потенциал такого рода; при том, что существуют другие способы психологического выживания, опасность противостояния биологическому выживанию уменьшается. Как аналитики мы должны в равной мере осознавать нормопатические аспекты — как свои собственные, так и наших анализантов. Если эти аспекты не прослежены и не стали доступными в анализе, следствием этого может быть или бесконечный анализ, или упомянутые выше исходы. Мы можем даже (несколько извращенно) успокоиться, открыв существование отклоняющихся сексуальных или характерологических образований, в качестве попыток, похожих на детские, победить силы кастрации и смерти; и в целом — это лучше, чем опасность психотических или психосоматических решений.

Как упоминалось в предыдущих главах, серьезная психосоматическая патология, хотя и может привести к смерти, представляет собой парадокс в отношении сил жизни. Способность психе капитулировать перед силами анти-жизни, пусть даже эта капитуляция может закончиться биологической смертью, создана, чтобы служить выживанию! Этот парадокс зовет к дальнейшему исследованию многократно оспариваемой теории Фрейда об «инстинкте смерти». Поддерживает ли психе смертоносные желания, пропитанные только аутоагрессией и ненавистью к себе? И если да, есть ли для таких пациентов другой выход, кроме переориентации ненависти и агрессии на других, как предлагал Фрейд? Надо ли понимать влечение к смерти как глубинное *стремление* к состоянию не-желания и пустоты? Нельзя ли его также понимать как отчаянное желание *жить*? В конце концов, Фрейд заявлял, что деструктивное влечение к смерти само по себе происходит от *либидинозных* влечений, и только когда эти влечения отчуждаются от сил жизни, за этим следует серьезная патология. (Возможно, здесь виден проблеск грядущего сдвига парадигмы.)

Принимая потребность в надежном психическом выживании в качестве нашей фундаментальной ценности, мы обязаны не только повернуться лицом к нашим собственным невротическим, перверсным, психическим и нормопатическим аспектам, но и быть бдительными к опасности того, что чувство тщеты, психической смерти может установиться в нас самих при контакте с бесчувственным миром некоторых из наших пациентов. Чтобы научиться избегать этой психической ловушки, требуется повторное (а иногда насильственное) вторжение в наши собственные контрпереносные установки, если мы хотим сохранить уважение

к личному равновесию каждого, созданному внутренним творческим ребенком в противовес душевной боли (каким бы симптоматичным оно ни казалось). Только так мы можем надеяться освободить желание этого ребенка жить взрослой жизнью так полно, как только возможно, жизнью, в которой любовь, ненависть и страдание больше не страшны и могут наконец исполнять свою глубинную задачу сохранения жизни.

Давайте напомним себе, что мы все психически выжили потому, что наша работа аналитиков позволяет нам подтверждать, и ежедневно, те компромиссы, к которым мы сами пришли, чтобы справиться с нашими прошлыми психическими травмами. На самом деле, часто эти самые травмы породили наше призвание стать аналитиками и пробудили любопытство к загадочной работе сознания. (С этой точки зрения кажется весьма вероятным, что и к большому уму нужно относиться, как к симптому!) В свою очередь, наши пациенты помогают нам сохранять и углублять наши инсайты в наших же психологических проблемах. Таким образом, с каждым анализом и с каждым анализантом мы продвигаемся в собственном анализе и вновь открываем сам психоанализ.

ЛИТЕРАТУРА

Aulagnier, P. (1975). *La violence de l'interprétation. (Насилие интерпретации.)* Paris: Presses Universitaires de France.

Aulagnier, P. (1979). *Les destins du plaisir. (Судьба удовольствия.)* Paris: Presses Universitaires de France.

Anzieu, D. (1985). *Le Moi-peau. (Я-кожа)* Paris: Dunod.

Anzieu, D. (1986). *Une peau pour les pensués. (Кожа, чтобы думать.)* Paris: Clancier-Gueneau.

Barande, I., Barande, R., McDougall, J., de M'Uzan, M., David, C., Major, R., & Stewart, S. (1972). *La sexualité perverse. (Извращенная сексуальность.)* Paris: Payot.

Benjamin, H. (1953). Transvestism and transsexualism. (Трансвестизм и транссексуализм.) *International Journal of Sexology*, 7, 1.

Bion, W. (1956). The development of schizophrenic thought. (Развитие шизофренической мысли.) In *Second thoughts*. London: Heinemann, 1967.

Bion, W. (1962). A theory of thinking. (Теория мышления.) In *Second thoughts*. London: Heinemann, 1967.

Bion, W. (1963). *Elements of psychoanalysis. (Элементы психоанализа.)* London: Heinemann.

Bion, W. (1965). *Transformations. (Преображения.)* London: Heinemann.

Bion, W. (1967). *Second thoughts. (Вторые мысли.)* London: Heinemann.

Bion, W. (1970). *Attention and interpretation. (Внимание и интерпретация.)* London: Heinemann.

Bollas, C. (1989). *Forces of destiny: Psychoanalysis and the human idiom. (Силы судьбы: психоанализ и человеческая идиома.)* London: Free Association Books.

Burch, B. (1989). *Unconscious bonding in lesbian relationships: The road not taken. (Бессознательная связь в лесбийских отношениях: непреодоленный путь.)* Неопубликованная докторская диссертация, Institute for Clinical Social Work, New York.

Federation of Feminist Women's Health Centers (1981). *A new view of a woman's body. (Новый взгляд на женское тело.)* New York: Simon & Schuster.

Feyerabend, P. (1975). *Beyond method. (По ту сторону метода.)* (3rd impression, 1980). London: Verso.

Frame, J. (1988). *The Carpathians. (Жители Карпат.)* London: Bloomsbury Publishing.

Freud, S. (1905). Three essays on the theory of sexuality. (Три очерка по теории сексуальности.) In J. Strachey (Ed. & Trans.), *The standard edition of the complete psychological works of Sigmund Freud* (hereafter SE), vol. 7. New York: Norton, 1953.

Freud, S. (1908). Creative writers and daydreaming. (Художник и фантазирование.) SE, vol. 9. New York: Norton, 1959.

Freud, S. (1909). Analysis of a phobia in a five-year-old boy. (Анализ фобии пятилетнего мальчика.) SE, vol. 10. New York: Norton, 1958.

Freud, S. (1912). Types of onset of neurosis. (Типы начала невротических заболеваний.) SE, vol. 12. New York: Norton, 1958.

Freud, S. (1913). The disposition to obsessional neurosis. (Предрасположенность к невроту навязчивости.) SE, vol. 12. New York: Norton, 1958.

Freud, S. (1915a). The unconscious. (Бессознательное.) SE, vol. 14. New York: Norton, 1957.

Freud, S. (1915b). Instincts and their vicissitudes. (Инстинкты и их превратности.) SE, vol. 14. New York: Norton, 1957.

Freud, S. (1915c). Repression. (Вытеснение.) SE, vol. 14. New York: Norton, 1957.

Freud, S. (1919). A child is being beaten. (Ребенок, которого бьют.) SE, vol. 17. New York: Norton, 1961.

Freud, S. (1922). Some neurotic mechanisms in jealousy, paranoia and homosexuality. (Некоторые невротические механизмы ревности, паранойи и гомосексуальности.) SE, vol. 18. New York: Norton, 1955.

Freud, S. (1923). Remarks on the theory and practice of dream interpretation. (Заметки к теории и практике толкования сновидений.) SE, vol. 19. New York: Norton, 1961.

Freud, S. (1927). The future of an illusion. (Будущее одной иллюзии.) SE, vol. 21. New York: Norton, 1961.

Freud, S. (1930). Civilisation and its discontents. (Недовольство культурой.) SE, vol. 21. New York: Norton, 1961.

Freud, S. (1931). Female sexuality. (Женская сексуальность.) SE, vol. 2, pp. 225—243. New York: Norton, 1961.

Freud, S. (1933a). Femininity. (Женственность.) SE, vol. 22. New York: Norton, 1964.

Freud, S. (1933b). The question of a Weltanschauung. (К вопросу о мировоззрении.) SE, vol. 22. New York: Norton, 1961.

Freud, S. (1933). Revision of the theory of dreams in New introductory lectures on psycho-analysis. (Пересмотр теории сновидений в Новых лекциях по введению в психоанализ.) SE, vol. 22. New York: Norton, 1964.

Freud, S. (1937a). Analysis terminable and interminable. (Анализ законченный и незаконченный.) SE, vol. 23. New York: Norton, 1964.

Freud, S. (1937b). Constructions in psychoanalysis. (Конструкции в психоанализе.) SE, vol. 23. New York: Norton, 1964.

Harding, E. (1971). *Woman's mysteries: Ancient and modern.* (Загадки женщины: древность и современность.) New York: Harper & Row.

Hooker, E. (1972). *Homosexuality.* (Гомосексуальность.) Department of Health, Education and Welfare (Pub.No.HSM) 72—9116, pp. 11—22. Washington, DC: GPO.

Horney, K. (1924). On the genesis of the castration complex in women. (О происхождении комплекса кастрации у женщин.) *Feminine psychology.* New York: Norton, 1966.

Horney, K. (1926). The flight from womanhood. (Бегство от женственности.) *International Journal of Psychoanalysis*, 7.

Isay, R. (1985). Homosexuality in homosexual and heterosexual men. (Гомосексуальность у гомосексуальных и гетеросексуальных мужчин.) In G.Fogel, F.Lane, & R.Liebert (Eds.), *The psychology of men.* New York: Basic Books.

Isay, R. (1989). *Being homosexual.* (Быть гомосексуалом.) New York: Farrar, Straus & Giroux.

Kahnert, V. (1992). *The function of the destructive instinct in painting.* (Функция деструктивного инстинкта в живописи.) Рукопись, готовящаяся к публикации.

Kaplan, L. (1989). *Female perversions.* (Извращения у женщин.) New York: Aronson.

Kavaler-Adler, S. (1993). *The compulsion to create, a psychoanalytic study of women artists.* (Вынужденные творить, психоаналитическое исследование женщин-Художников.) London: Karnac Books.

Kernberg, O. (1976). *Object relations theory and clinical psychoanalysis.* (Теория объектных отношений и клинический психоанализ.) New York: Aronson.

Kernberg, O. (1980). *Internal world and external reality.* (Внутренний мир и внешняя реальность.) New York: Aronson.

Kestenberg, J. (1968). Outside and inside, male and female. (Наружное и внутреннее, мужское и женское.) *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 16, 457—520.

Klein, M. (1945). The Oedipus Complex in the light of early anxieties. (Эдипов комплекс в свете ранних страхов.) *International Journal of Psychoanalysis*, 26.

Klein, M. (1957). Envy and gratitude. (Зависть и благодарность.) In *The Writings of Melanie Klein*, Vol.III. London: Hogarth Press & The Institute of Psychoanalysis, 1975.

Krystal, H. (1978). Self-representation and the capacity for self-care. (Психическое представление о самом себе и способность к заботе о себе.) *Annual of Psychoanalysis*, 6. New York: International University Press.

Kuhn, T. (1962). The structure of scientific revolutions. (Структура научных революций.) *International Encyclopedia of Unified Sciences*, 2, 2.

Lawrence, D.H. (1989). Posthumous poem in *The heart of man.* (Посмертное стихотворение в Душе человека.) London: Bloomsbury Publishing Co.

Leavy, S. (1985). Male homosexuality reconsidered. (Пересмотренный взгляд на мужскую гомосексуальность.) *International Journal of Psychoanalytic Psychotherapy*, 22, 116—124.

Lefevre, P. (1989). The Faustian bargain. (Сделка Фауста.) Неопубликованная работа, переданная Монреальскому Психоаналитическому Обществу (Канада).

Lichtenstein, H. (1961). Identity and sexuality. (Идентичность и сексуальность.) *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 9, 179—261.

Limentani, A. (1977). The differential diagnosis of homosexuality. (Дифференциальная диагностика гомосексуальности.) *British Journal of Medical Psychology*, 50, 209—216.

Limentani, A. (1984). Toward a unified conception of the origins of sexual and social deviancy in young persons. (К единой концепции истоков сексуальной и социальной девиации у молодежи.) *International Journal of Psycho-analytic Psychotherapy*, 10, 383—401.

Limentani, A. (1989). The significance of transsexualism in relation to some basic psychoanalytic concepts. (Значение транссексуализма с точки зрения некоторых основных психоаналитических концепций.) In *Between Freud and Klein* (pp. 133—154). London: Free Association Books.

Mahler, M. (1968). *On human symbiosis and the vicissitudes of individuation*. (О человеческом симбиозе и превратностях индивидуации.) vol.1. New York: International University Press.

Mauriac, F. (1950). *La vie de Racine*. (Жизнь Расина.) Paris: Gallimard.

McDougall, J., & Lebovici, S. (1960). *Un cas de psychose infantile*. (Случай детского психоза.) Paris: Presses Universitaires de France.

McDougall, J., & Lebovici, S. (1969). *Dialogue with Sammy*. (Разговор с Сэмми.) London: Hogarth Press. (revised edition, London: Free Association Books, 1989).

McDougall, J. (1964). Homosexuality in women. (Гомосексуальность у женщин.) In J.Chasseguet-Smirgel (Ed.), *Female sexuality: New psychoanalytic views*. Ann Arbor: Michigan University Press, 1970.

McDougall, J. (1978a). *Plea for a measure of abnormality*. (Просьба извинить «ненормальных».) New York: International Universities Press. (revised edition, New York: Brunner/Mazel, 1992).

McDougall, J. (1978b). The homosexual dilemma. (Дилемма гомосексуальности.) In I.Rosen (Ed.), *Sexual deviation*. Oxford: Oxford University Press.

McDougall, J. (1982). *Théâtres du Je*. (Театры «Я».) Paris: Gallimard.

McDougall, J. (1984). The disaffected patient: Reflections on affect pathology. (Неаффективный пациент: размышления по поводу патологии аффекта.) *Psychoanalytic Quarterly*, 53.

McDougall, J. (1985a). *Theaters of the mind: Illusion and truth on the psychoanalytic stage*. (Театры ума: иллюзия и правда о психоаналитической сцене.) New York: Basic Books. (revised edition, New York: Brunner/Mazel, 1990).

McDougall, J. (1985b). Parent loss. (Утрата родителя.) In C. Rothstein (Ed.), *Trauma and reconstruction*. New York: International Universities Press.

McDougall, J. (1986a). Eve's reflection: On the homosexual components of female sexuality. (Размышления Евы: о гомосексуальных составляющих женской сексуальности.) In H. Meyers (Ed.), *Between analyst and patient*. New York: Analytic Press.

McDougall, J. (1986b). Identifications, neoneeds and neosexualities. (Идентификации, неопотребности и неосексуальности.) *International Journal of Psychoanalysis*, 67.

McDougall, J. (1986c). Un corps pour deux. (Тело на двоих.) In *Corps et histoire*. Paris: Les Belles Lettres.

McDougall, J. (1988). Perversions and deviations in the psychoanalytic attitude: Their effect on theory and practice. (Психоаналитическая установка по отношению к перверсиям и девиациям: ее воздействие на теорию и практику.) In *The perverse and near perverse in psychoanalytic practice*. New Haven, CT: Yale University Press.

McDougall, J. (1989). *Theaters of the body*. (Театры тела.) New York: Norton.

Morgan, C. (1991, February 7). *Dreams in the fetus and the newborn*. (Сновидения плода и новорожденного.) Работа, представленная в Лос-Анжелесский Институт и Общество Психоаналитических Исследований.

Ogden, T. (1986). *The matrix of the mind: Object relations and the psychoanalytic dialogue*. (Матрица сознания: объектные отношения и психоаналитический диалог.) Northvale, NJ: Aronson.

Ogden, T. (1989a). *The primitive edge of experience*. (Первичная граница переживания.) Northvale, NJ: Aronson.

Ogden, T. (1989b). On the concept of an autistic-contiguous position. (К концепции аутично-близкой позиции.) *International Journal of Psychoanalysis*, 70.

Ogden, T. (1994). *Subjects of analysis*. (Субъекты анализа.) Northvale, NJ: Aronson.

Ovesey, L., & Person, E. (1973). Gender identity and sexual psychopathology in men; a psychodynamic analysis of homosexuality, transsexualism and transvestism. (Родовая идентичность и сексуальная психопатология у мужчин; психодинамический анализ гомосексуальности, транссексуализма и трансвестизма.) *Journal of the American Academy of Psychoanalysis*, 1, 53—72.

Ovesey, L., & Person, E. (1974). The transsexual syndrome in males: Secondary transsexualism. (Транссексуальный синдром у мужчин: вторичный транссексуализм.) *American Journal of Psychotherapy*, 28, 1.

Person, E. (1983). The influence of values in psychoanalysis: The case of female psychology. (Влияние системы ценностей на психоанализ: случай «женской психологии».) *Psychiatry Update*, 36—50.

Pontalis, J-B. (1980). *Loin*. (Далеко.) Paris: Gallimard.

Pontalis, J-B. (1990). *L'inquiétude des mots*. (Тревога слов.) In *La force d'attraction*. Paris: Seuil.

Popper, K. (1959). *The logic of scientific discovery*. (Логика научного открытия.) London: Heinemann.

Richardson, D. (1984). The dilemma of essentiality in homosexual theory. (Дилемма сущности в теории гомосексуальности.) *Journal of Homosexuality*, 9 (2/3), 79—90.

Rodman, G. (1987). *The spontaneous gesture: Selected letters of D.W. Winnicott*. (Спонтанный жест: избранные письма Д.В. Винникотта.) Harvard: Harvard University Press.

Roheim, G. (1950). *Psychanalyse et anthropologie*. (Психоанализ и антропология.) Paris: Gallimard.

Roheim, G. (1953). *Les Portes du rêve*. (Двери сновидения.) Paris: Gallimard.

Roiphe, H. & Galenson, E. (1981). *Infantile origins of sexual identity*. (Инфантильные истоки сексуальной идентичности.) New York: International Universities Press.

Roos, E. (1982). Psychoanalysis and the growth of knowledge. (Психоанализ и развитие знаний.) *Scandinavian Psychoanalytic Review*, 5, 183—199.

Roos, E. (1986). The part analysis plays in psychoanalysis: An historical perspective. (Место анализа в психоанализе: историческая перспектива.) *Scandinavian Psychoanalytic Review*, 9: 31—55.

Rothstein, A. et al. (1986). *The reconstruction of trauma*. (Воссоздание травмы.) New York: International Universities Press.

Sachs, O. (1985). *Migraine: Understanding a common disorder*. (Мигрень: понимание распространенного расстройства.) Los Angeles: University of California Press.

Schneider, M. (1980). *Freud et le plaisir*. (Фрейд и удовольствие.) Paris: Denoel.

Seccarrelli, P. (1989). *Inquilino no proprio corpo*. (Жилец неподходящего ему тела.) Colloquium presentation in Belo Horizonte, Brazil.

Seccarrelli, P. (1994). *La formation du sentiment d'identité chez le transsexuel*. (Формирование чувства идентичности у транссексуалов.) Неопубликованная докторская диссертация, University of Paris.

Segal, H. (1957). Notes on symbol formation. (Заметки о формировании символа.) *International Journal of Psychoanalysis*, 38.

Simon, W., & Gagnon, J. (1967). The lesbians: A preliminary overview. (Лесбиянки: предварительный обзор.) In W.Simon & J.Gagnon (Eds.), *Sexual deviance*. New York: Harper & Row.

Socarides, C. (1968). *The overt homosexual*. (Явная гомосексуальность.) New York: Grune & Stratton.

Socarides, C. (1978). *Homosexuality*. (Гомосексуальность.) New York: Aronson.

Stern, D. (1985). *The interpersonal world of the infant*. (Межличностный мир младенца.) New York: Basic Books.

Stoller, R. (1968). *Sex and gender*. (Пол и род.) New York: Aronson.

Stoller, R. (1975). *The transsexual experiment*. (Транссексуальный эксперимент.) London: Hogarth Press.

Stoller, R. (1976). *Perversion: The erotic form of hatred*. (Перверсия: эротическая форма ненависти.) New York: Aronson.

Stoller, R. (1988). In: *The perverse and near perverse in psychoanalytic practice*. (Перверсии и состояния, близкие к перверсии, в психоаналитической практике.) New Haven: Yale University Press.

Stoller, R. (1991). *Pain and passion*. (Боль и страсть.) New York: Plenum.

Stoller, R. (1992). *Observing the erotic imagination*. (Наблюдения над эротическим воображением.) New Haven: Yale University Press.

Wellson, E. (1989). *Mother, madonna, whore*. (Мать, мадонна, блудница.) London: Heinemann.

Winnicott, D.W. (1951). Transitional objects and transitional phenomena. (Переходные объекты и переходные феномены.) In: *Playing and reality*. New York: Basic Books, 1971.

Winnicott, D.W. (1960). Ego distortion in terms of true and false self. (Искажение Эго в терминах истинного и ложного «Я».) In: *The maturational processes and the facilitating environment*. New York: International Universities Press, 1965.

Winnicott, D.W. (1971). Playing: A theoretical statement. (Игра: теоретические положения.) In: *Playing and reality*. New York: Basic Books, 1971.

Winnicott, D.W. (1990). On the split-off male and female elements. (О расщеплении мужских и женских элементов.) In: *Psychoanalytic explorations*. Cambridge: Harvard University Press, 1989.

Wrye, H., & Welles, J. (1993). *The narration of desire: Erotic transferences and countertransferences*. (Повествование желания: эротические переносы и контрпереносы.) New York: Analytic Press.

«Автор преступления», 119
 агорафобия, 39—40
 Айси, Ричард, 56, 191, 248
 Аллен, Вуди, 241н
 аллергии, 154—161
 анаклитическая активность, сексуальность как, 202—203
 анальное удерживание, 128—130
 анатомическая судьба, 27—30
 Анзье, Дидье, 180
 архаическая сексуальность:
 истерия при, 143—145, 185—187
 соматизация при, 140—143
 астма, 22, 146—149
 «аутично-близкая» позиция, 181

Баранд, Л., 236
 безымянный ужас, 181
 Бенджамин, Гарри, 61
 Бион, В., 119, 160, 167, 168, 181, 230, 243, 244
 бисексуальная идентификация:
 в младенчестве, 80
 в отношениях мать-дита, 97—104
 и родительское соперничество, 104—105
 невыполненные желания, 16—17
 неопределенная, 128—130
 психический, 13—14
 см. также творчество
 с родителями, 109—114
 у взрослых женщин, 36—38

Боллас, Кристофер, 140
 «Боль и страсть» (Столлер), 65
 «Большая жратва», 107
 Булонский лес, 195
 Бурх, Б., 56, 61, 199

ван Гог, Винсент *см.* Гог, Винсент ван
 вербальный садистический эротизм, 182—185
 видения, при невротизации, 184—185
 Винникотт, Д.В., 73, 74, 125, 196, 205
 «внутренние матери», в женской психике, 35
 Врай, Х., 53, 149н
 выбор объекта:
 при наркотической привычке, 208—209
 при перверсии, 199
 выживание, психическое, 256—259
 вызывающее поведение, при наркотической привычке, 207—208
 вынуждение повторения, 141
 «Вынужденные творить», (Кавалер-Адлер), 76
 вытеснение, довербальные означающие при, 180

Галенсон, Е., 11
 Ганьон, Ж., 56
 гетеросексуальное либидо, 14
 Гог, Винсент ван, 76
 гомосексуальность, женская, *см.* лесбиянство

- «Гомосексуальность у женщин»,
(МакДугалл), 61
Гроддек, Георг, 115
- Дали, Сальвадор, 229
детство, бисексуальные желания, 80
довербальные означающие, при вы-
теснении, 180
догенитальная стадия:
сексуальность, 79—80, 145—150
эротизм, 81—82, 146—149
дополнительность, фекальная, 71—72
дружба, однополая, 37—38
душевное здоровье, Фрейд о, 240—241
- желания, бисексуальные, 16—17
женская гомосексуальность, см. лес-
биянство
«Женские перверсии» (Каплан), 65
«Женская сексуальность» (Фрейд), 26
женский транссексуализм, 61—66
«Женственность» (Фрейд), 26
«Жизнь Расина» (Мориак), 140
- зависть к пенису, 27—30
закон, сексуальное отклонение и,
245—249
запахи, 154—161
- идентификация, проективная, 167—168
см. также бисексуальная иденти-
фикация
идентичность, родовая, 176, 212—220
инверсия, перверзия или, 194
индивидуальность, в сексуальной иден-
тичности, 176
инкорпорация, в отношениях мать—
младенец, 200
инстинкт смерти, 262
интроекция, в отношениях мать-мла-
денец, 200
исключение, как психическая защита,
260
- истерия, архаическая, 143—145,
185—187
- Кавалер-Адлер, С., 76
Канерт, В., 76
каннибальская любовь, 20—21
Каплан, Л., 65
кастрационная тревога, 136, 166—167
Кестенберг, Джудит, 29
клаустрофобия, 39—40
клинические случаи:
Бенедикта, 58, 90—136
Джейсон, 210—234
Доктор К., 67—68
Жан-Поль, 19—20, 142—143, 162—
173, 182—185
Жоржетта, 20—21, 149, 155—161
Исаак, 21, 149, 151
Карен, 58, 123—124
Кейт, 67, 69, 71—72
Кристина, 85—89
Луиза, 21—22, 67, 142—143, 146—
150
Мари-Жозе, 39—52
Мари-Мадлен, 69—71, 72
Марион, 22
Нэнси, 22, 149—152
Пол, 149
Пьер, 142—143
Сэмми, 204
Софи, 60, 62
Тамара, 83—84
Тим, 144—146, 152
Клодель, Поль Луи Шарль, 76
Кляйн, Мелани, 28, 75, 183, 201
«кожное Я» см. также собственная
кожа, 154—173, 180
контрпереносные сновидения, 46—52
Кристал, Х., 206
Кун, Томас, 253, 255
- Лакан, о языке, 27, 130, 178—179
Лебовичи, С., 204

- Леонардо да Винчи, 241
- лесбиянство:
- анатомическая судьба при, 27—30
 - либидо при, 14, 84—85
 - мастурбация и, 30—32
 - мать-дитя, 32—34
 - определенное как, 56—57
 - пары, практикующие, 57—61
 - первичное, 14—17, 34—36
 - правовые аспекты, 247
 - симптомы, 54—56
 - фаллоцентризм при, 63
- Лефебр, Поль, 143
- либидо, 14, 85
- Ливи, С., 191, 248
- Лиментани, А., 61, 62, 191, 248
- Линч, Джеймс, 154
- Лихтенштейн, Х., 12
- Лоуренс, Д.Г., 10
- любовь:
- каннибальская, 20—21
 - респираторная, 21—22
 - удушающая, 19—20
 - урофилическая, 22
- Майер, Руфь, 89н
- МакДугалл, Джойс, 21, 58, 61, 143, 145, 149, 155, 162, 177, 181, 190, 204, 206, 235, 242, 258, 260, 261
- Малер, М., 216
- мастурбация:
- извращенная, 65—68
 - клинические случаи, 212, 221—233
 - при лесбиянстве, 30—32
- материнские чувства, при гомосексуальных устремлениях, 37
- Матисс, Анри, 75—76
- матрица психика-тело, *см.* матрица тело-психика
- матрица тело-психика:
- в младенчестве, 177—188
 - интегрированный образ, 187—188
 - язык и, 178—181
- Мориак, Ф., 140
- Моцарт, Вольфганг Амадей, 76
- Мусоргский, Модест Петрович, 76
- наблюдение, в психоанализе, 253—255
- навязчивость:
- в паттернах поведения, 141
 - при наркотической привычке, 209—213
- наркотическая привычка:
- выбор объекта в, 208—209
 - вызывающее поведение и, 207—208
 - истоки, 205—206
- навязчивость и, 209—212
- определенная как, 203—205
 - цели лечения при, 206—207
- нарушение запретов, творчество и, 124—128
- невротизация, 185—186
- невротическая тревога, 206
- неопотребности, 203, 206—207
- неосексуальность, *см.* перверсия
- «Новые вступительные лекции» (Фрейд), 240
- «Новый взгляд на тело женщины», Антология, 33
- Ногучи, Исаму, 88
- обонятельное Я *см. также* собственный запах, в отношениях мать-ребенок, 180
- Овисы, Л., 61
- Огден, Т., 181
- «Огни большого города» (Чаплин), 131
- однополая дружба, в гомосексуальных устремлениях, 37—38
- означающие, довербальные, 180
- Оланье, П., 103, 160
- отец:
- как доэдипальный соперник, 104—105
 - смерть отца, 105—109

- отклонение, см. перверсия
отношения ребенок-мать, см. отношения мать-ребенок
отношения мать-ребенок:
 гомоэротические привязанности в, 30—32, 146—150
 младенец в, 177—178
 паттерны наркотической привычки в, 205—206
 психические представления пациентов, 97—104
- Парижское Психоаналитическое Общество, 247
- пары:
 лесбийская, 58—61
 с общим отклонением, 69—72
 педофилия, 195—196
 пенис, 27—28, 200
 перверсия:
 выбор объекта при, 199
 закон и, 246—250
 инверсия или, 194
 клинический случай, 210—220
 логическое обоснование, 193—194
 мастурбация как, 65—68
 определенная, 64, 191—193
 правонарушение или, 250—251
 психоанализ и, 244—250
 разделенная, 68—72
 сублимация и, 194—196
 фантазии при, 196—197
 этиология, 199—201
- первичная гомосексуальность, 14—17, 34—36
- первичное творчество, 74
- первичные сцены, 17—19, 80—81
- «переходное пространство переживания», 74
- переходные феномены, 125—126, 196
- Персон, Этель, 62, 237—238
- Пикассо, Пабло, 76
- Понталис, Ж.—Б., 179, 205
- Поппер, К., 253
- правонарушение, отклонение или, 250—251
- «предметные представления», 160, 261
- предназначение:
 анатомическое, 27
- психоаналитическая интерпретация, 140—141
- примитивная сексуальность, 18—19, 82—89, 149—150
- Принцип нирваны, 260—261
- проективная идентификация, 167—168
- протосимволические значения, в фантазиях, 168
- протозык, 174—176, 188
- «псевдо-нормальность», 181
- психическая бисексуальность, 13—14
- психическое выживание, 256—259
- психоанализ:
 отклонение и, 244—251
 теория, 253—255
 см. также клинические случаи
- цели и ценности, 238—244, 255—256
- психоз, 152—153
- психосоматические симптомы:
 видения, 185—186
 в конфликте участь-предназначение, 141—143
 в отношениях мать-ребенок, 176—178
 в психоанализе, 135
 клинический случай, 161—173
 садистский эротизм как, 182—185
 см. также соматизация
- язык тела, 178—181
- публика, в творчестве, 178—179
- «Пурпурная роза Каира», 241n
- равнодушие как психическая защита, 260

- реальность, Фрейд о, 243
 регрессия, психосоматическая, 168—169
 респираторная любовь, 21—22
 Ричардсон, Д., 56
 род, сердцевина, 11
 родовая идентичность, 176, 212—220
 Руаф, Х., 11
 Рубенс, Питер Пауль, 75
 Рус, Э., 253
- садистский эротизм, вербальный, 182—184
 Саймон, В., 56
 Сакс, О., 188
 «Сделка Фауста» (Лефевр), 143
 Секкарелли, Пауло, 61—63
 сексуальность:
 архаичная, 10
 истерия при, 143—145, 186—188
 соматизация при, 140—143
 беспорядочная идентичность, 212—220
 догенитальная, 79—89, 145—150
 запахи, 154—161
 примитивная, 18—19, 82—89
 см. также бисексуальность; лесбиянство; перверсия
 сердцевина рода, 11
 «сердцевина Собственного Я», 139
 Сигал, Ханна, 83, 84, 159—160
 сильная тревога, 206—207
 «Символические эквиваленты» (Сигал), 83, 84, 159—160
 символы, в сексуальных отношениях, 27—28
 скульптура, эрогенная, 85—89
 сновидения, 42—52
см. также психоанализ
 Сокаридес, К., 191
 соматизация:
 в матрице тело-психика, 177—178
 протоязык, 174—176
 травматичная, 135
 см. также психосоматические симптомы
 средство выражения, в творчестве, 78
 Столлер, Роберт, 11, 61, 62, 65, 66, 190, 242
 страхи, 39—40, 181
 «Структура научных революций», (Кун), 255
 сублимация, при сексуальной перверсии, 194—196
- «тайный календарь», 143
 творчество:
 в гомосексуальных устремлениях, 37
 мифы и факты о, 74—77
 нарушение запретов и, 124—128
 примитивная сексуальность и, 82—89
 эрогенная скульптура, 84—89
 эротические источники, 77—79
 см. также бисексуальная идентификация
 «Театр души» (МакДугалл), 124—125
Театр тела (МакДугалл), 261н
 «Теоретические основы игры» (Винникотт), 74
 теория, в психоанализе, 253—255
 «Типы начала невроза» (Фрейд), 240
 торможение, в творчестве, 136
 травма, 135—136
 транссексуализм, женский, 61—66
 тревога:
 кастрация и, 136, 166—167
 наркотическое решение, 206—207
 об отделении, 165—166
 причина фобий и, 41—42
 фаллически-эдипальная, 217—218
 «Три очерка» (Фрейд), 243
 Тулуз-Лотрек, Анри Мари, 76
 удерживание, анальное, 128—130
 удушающая любовь, 19—20

- ужас, безымянный, 181
см. также страхи
ужас, эротизация, 231—234
уринация:
 секс и, 68—70
 частота, 40—41
урофилическая любовь, 22
участь, психоаналитическая интерпретация, 219—222
Уэлдон, Эстела, 64, 65
Уэллс, Дж., 53, 149н
- фаллос, 27—28, 200
фаллоцентризм, при сексуальном извращении, 63
фалло-эдипальная тревога, 217—218
фантазии:
 «извращенные», 196—197
 о первичной сцене, 81—82
фантазии о бесплодии, в творчестве, 136
Фейерабенд, П., 253
фекальная дополнительность, 70—72
Федерация феминистских женских центров здоровья, 33
фетишизм, 195—196
физическая травма, 136
фобии, 39—40
Фрайм, Жанет, 138
Фрейд, Зигмунд, 11—12, 18, 25, 26, 33, 34, 63—66, 73—74, 141, 152, 160, 179—180, 187, 189, 194—199, 235—243, 251—262
- Хардинг, Эстер, 25
Хемингуэй, Эрнест, 99
Хорни, Карен, 28
Хукер, Э., 56
- Чаплин, Чарльз, 131
Чехов, Антон Павлович, 76
- Шнайдер, Моника, 242
Штерн, Даниил, 139
- Эврипид, 76
эго-дистоничный эротизм, 192
эго-синтоничный эротизм, 192
Эдисон, Томас, 76
эксгибиционизм, 66—68, 195—196
эрогенная скульптура, 85—89
эротизм:
 в гомосексуальных устремлениях, 34—36
 в творчестве, 77—79
прегенитальный, 81—83, 146—149
примитивный, 149—150
садистский, 182—185
ужаса, 231—233
Эго и, 192
- Я:
 выживание, 224—231
 образ, в гомосексуальных устремлениях, 34
 явление переноса, 252

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия	7
Пролог. Загадка сексуальности: вечный поиск разгадки	10
 Часть I. ЖЕНСТВЕННОСТЬ И СЕКСУАЛЬНОСТЬ	
Глава 1. Гомосексуальные компоненты женской сексуальности	25
Глава 2. Две женщины: аналитик и пациентка	39
Глава 3. Сексуальность женщин: темы и вариации	53
 Часть II. СЕКСУАЛЬНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО	
Глава 4. Сексуальность и творческий процесс	73
Глава 5. Творчество и бисексуальные идентификации	90
Глава 6. Травма и творчество	115
 Часть III. ПОЛ И ТЕЛО	
Глава 7. Архаичная сексуальность и психосоматика	138
Глава 8. Собственный запах и собственная кожа	154
Глава 9. От молчания тела к слову псюхе	174
 Часть IV. ОТКЛОНЕНИЯ ЖЕЛАНИЯ	
Глава 10. Неосексуальные решения	190
Глава 11. Неопотребности и наркотические формы сексуальности	202
Глава 12. Сексуальное отклонение и психическое выживание	221
 Часть V. ПСИХОАНАЛИЗ НА КУШЕТКЕ	
Глава 13. Отклонения психоаналитической установки	235
Глава 14. По ту сторону психоаналитических сект в поисках новой парадигмы	251
Литература	264
Индекс	271

Джойс МакДугалл

ТЫСЯЧЕЛИКИЙ ЭРОС
Психоаналитическое исследование
человеческой сексуальности

Перевод с английского Е. И. Замфир
Научная и литературная редакция
профессора М. М. Решетникова

Корректор *Н. Н. Скосырева*
Компьютерная верстка *Е. С. Хабадзе*

Издание подготовлено ТОО «Б.С.К.»

Лицензия ЛР № 063995, выдана 01.03.95

Подписано в печать 02.03 99 Формат 60×84 1/16 Печать офсетная Печ л 17,5
Тираж 1000 экз. Зак. № 55.

Отпечатано в типографии издательско-полиграфической фирмы «Б.С.К.»
199053, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 26

ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКИЙ ИНСТИТУТ ПСИХОАНАЛИЗА

197198, Санкт-Петербург, Большой пр., П. С., дом 18, лит. А.
Тел.: учебный отдел — (812) 235-11-39; (812) 235-28-57 (факс).
E-mail: in-psa-rus@infopro.spb.su

Государственная лицензия Министерства общего и профессионального образования РФ № 16—111 от 16 мая 1997 года

Институт Психоанализа учрежден в 1991 году и является единственным высшим учебным заведением подобного профиля в России.

Институт осуществляет ежегодный набор лиц с высшим образованием для подготовки по специальности: «Философский, клинический и прикладной психоанализ» (психотерапия, педагогика, психология, культурология, политология и социальная практика).

В процессе 1-го семестра каждого года обучения проводится подготовка на базовых 168-часовых лекционных циклах (заочная форма — ежедневные занятия в течение месяца с отрывом от производства; вечерняя — занятия два раза в неделю в течение 5-ти месяцев — только для жителей Санкт-Петербурга и области) с последующей работой по рекомендуемой литературе, цикловыми семинарскими занятиями, подготовкой конспектов, сдачей курсовых работ им экзаменов. Второй семестр — еженедельные вечерние семинары (для иногородних — семинары проводятся дополнительно в течение 7—10 дней перед очередной установочной сессией следующего года обучения).

В программе — история, методология, теория и практика психоанализа (З. Фрейд, К. Юнг, А. Адлер, К. Хорни, М. Кляйн, Э. Фромм, А. Фрейд, Ж. Лакан и др.).

Обучение на старших курсах предусматривает проведение персонального анализа и супервизорской практики (для владеющих английским — с супервизорами из зарубежных психоаналитических центров). Лица, проявившие особые способности, после окончания 2-го курса могут быть рекомендованы к обучению в очной или заочной государственной аспирантуре и докторантур (5 мест ежегодно). Внешнее соискательство — не ограничено.

Прием на первый курс осуществляется по результатам собеседования и/или (для иногородних) изучения личных дел, на последующие — по показателям успешности обучения и отбора.

По завершении обучения на каждом курсе выдается удостоверение о полученном образовании и квалификации, а по окончании полного 3-летнего цикла — диплом установленного образца в соответствии с Государственной лицензией по специальности «Психология» — 020400 и специализации — «Психоанализ». Специализация в терапевтическом психоанализе предполагает дополнительное обучение (1 год) на супервизорском курсе, куда зачисляются только выпускники, уже имеющие собственную практику и проходящие персональных анализ.

При высоком конкурсе кандидатов преимущественным правом на зачисление пользуются лица, имеющие базовое медицинское, психологическое или педагогическое образование, а также принадлежащие к возрастной группе старше 30 лет. План ежегодного набора — 40 мест. Иногородним предоставляются места в общежитие (по заявке).

Лекционные и семинарские занятия ведут преподаватели Института и других вузов Санкт-Петербурга, а также специалисты из психоаналитических центров Англии, Франции, Германии, США и р. стран (с синхронным переводом без дополнительной оплаты). Институт располагает единственной в России библиотекой уникальной психоаналитической литературы на русском и иностранных языках.

Оплата за обучение эквивалентна 600 долл. США (вносится в рублях по курсу ЦРБ на момент оплаты). В последующем возможно повышение оплаты в соответствии с ростом стоимости накладных расходов — в среднем не более 10% в год (стоимость обучения не изменялась с 1996 года). Уже внесенная оплата в последующем не индексируется. В отдельных случаях допускается внесение годовой оплаты по частям: 50% — до начала осеннего семестра обучения и 50% — в период до 1 марта.

Установочная сессия 1-го курса заочного отделения — с 01.09.99 г. по 28.09.99 г. Вечерний поток 1-го курса: с 08.09.99 г. по 31.05.2000 г. Прием заявлений — с 1.03.99 г.

Организации и лица, внесшие плату за обучение, одновременно с представлением приходного ордера или квитанции почтового отправления (копии платежного поручения), заявления, личного листка по учету кадров (или соответствующих ему сведений) и 4-х фото 3×4 см сообщают в деканат об избранной (заочной или вечерней) форме обучения. Заявления без оплаты и без предоставления копии диплома о высшем образовании (с вкладышем) не принимаются.

Извещение о включении в список конкретного потока направляется зачисленному заблаговременно вместе с официальным вызовом.

Отсутствие российского гражданства не является препятствием к обучению (в настоящее время в Институте обучаются более 400 специалистов из России, Украины, Беларуси, Молдовы и стран Прибалтики. В случае неприбытия на учебу оплата возвращается (по запросу в течение текущего семестра).

Адрес для переписки и направления почтовых переводов: 197198, Абонементный ящик № 628. В.-Е. Институт Психоанализа (в графе «Для письма» необходимо указать ф. и. о., курс, поток).

Телефоны для справок: учебный отдел — (812) 235-11-39; бухгалтерия — (812) 235-58-10; референт директора — тел./факс (812) 235-28-57.

Расчетный счет: № 407038110855200105540 в Петроградском ОСБ № 1879 Санкт-Петербургского Сбербанка Россия ч/з корсчет № 30101810500000000653 БИК 044030653. ИНН 7812008239. ОКПО 20802983. ОКОНХ 92110, 92200, 95120. Адрес банка: 197198, СПб., Большой пр., П. С., 18. В платежном поручении должна быть указана фамилия учащегося, курс и поток — дневной или вечерний.

Деканат расположен по адресу: 197198, Санкт-Петербург, Большой пр., П. С., дом 18, литер А.

Проезд от ст. метро «Петроградская» (троллейбусы № 1, 12 и 31, автобусы № 10 и 128) или от ст. метро «Невский пр.» (троллейбусы № 1 или 7) до ост. «Ул. Съезжинская», от ст. метро «Спортивная» — 3 мин. пешком.

Администрация Института:

Директор Института — докт. психол. наук и канд. мед. наук, профессор Михаил Михайлович Решетников.

Проректор по методической работе — Владимир Александрович Медведев.
Зам. директора по учебной работе — Татьяна Александровна Половникова.
Гл. бухгалтер — Валерий Григорьевич Лиознов.

Джойс МакДугалл, доктор медицины, родилась в Новой Зеландии. Свой психоаналитический тренинг она начинала вместе с Анной Фрейд в Хамстед-клиник в Англии, затем вместе с мужем и детьми переехала в Париж, и в настоящее время имеет здесь обширную психоаналитическую практику. На протяжении уже 30 лет она – обучающий аналитик и супервизор Парижского Психоаналитического Общества.

Лекции Джойс МакДугалл вызывали неизменный интерес в европейских странах, Соединенных Штатах и Южной Америке. Она является автором ряда книг, среди которых такие как «Оправдание абнормальности», «Театр души», «Театр тела» и др. Доктор МакДугалл получила широкую известность благодаря ее исследованиям сложных психических сценариев, всегда ярко иллюстрированных клиническими наблюдениями, где автором предельно откровенно описывается ее собственное участие в психоаналитическом процессе. Ее личный вклад в изучение таких проблем, как сексуальные девиации, психосоматические феномены и трудности в терапевтическом процессе, общепризнан. В ее самой известной работе «Тысячеликий Эрос» (Norton, 1995), ставшей своеобразным психоаналитическим бестселлером, выдвигается гипотеза, что «человеческая сексуальность является травматичной по своей сути», и вслед за своими пациентами автор идет множеством таинственных путей, которыми человеческое мышление пытается разрешить психологические конфликты, связанные с сексуальной и половой идентичностью в бесконечном поиске любви.

Проф. М. М. Решетников